

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

Январь — Февраль

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногорова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

С. С. Савоскул

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР

Один из важнейших социальных процессов, протекающих в нашей стране,— культурное сближение ее многочисленных народов. Этот процесс идет по линии выравнивания культурного уровня народов, все большей интернационализации их культур. Среди широких слоев населения получают распространение новые, урбанизированные формы культуры, что также способствует утверждению культурной общности народов СССР. Последовательно суживаются сферы традиционной культуры, имеющей по сравнению с современной более ярко выраженную этническую окраску. Идейное содержание культуры народов нашей страны становится все более единым.

Вместе с тем, национальные формы культуры еще долго будут сохраняться. В распространении отдельных элементов современной культуры в тех или иных этнических средах, в отношении к ним людей разных национальностей наблюдаются различия. Факторы, обуславливающие культурные различия между отдельными народами, можно, по нашему мнению, объединить в две группы. К первой относятся факторы, зависящие от особенностей социальной, демографической, поселенческой и т. п. структур у разных народов. Другую группу составляют факторы, непосредственно связанные с этносом. Среди них большое значение имеют язык и национальное самосознание.

Все эти сложные процессы в культуре народов СССР являются предметом изучения таких общественных наук, как история, философия, социология и в особенности этнография, в которой вопросы культуры всегда занимали одно из важнейших мест. В последние годы в изучении проблем современной культуры этнографы достигли известных успехов. Однако, как отметил С. А. Токарев, больше внимания до сих пор уделяется традиционной культуре. Между тем, изучая преимущественно традиционную культуру, архаику, «мы тем самым резко, хотя и невольно искажаем весь облик данного народа»¹. В многочисленных исторических исследованиях, посвященных развитию культуры различных народов СССР, вопрос о распространении современной культуры в широких слоях населения разработан также совершенно недостаточно².

В настоящей статье делается попытка осветить некоторые стороны этой большой и сложной проблемы на примере сельского населения Татарской АССР. Для сколько-нибудь плодотворной разработки поставленных вопросов необходимо привлечение значительного статистического материала, полученного от самого населения путем опроса достаточного числа людей, а также данных государственной статистики. Поэтому в ка-

¹ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 134.

² См. об этом: Ю. В. Арутюнян, К проблеме освоения культуры, «Исторические записки», т. 81, М., 1968, стр. 261.

честве источника мы использовали в первую очередь материалы, полученные в ходе исследования, проведенного в 1967 г. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. Важнейшее место занимают данные анкетного опроса, которым было охвачено около 2300 сельских жителей. В выборку было внесено самостоятельное население в возрасте от 16 лет и старше.

Необходимо отметить, что приблизительно четверть вопросов анкеты (около 20 из 85) касается интересующей нас проблемы. В процессе опроса выяснялись образовательный уровень человека, структура его свободного времени (чтение газет и книг, прослушивание радио и просмотр телепередач, посещение кино). В анкету были включены также специальные вопросы, которые должны были выяснить отношение человека к религии, религиозным праздникам и обрядам.

При этом мы исходили из того, что культурный облик современного сельского жителя складывается в результате сложного взаимодействия нового и старого, передового и отсталого. Следовало также учитывать, что влияние пережитков прошлого сказывается на селе гораздо сильнее, чем в городе. Вот почему, несмотря на то, что ответы на вопросы об отношении к религии всегда нуждаются в известной коррекции, мы считали необходимым включить их в нашу программу. Уже сейчас можно сказать, что этот «блок» анкеты сработал достаточно эффективно и позволил получить ценные сведения о степени религиозности сельского населения³.

Помимо материалов полевых исследований, были использованы материалы, собранные в государственных учреждениях и организациях, прежде всего отчеты библиотек и клубов, поступающие ежегодно в Министерство культуры Татарской АССР⁴, а также данные областной конторы кинопроката и республиканского управления по кинофикации, Казанского областного отделения «Союзпечати», службы радио и телевидения. В результате получается, на наш взгляд, достаточно достоверная картина, показывающая интенсивность освоения населением отдельных ступеней современной культуры.

Чтобы можно было сравнить различные группы населения по уровню их активности в освоении культуры, необходимо знать, сколько книг выдано на одного читателя в год, сколько экземпляров газет и журналов приходится на тысячу человек населения и т. п.

Поскольку главным в нашем исследовании был этнический аспект, мы выделили те районы, где подавляющее большинство сельского населения однонационально. При этом оказалось, что в девяти районах среди сельского населения численно преобладают татары и в шести районах — русские⁵.

* * *

Одним из главных показателей культуры населения является образовательный уровень. Судя по результатам исследования, различий между

³ Интересно, что полученные нами результаты близки к результатам аналогичных исследований, проводившихся в других областях РСФСР. См.: Ю. В. Арутюнян, Социальные аспекты культурного роста сельского населения, «Вопросы философии», 1968, № 9, стр. 130; Н. П. Алексеев, Методика и результаты изучения религиозности населения на материалах Орловской области, «Вопросы научного атеизма», вып. 3, М., 1967, стр. 146).

⁴ Эти сведения касаются лишь той части библиотек и клубов, которые относятся к системе Министерства культуры. В сельской местности Татарии они составляют соответственно 96,4% всех библиотек и 72% клубных учреждений, т. е. подавляющее большинство.

⁵ Численность населения приводится по переписи 1959 г. в пересчете на новые границы районов. Материал взят из архива Татарского республиканского статистического управления.

татарами и русскими в этом отношении уже практически нет⁶. Так, у татар среднее число лет обучения сельского жителя составляет 6,1, а у русских — 5,8. Эти данные особенно показательны, если учесть, что в прошлом татары даже в сельской местности несколько отставали от русских по уровню образования⁷ (см. табл. 1). Об изменениях в образова-

Таблица 1*

Соотношение грамотности татарского и русского сельского населения ТАССР по данным переписи (в %)

Уровень образования	1926 г.	
	татары	русские
Грамотные	54,2	71,6
Имеющие среднее образование, включая среднее спец.	—	—
Имеющие высшее образование	—	—

* Таблица составлена на основании «Всесоюзной переписи населения 1926 г.», т. III, М., 1928, стр. 242—243. Приведенные в таблице цифры касаются лишь мужской части населения в возрасте старше 9 лет.

Таблица 2

Среднее число лет обучения татар и русских по возрастам (по анкетным данным)*

Возраст национальность	16—22		23—34		35—49		50—59		60 и более	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Среднее число лет обучения	9,0	9,0	8,0	8,2	6,5	6,4	3,0	3,1	1,1	1,6

* При подсчете лицам неграмотным и малограмотным не присваивалось ни одного года обучения, имеющим образование до 4 классов — 2 года, 4—6 классов — 5 лет, 7—9 классов — 8 лет; законченное среднее образование приравнивалось к 10 годам обучения, среднее специальное — к 12, а высшее и незаконченное высшее — к 14.

тельном уровне татарского и русского сельского населения в советское время можно судить как по результатам переписей, так и по материалам, полученным в ходе исследования (табл. 2).

Преодоление различий в образовательном уровне между мужчинами и женщинами в селах ТАССР, как и в целом по СССР⁸, протекает неодинаково в различных возрастных группах.

Наиболее существенны различия в образовании между мужчинами и женщинами в самой старшей возрастной группе (см. график № 1). Как видим, у татар эта разница выражена более резко, чем у русских. В возрастной группе от 49 до 50 лет уровень образования мужчин и женщин сближается. Среди более молодых сельских жителей (особенно в группах моложе 34 лет) женщины по уровню образования начинают даже обгонять мужчин, причем у русских это происходит быстрее, чем у татар. Как видно из графика, разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами моложе 34 лет у русских больше, чем у татар. Эта тенденция еще сильнее проявляется в отношении высшего и среднего образования (график 2).

⁶ На наш взгляд, это в значительной степени связано с тем, что в настоящее время социальная структура русских и татар на селе в общем выравнена. См. Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 10, 11.

⁷ Правда, до Великой Октябрьской социалистической революции среди всех нерусских народов Поволжья именно в татарское общество в наибольшей степени проникли элементы капитализма, что оказало определенное влияние на развитие образования.

⁸ Ю. В. Арутюнян, Социальные аспекты культурного роста сельского населения, стр. 121—122.

Число лет обучения

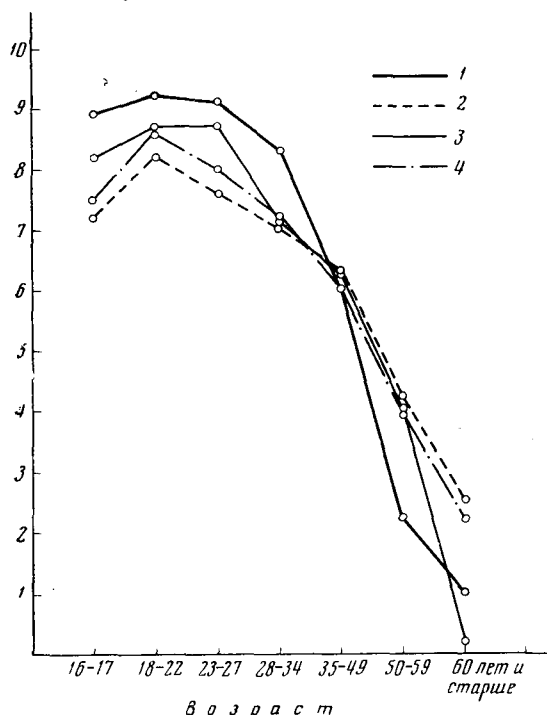

График 1. Среднее число лет обучения; 1 — русские женщины; 2 — русские мужчины; 3 — татарские; 4 — татары-мужчины

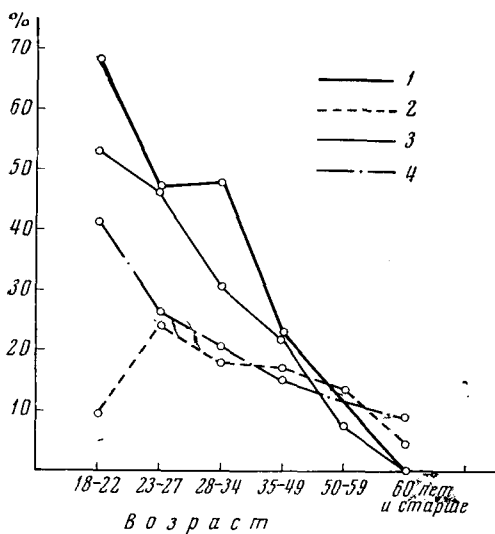

График 2. Среднее и высшее образование; 1 — русские женщины; 2 — русские мужчины; 3 — татарские; 4 — татары-мужчины

Объяснение этому явлению следует искать не только в таком общем для сельского и городского населения факторе, как равные права мужчин и женщин в отношении получения образования, но и в том, что женщинам в большей мере, чем мужчинам, необходимо образование для получения сравнительно высокооплачиваемой работы. Мужчины же могут получить довольно высокую оплату на более тяжелой физической работе, не требующей больших знаний. Кроме того, следует учитывать, что в силу ряда причин мужчины, особенно молодежь, более предрасположены к миграции из села в город, чем женщины. Вполне естественно, что в первую очередь уходят из села наиболее образованные, грамотные люди. При этом русские чаще переезжают в город, чем татары. В результате женщины по уровню образования берут на селе верх над мужчинами.

Образование в значительной степени определяет культурный уровень человека. Но о его культурном облике мы можем судить и по ряду других признаков, например по структуре вне рабочего времени.

Сравнение структуры вне рабочего времени татар и русских (см. табл. 3) показывает, что у татар ее положительные элементы (рубрики 2—8) развиты несколько больше, чем у русских. Исключение составляют лишь такие занятия, как просмотр телепередач, спорт, охота, рыбная ловля.

Несколько более содержательный досуг у татар можно проследить по всем социально - профессиональным и поло-возрастным группам. Этот факт объяс-

няется тем, что удельный вес мужчин и молодежи в общей массе сельского населения, а также почти во всех социально-профессиональных группах у татар больше, чем у русских⁹.

Кроме того, следует учитывать, что русские, проживающие в более мелких населенных пунктах¹⁰, имеют меньшие, по сравнению с татарами, возможности для своего культурного развития, поскольку, судя по результатам нашего исследования, между величиной населенного пункта и его культурно-бытовыми условиями имеется тесная связь.

Таблица 3
Содержание внерабочего времени татар и русских
по анкетным данным (в %)*

Преимущественные занятия в свободное время	татары	русские
Домашнее хозяйство, дети	77,0	78,9
Учеба	4,7	3,6
Чтение	35,9	28,5
Художественная самодеятельность	1,9	0,5
Спорт, охота и т. п.	2,9	5,7
Кино, танцы	44,4	35,0
Телевизор	10,4	17,7
Радио	51,4	42,9
Домино, карты	9,0	7,2
Пассивный отдых	11,7	15,6

* Каждый из опрошенных называл несколько занятий.

Все перечисленные факторы не связаны непосредственно с этносом, но их тем не менее необходимо иметь в виду при сравнении культурного уровня татар и русских.

Следует отметить, что имеются также и факторы, определяющие различия между татарами и русскими в освоении отдельных элементов культуры.

Так, радио уже давно проникло в деревню. В современном селе — это самое распространенное средство массовой коммуникации, которое пользуется большим успехом как у татар, так и у русских. Однако татарское население отдает ему особое предпочтение. Среди наших респондентов больше татар постоянно слушают радио.

Правда, по сравнению с русскими у них меньше радиоприемников. Но зато, по данным государственной статистики, на 1 января 1969 г. в «татарских» районах на тысячу человек приходилось в среднем 172 радиоточки, в то время как в «русских» — лишь 90.

С одной стороны, те татары, которые еще недостаточно знают русский язык (это в особенности относится к старшему поколению и лицам, занятым физическим трудом), слушают радиопередачи на татарском языке из Казани потому, что они им понятны¹¹. С другой стороны, передачи местного радио удовлетворяют не только интерес к местной информации, но и потребность в национальном искусстве. Почти все заявки на музыкальные передачи, поступившие на радио от татар, живущих

⁹ По данным полевых исследований 1967 года.

¹⁰ По данным нашего исследования, 38,6% русских проживает в селах с населением до 500 человек, а среди татар в таких селах живут лишь 25,9%. Это подтверждается и данными переписи 1959 г. В районах преимущественного проживания татар на каждое село приходится в среднем 412 человек, а в «русских» районах — 281.

¹¹ Около 46% татар ответили, что они слушают радио на родном языке.

в селе, ориентированы на национальную музыку¹². Особенно заметен интерес к ней у сельской интеллигенции: во всех заявках, исходящих от этой социальной группы, содержится просьба исполнить татарскую музыку.

Обращает на себя внимание большой интерес сельских жителей татарской национальности к современной музыке, хотя интерес к традиционной народной музыке также устойчив. Вероятно, народная музыка еще достаточно широко бытует в сельской местности¹³, и поэтому лица, приславшие заявки, хотят послушать менее знакомую им профессиональную национальную музыку. Из города же, где гораздо чаще исполняется профессиональная музыка, поступает больше заявок на исполнение народной музыки¹⁴.

Телевидение не получило еще достаточно широкого распространения в селах Татарии и остается пока в значительной степени атрибутом городского быта. На данном этапе телевидение в большей степени распространено среди русских: телевизоры имеют 24,6% русских, а среди татар 5,9%, постоянно смотрят телевизионные передачи 28,7% русских и 13,9% татар. Вместе с тем и здесь прослеживается тенденция к выравниванию. Если в самой старшей возрастной группе (свыше 60 лет) в 10 раз больше русских по сравнению с татарами постоянно смотрят телевизионные передачи, то в других возрастных группах наблюдается соотношение всего лишь 2 к 1 в пользу русских, а в самой младшей возрастной группе — 16—17 лет — эта разница вообще отсутствует.

Меньшее, по сравнению с русскими, распространение телевидения среди татар объясняется отчасти тем, что татарские села, расположены, как правило, дальше от города, чем русские. Поэтому естественно, что в этой зоне качество телевизионного изображения хуже. Но среди старшего поколения указанная разница прослеживается все же достаточно четко и в селах, в которых татары и русские живут вместе. Правда, там она несколько меньше. Значит, дело не только в технических причинах. По нашему мнению, такое различие отчасти связано с большей близостью телевидения к домашнему быту, более консервативному у мусульман, а многие представители старшего поколения среди татар являются мусульманами. Возможно, что это отчасти объясняется запрещением исламом изображать людей и животных¹⁵. Правда, по отношению к кино этот запрет оказывается недействительным. Татары старшего поколения посещают кино не реже, чем русские этого возраста. Здесь, по-видимому, сказался фактор времени, не успевший еще отразиться на отношении старшего поколения татар к новому и менее привычному телевидению. Однако чтобы дать окончательный ответ на этот вопрос, нужно дополнительное исследование.

Следующим за радио по степени распространенности средством массовой коммуникации является газета. Судя по ответам на вопросы анкеты, татары читают газеты больше, чем русские¹⁶. Около 58% опрошенных татар ответили, что они постоянно читают газету, а среди русских

¹² В. К. Малькова, Письма-заявки радиослушателей как источник для изучения музыкальных вкусов населения, в кн.: «Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований», М., 1970.

¹³ Отчасти это подтверждается тем, что гармоника, ставшая через некоторое время после своего проникновения в Поволжье новым народным татарским инструментом (см.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», М., 1968, стр. 453, 454), в наши дни более характерна для татарского сельского населения, чем для русского: ее имеют 19,8% татар и 13,4% русских.

¹⁴ В 35,3% городских заявок и в 22,7% сельских содержится просьба исполнить народную музыку.

¹⁵ С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1965, стр. 577.

¹⁶ Это подтверждается данными по идентичным социально-профессиональным и возрастным группам.

постоянно читающие газету составляют около 48%. Данные о подписке на периодическую печать на 1 января 1969 г. дают приблизительно ту же картину. В «татарских» районах на тысячу человек было выписано 790 экземпляров газет и журналов, в «русских» — только 610.

При этом татары в большей степени интересуются республиканской печатью, особенно изданиями на татарском языке, в то время как русские в большинстве своем, естественно, читают центральные газеты и журналы (см. табл. 4).

Радио и газета удовлетворяют в основном «рациональные» интересы сельских жителей¹⁷. Эстетически-эмоциональные потребности удовлетворяют, главным образом, кино и художественная литература. Как известно, кино очень популярно среди самых различных слоев сельского населения и обладает громадными возможностями эмоционального воздействия. Оно во многих районах остается основным средством эстетического воспитания тружеников села. Литература, именно в силу большей избирательности, не может в этом отношении сравниться с кино. Интеллигенция читает художественную литературу примерно в три раза больше, чем лица, занятые неквалифицированным физическим трудом. Радио, в общем одинаково адресованное ко всем группам сельских жителей, не обладает той же эмоциональной силой, что и кино. Телевидение по ряду причин еще не может в такой же степени, как кино, приобщать село Татарии к искусству. Посещения же спектаклей и концертов жителями села носят пока эпизодический характер.

Отметим, что, судя по результатам опроса, татары (как в целом, так и по всем социально-профессиональным и большинству возрастных групп) несколько более активно, чем русские, посещают кино. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что русские села кинофицированы хуже татарских. Например, в «русских» районах на тысячу человек приходится в среднем 1,05 киноустановок, а в «татарских» — 1,28. Кроме того, в районах, где проживает преимущественно русское население, кинофильмы демонстрируются в 66,9% населенных пунктов, а в «татарских» районах — в 78,8% населенных пунктов¹⁸. Вместе с тем, судя по данным государственной статистики, разница в посещении киносеансов в «русских» и «татарских» районах незначительна. Например, в «русских» районах на тысячу человек приходилось в 1966 г. 13,1 тысяч посещений кино, в «татарских» — 13,2 тысячи¹⁹.

Этнический фактор проявляется по отношению к кино, вероятно, в тех случаях, когда в содержании кинокартины есть что-то национальное.

Так, фильм о татарском поэте Мусе Джалиле особенно популярен среди татар. Фильм же, снятый по мотивам крупнейшего произведения русской литературы («Война и мир»), привлек в большей степени интерес русского зрителя (см. табл. 5).

В такой сфере культурной деятельности, как чтение литературы, особых различий между татарами и русскими нет. Если среди татар посто-

Таблица 4

Подписка на периодическую печать

Вид печати	Распространенность (в экз. на 1 ты. чел.)	
	«татарские районы»	«русские районы»
Республиканская	540	281
Центральная	250	329

¹⁷ Ю. В. Арутюнян, Социальные аспекты культурного роста сельского населения, стр. 126.

¹⁸ Данные республиканского управления кинофикации на 1 января 1969 г. Здесь учитываются населенные пункты с числом жителей свыше 25 человек, которые планируется кинофицировать в недалеком будущем.

¹⁹ Подсчитано по статистическому сборнику «Достижения Татарской АССР к 50-летию Советской власти», Казань, 1967, стр. 107.

янно читают литературу 25,4%, то среди русских — 21,9%; от случая к случаю читают литературные произведения 32,6% татар и 29,8% русских. Эта же тенденция (с незначительным перевесом в пользу татар) отмечается по всем социально-профессиональным и большинству возрастных групп.

Таблица 5

Доля населения, просмотревшего отдельные кинофильмы

Фильм	Районы преимущественного проживания татар и русских	Доля населения, просмотревшего фильм в %
«Моабитская тетрадь»	«Татарские»	7,1
	«Русские»	3,5
«Война и мир», 1-я серия	«Татарские»	4,2
	«Русские»	7,1
«Война и мир», 2-я серия	«Татарские»	3,6
	«Русские»	6,3

Статистические данные в общем подтверждают результаты анкетного обследования. В «русских» районах на тысячу человек приходится меньше читателей, чем в «татарских» (соответственно 353 и 472), что отчасти объясняется худшей материальной базой библиотек в районах преимущественного проживания русских (что, в свою очередь, связано с меньшей величиной населенных пунктов в этих районах). Например, на тысячу человек в «русских» районах приходится в среднем 0,73 библиотеки и 4663 книги, а в «татарских» — соответственно 0,82 и 5853. Что же касается активности читателей, записанных в библиотеку, то здесь различия незначительны. Так, читатели-татары посещают библиотеку в среднем 11,1 раза в год, а русские — 12,7 раза. На одного русского читателя в год выдается в среднем 17 книг, а на татарского — 16,9. По тематике читаемой литературы особых различий тоже нет.

Однако татары читают литературу и на родном языке, и на русском (63,9% читателей-татар только на татарском, 25,0% — на татарском и русском, 11,1% — только на русском), русские же только на родном языке. В ходе опроса лишь 17 русских (1,2% всех респондентов) ответили, что при чтении литературы пользуются татарским языком (6 человек — только татарским, 11 — русским и татарским).

По нашим материалам можно в какой-то степени определить удельный вес национальной литературы среди книг, прочитанных различными социальными группами сельского татарского населения. При этом мы исходили из того, что национальная литература издается преимущественно на татарском языке. Нельзя однако, забывать, что поставить знак равенства между национальной литературой и литературой на татарском языке, конечно, нельзя, т. к. на татарском языке издаются книги писателей и других национальностей.

Больше всего книг на татарском языке читают лица, занятые физическим трудом (см. график 3), поскольку они недостаточно знают русский язык. Интеллигенция обычно читает литературу на русском и татарском языках. Татарская интеллигенция, как правило, не ограничивается рамками национальной культуры, а, осваивая русский язык, приобщается также к достижениям общесоветской и мировой культуры.

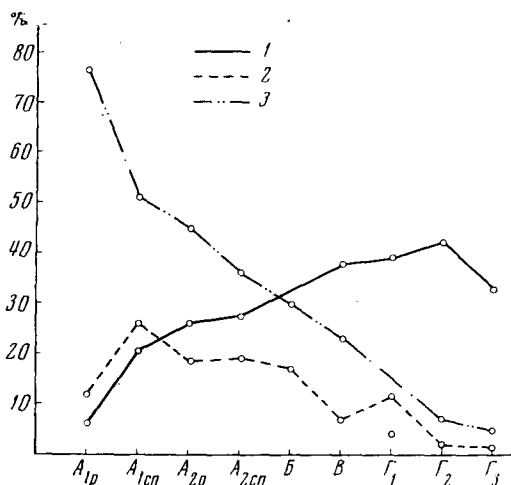
По статистическим материалам мы можем судить об участии различных групп населения в кружковой работе клубных учреждений, что отчасти раскрывает и другую сторону культурного развития села — создание духовных ценностей. Подтверждая результаты анкетного опроса, согласно которым татары в общем активнее участвуют в художественной самодельности²⁰ (1,9 татар и 0,5% русских ответили, что они за-

²⁰ Это отмечается не только в целом, но и по всем социально-профессиональным, возрастным и половым группам.

нимаются в кружках), статистические данные указывают, какие виды самодеятельного искусства пользуются наибольшей популярностью сельского населения (см. табл. 6).

Как видим, больше всего участников в хоровых кружках. Их, конечно, легче всего организовать. При этом обращает на себя внимание тот

График 3. Язык художественной литературы, читаемой разными социально-профессиональными группами татарского сельского населения (в %) A_{1p} — руководители высшего звена; $A_{1сп}$ — специалисты высшей квалификации; A_{2p} — руководители среднего звена; $A_{2сп}$ — специалисты средней квалификации; Б — служащие; В — механизаторы; Γ_1 — квалифицированные работники физического труда; Γ_2 — животноводы; Γ_3 — разнорабочие
1 — на татарском; 2 — на русском; 3 — на обоих

факт, что татары, которые не были в прошлом знакомы с многоголосым пением²¹, сейчас более охотно занимаются им, чем русские.

Большинство описанных сторон культуры стоит вне сферы традиционных этнических особенностей, а связано со спецификой социально-де-

Таблица 6

Участие в кружках художественной самодеятельности

Типы кружков	Участников кружков на тысячу человек	
	«татарские» районы	«русские» районы
Хоровые	25,8	21,7
Драматические	18,7	12,4
Хореографические	12,4	7,6

мографической и поселенческой структуры татарского и русского населения. Современная же культура становится все более интернациональной. Но и в ней, благодаря языковым, психологическим и другим факторам, проявляется некоторое этническое своеобразие, даже когда речь идет о восприятии таких современных «элементов» культуры, как радио, печать, кино, телевидение.

* * *

Подъем культурного уровня современного сельского населения приводит к вытеснению религиозных пережитков. Однако сохранение их среди части сельского населения является фактом, мимо которого нельзя пройти при изучении культуры современного села.

²¹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 448, 462; С. Г. Софронов, Культуру — в жизнь народа, в кн.: «Татария на пути к коммунизму», Казань, 1965, стр. 206, 207.

Религиозные пережитки задерживают объективный процесс сближения народов, формирования их духовного единства, затрудняют общение лиц разных национальностей. Поэтому изучение степени религиозности различных национальных, социально-профессиональных и других групп населения имеет большое практическое значение, в том числе и для управления национальными отношениями.

Результаты анкетного опроса показывают, что татары в сельской местности ТАССР более религиозны, чем русские²². Среди русских 24,5%

Таблица 7

Доля верующих по этническим и половым группам

Этнические группы	Пол	Доля верующих в %
Татары	Мужчины	20,2
	Женщины	36,0
Русские	Мужчины	8,2
	Женщины	31,8

ответивших сказали, что веруют, среди татар — 30,4%. Колеблющихся — 18,2% среди татар и 13,7% среди русских.

Активная религиозная пропаганда, проводившаяся до Октябрьской революции мусульманским духовенством, способствовала глубокому проникновению религии во все стороны жизни и быта татарского народа. Ислам отрицательно влиял на развитие многих сторон народной

культуры, что выражалось в слабом развитии музыки, хорового пения, театра, живописи²³. В настоящее время мусульманская религия, приспособляясь к современности, пытается стать ближе к жизни верующего, проповедует совпадение интересов ислама с задачами коммунистического строительства. Кроме того, мусульманское духовенство, привлекая на сторону ислама колеблющихся, выдает отдельные религиозные обряды за национальные. Недаром такое мнение характерно для многих верующих. Некоторые из них склонны рассматривать, например, обряд обрезания не как религиозный, а как национальный обычай²⁴. Кстати говоря, это характерно не только для Татарии²⁵. Вероятно, высказанные выше соображения помогут понять, почему среди татарского сельского населения около половины (50,9%) опрошенных ответили, что можно делать обряд обрезания. В то же время среди русских, у которых обряд крещения не связан с национальным самосознанием, лишь 35,8% склонны соблюдать его. К религиозным праздникам отношение иное: среди русских религиозные праздники отмечают 43,9, а среди татар 39,9%.

Религиозные праздники на селе становятся зачастую традиционными. В них принимают участие отнюдь не только верующие, что уже отмечалось в отношении русского сельского населения. Это подтверждается и данными нашего исследования.

Общезвестно, что женщины более религиозны, чем мужчины. Однако среди татар разница в религиозности между лицами разного пола не так велика, как среди русских (см. табл. 7).

Большие различия в отношении религии прослеживаются среди разных возрастных групп сельских жителей: если молодежь в основном отошла от религии, то старики в большинстве своем — еще люди верующие. Очень значительна разница в степени религиозности и в разных социально-профессиональных группах: среди интеллигенции верующих почти нет (менее 3%), а среди разнорабочих их в 10 раз больше.

²² Это прослеживается также по всем социальным и возрастным группам.

²³ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 265—313, 398, 448.

²⁴ А. Калаганов, П. Светлов, Ш. Сайфутдинов, На пути к атеизму, Казань, 1967, стр. 98—101, 128.

²⁵ А. Калаганов и др., Указ. раб., стр. 126, 128; Ж. Б. Базарбаев, Некоторые итоги изучения религиозности населения Каракалпакии; В кн.: «Конкретные исследования современных религиозных верований», М., 1967, стр. 198; Р. М. Маджаров, Пути преодоления религиозной обрядности, «Вопросы философии», 1964, № 12, стр. 110.

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что наш опыт ограничен и полученные результаты, в известной мере, схематичны. Но в то же время этот этап — создание статистической основы и замеры наиболее существенных параметров культуры — необходим для более всестороннего сравнительного анализа культурного облика людей различных национальностей. Мы надеемся, что это позволит в дальнейшем получить более полное представление о культурном облике различных социальных и этнических групп населения. При этом социологические методы не исключают, а наоборот, предполагают использование других, привычных для этнографов средств изучения культуры — личного наблюдения, углубленных опросов и т. п. Однако уже на основе имеющихся данных можно сделать важный вывод о том, что к настоящему времени практически преодолены различия в культурном уровне русского и татарского сельского населения ТАССР. Это явилось результатом проводимой коммунистической партией ленинской национальной политики, одной из существенных сторон которой является выравнивание экономического, социального и культурного уровня всех народов нашей страны.

SOME ETHNIC ASPECTS OF RURAL CULTURE IN THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Some aspects of modern intellectual culture are considered in the article and illustrated by material from the TASSR. Close attention is given to characteristic features in the spread of modern cultural forms (cinema, radio, literature, press, television, etc.) among different ethnic groups (Tatars, Russians), social and sex-and-age groups in the rural population. It should be emphasised that the proposed methods of cultural studies: questionnaires and the use of official statistical material enable the investigator to obtain a sufficiently complete and exact idea of the phenomena under observation.

В. В. Карлов

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЕНИСЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Вопрос об исторической типологии этнических общностей выдвинулся в советской этнографии за последнее время на видное место как имеющий важное теоретическое значение. Советскими учеными разработаны общетеоретические положения о типах этнических связей на разных ступенях развития человеческого общества, в различных социально-экономических формациях. Конкретно же, применительно к многочисленным народам в тот или иной период их развития, этот вопрос не решен зачастую и до сих пор.

Настоящая статья только ставит вопрос о типах этносоциальных связей в среде эвенков енисейского бассейна в XVII—XVIII вв.

Советские этнографы уже касались этой проблемы. Так, Б. О. Долгих на основании архивных материалов установил родо-племенной состав народов Сибири XVII в.¹ По ходу исследования он остановился также на характеристике этносоциальных связей и различных форм социальной организации, в частности дал свое толкование терминов «род» и «племя» у народов Сибири, в том числе у эвенков.

Содержание термина «род» в документах XVII—XVIII вв. оказалось многозначным, на что обратил внимание еще Н. Н. Степанов². Проанализировав употребление этого термина в источниках, Б. О. Долгих выделил у народов Сибири, в том числе у эвенков, три основных типа родов. Это, во-первых, большие роды, насчитывающие десятки, а иногда и сотни трудоспособных мужчин, с характерными для данного народа родовыми названиями. Б. О. Долгих называет их фратриями позднейшего типа, образовавшимися путем отпочкования от большого отцовского рода дочерних родов при сохранении между ними тех или иных связей. Роды второго типа представляли собой подразделения внутри этого большого рода (фратрии). Такие роды включали в себя обычно 10—20 трудоспособных мужчин и назывались по имени лица, возглавлявшего данный род. Роды третьего типа по численности были равны родам второго типа, но отличались от них названиями, характерными для родов первого типа. Б. О. Долгих считает их старыми небольшими родами, которые не имели условий для превращения в роды-фратрии и существовали самостоятельно, наряду с последними. К этой же категории он относит и небольшие роды, образованные пришельцами или иноплеменниками. Кроме того, иногда родом назывались большие патриархальные семьи. Социально-экономической микроединицей общества была большая семья или подразделение большого рода.

Вопрос о существовании племен у эвенков оказался гораздо более сложным, так как ни источники, ни позднейшие этнографические наблю-

¹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 55, М., 1960.

² Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, «Советский Север», т. III, Л., 1939, стр. 54.

дения не зафиксировали даже следов их племенной организации. Фактически Б. О. Долгих отказался от решения этой проблемы, отметив, что «в определенных условиях племенное самоуправление может распадаться и тогда высшей формой социальной организации остается род (фратрия)»³. Но отсутствие племени как социальной организации не означает, по его мнению, уничтожения племени как «определенной этнографической единицы». Несколько предполагаемых племен (причем племя рассматривается как особая территориальная и диалектная группа населения) выявлено им и среди енисейских тунгусов. На карте, являющейся итогом труда Б. О. Долгих, они выделены наряду с некоторыми большими родами-фратриями, которые не удалось сгруппировать в более крупные общности. Таким образом, основным типом этнической общности у эвенков этого времени Б. О. Долгих считает территориально-племенную группировку, не всегда достаточно четко интегрированную.

Выводы Б. О. Долгих интересны, но они влекут за собой немаловажный вопрос — каковы же те органические связи (формы общения)⁴, которые можно считать основополагающими при формировании упомянутых выше общностей у эвенков XVII—XVIII вв.? Если рассмотреть под таким углом зрения те же источники, а также сопоставить их с более поздними этнографическими и фольклорными материалами, то картина, нарисованная Б. О. Долгих, может быть несколько уточнена и дополнена. Как нам представляется, этно-социальную общность необходимо исследовать в трех аспектах: первый из них — это внутренние органические связи, или социальная система, оформляющая ее как общность; второй — это единство занимаемой территории в хозяйственном отношении; третий — это особый язык (диалект), как один из основных признаков той же общности.

Л. Г. Моргану принадлежит высказывание о том, что у ирокезов, где племя состоит из нескольких родов, все члены которых перемешались путем браков и говорят на одном диалекте, «посторонний глаз видит племя, но не род»⁵.

В свою очередь, Ф. Энгельс выделил ряд черт, характеризовавших отдельное племя в Америке (и параллельно у древних германцев): «Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме мест своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли... Особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают...» и т. д.⁶ Все это верно не только в отношении народов, у которых племя существует в качестве отчетливо выраженной социальной организации с постоянным хорошо налаженным управлением. У многих народов племя как форма этнической общности исторически возникает раньше и исчезает позже племени в качестве социальной самоуправляющейся единицы. Племенная форма общности людей по признаку их этногенетического родства была весьма живучей и у народов Сибири. Русским казакам, которые впервые встретились с тунгусами в начале XVII в., бросились в глаза не роды, а какие-то иные формы их общности. По терминологии документов XVII в., они названы «землицами». Этот русский термин подчеркивал в первую очередь какую-то более или менее устойчивую территориальную общность. Иногда им обозначались лица разной родо-пле-

³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 10.

⁴ Классики марксизма-ленинизма выделяли как особые формы общения преемственность между поколениями, непосредственное материальное и прочее общение между людьми и объективные закономерности, которые складываются при этом независимо от сознания общающихся. В марксистской социологии термин «общение» (*Verkehr*) введен К. Марксом и Ф. Энгельсом. Подразумевалось под ним общение людей в процессе производства, которое служит основой всякого другого общения (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19, 20).

⁵ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 61.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92, 93 и сл.

менной принадлежности, говорящие на разных диалектах⁷. В документе, составленном в 1630 г. в г. Енисейске, — «Имяна землицам, которые живут по Лене реке конны и оленны», — перечислены 14 таких землиц. Из них тринадцать носят тунгусские родовые (или, скорее, родо-племенные) названия, четырнадцатая земля — бурятская⁸. Известен целый ряд других документов, где также упомянуты различные тунгусские «землицы»⁹. «Естественно сложившаяся племенная общность... есть первая предпосылка (сродство по крови, языку, нравам и т. д.) *присвоения* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.)»¹⁰. Именно в силу этих причин племенная общность и была наиболее типичной формой этно-социальной группировки людей общинно-родовой эпохи: она совмещала в себе, с одной стороны, этническую общность, с другой — и это не менее важно — социальный организм. Последующее историческое развитие выдвинуло другие, более сложные, чем племенная, типы этнических общностей, равно как и другие типы социальных организмов.

Примечательно, что по мере упорядочения системы ясачного сбора термин «землица» навсегда исчезает из употребления. Только в конце XVIII и в XIX в. вместо «землиц» появляются ясачные «волости» и административные «роды». Во всех же документах об уплате ясака в XVII — первой половине XVIII в. фигурирует лишь один термин — «род». Поэтому неудивительно, что исследователи общественного строя эвенков XVII—XVIII вв. останавливали свое внимание преимущественно на «роде» как на наиболее четкой единице социальной организации.

Но чем же был эвенкийский род в XVII—XVIII вв.? О многозначности термина «род» в источниках уже говорилось выше. Распадение большого рода на ряд подразделений отмечает и Н. Н. Степанов, называя их «патриархальными группами»¹¹. На большом документальном материале он убедительно доказывает, что, будучи экономически и территориально самостоятельными, именно эти группы, численностью приблизительно от 8 до 40 мужчин-плательщиков ясака и были основными единицами ясачного обложения. Из их среды брались аманаты — заложники, и каждая группа платила ясак исключительно «под своего аманата», а не другого, даже если он был из того же большого рода. В отличие от Б. О. Долгих, Н. Н. Степанов считает выявленную им патриархальную группу основной хозяйственной ячейкой эвенков. Впрочем, по его мнению, указанная группа практически совпадала с большой патриархальной семьей¹². Б. О. Долгих хотя и различает эти две социальные единицы, все же признает, что иногда их трудно отличить одну от другой¹³.

Таким образом, распадение большого рода на ряд подразделений — достоверно установленный факт. Однако не ясны структуры самих этих подразделений и связь между ними. Не установлено также, что из себя представляла производственная единица эвенков в данную эпоху. Она не могла быть родовой общиной: большой род не был един территориально и экономически. Есть достаточные основания предполагать, что и его под

⁷ См. подробнее: Л. П. Лашук, В. И. Ленин о земляческих и национальных связях, «Сов. этнография», 1970, № 1.

⁸ Н. Н. Степанов, Заметки по исторической географии и этнографии Сибири, «Известия ВГО», 1949, № 3.

⁹ См. Н. Н. Оглоблин, Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592—1768), ч. III, М., 1900, стр. 239; С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV — Основание Красноярского острога, М., 1959, стр. 24.

¹⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 5.

¹¹ Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, стр. 54, 55.

¹² Там же, стр. 61.

¹³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 9.

разделения — патриархальные группы — не обладали такими признаками. Как уже отмечалось, Б. О. Долгих считает экономической ячейкой большую семью, следовательно — большесемейную общину. Во всяком случае очевидно, что патриархальная группа — подразделение рода распадалась на какие-то составные части. Документы фиксируют проживание членов одной патриархальной группы — «однофамильцев» — на очень широкой территории, охватывавшей различные, порой далекие друг от друга ясачные зимовья. В эти части патриархальных групп входило разное число плательщиков ясака, но чаще два — три человека. Некоторые из них могли откочевывать самостоятельно на значительные расстояния. Поэтому ежегодные сборы ясака заставляли патриархальные группы в разном численном составе. Например, среди тунгусов-Мауги-ров (они же Шилягиры) Непского зимовья ясачные сборщики насчитали в 1639 г. 156 человек, разделенных на четыре «рода» (соответственно 39, 33, 59 и 25 взрослых мужчин). А в 1645 г. их оказалось уже 170 человек, состоявших в пяти «родах» (соответственно 58, 11, 50, 23 и 28 человек)¹⁴. Складывается впечатление, что перед нами те же самые патриархальные группы, члены которых не всегда находятся вместе в одном районе, а расходятся врозь по мере надобности более мелкими хозяйственными объединениями (максимально до 10—12 мужчин). Эти объединения, по всей вероятности, и представляли собой типичное эвенкийское стойбище, кочевую общину, известную по более поздним этнографическим наблюдениям.

Стойбище состояло обычно из двух — трех, но иногда и большего числа трудоспособных мужчин с их семьями: нередко это были отец с женатыми сыновьями и внуками; иногда сюда же входили холостые и женатые племянники и другие родственники. Первые, еще эпизодические, сборы ясака застают, по-видимому, именно отдельные стойбища. Так, мангазейские казаки, впервые встретившие тунгусов в 1614 г. в районе устья р. Нижней Тунгуски, взяли ясак с восьмью таких групп: Тектя (4 чел.), Сентя (7 чел.), Когой (2 чел.), Лиргило (5 чел.), Кона (12 чел.), Горагили (9 чел.), Молчаги (3 чел.) и Елигин (1 чел.). В 1615 г. ясак был взят всего с пяти групп: Конай (6 чел.), Горагили (9 чел.), Котой (7 чел.), Сеепку (1 чел.) и Мопги (2 чел.)¹⁵. Итак, эти группы были немногочисленны. Названия их в одних случаях происходят от имен возглавлявшего их лица (Тектя, Сентя, Лиргило), в других — от родового имени (Горагир, Йолигир, Малгачагир), на что указывает суффикс — *гир*, несколько искаженный в записях.

Достаточных сведений о том, что община-стойбище была именно большой семьей, нет. Против, далеко не всегда отношения между малыми семьями, входившими в производственную общину, строились на строго патрилинейной основе, хотя счет родства у эвенков строго патрилинейный. Очень большое значение в системе общественных отношений эвенков имели связи между группами, обменивавшимися женщинами. Такие связи по свойству играли заметную роль в социальной системе многих доклассовых обществ. При распыленности групп разного происхождения на огромных площадях (о чем будет сказано ниже), тесные связи между семьями эвенков, состоявшими в отношениях свойства, были естественны и необходимы. Патриархальная группа родственников, живущих недалеко друг от друга, могла обмениваться женщинами с несколькими соседними группами. Об этом говорят и дошедшие до нас старые эвенкийские предания. Одно из них, например, повествует о том, как родственники легендарного бойца-сонинга Ховоко из рода Момочар обменивались женщинами с группой Пачаки из рода Момоль и с одной из групп

¹⁴ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 167—171.

¹⁵ Там же, стр. 152. По мнению Б. О. Долгих, Конай — Когой — Котой — различные написания одного и того же рода «Хангай», Сентя и Сеепку — рода «Сентей», Мопги и Молчаги — рода «Малгачай».

рода Нюрумняль. Сам Ховоко, странствуя, встречает стойбище, где совместно живут семьи из разных родов-свойственников¹⁶. Документы XVII в. отмечают случаи взаимопомощи родов-свойственников, например при защите от врагов¹⁷. По более поздним данным, совместное проживание, взаимопомощь, более или менее постоянное объединение в одну производственную общину нескольких семей-свойственников были в обычае у эвенков¹⁸. Это позволяет предполагать, что и в XVII—XVIII вв. кочевая община-стойбище нередко могла состоять из семей разных родственных групп, обменивавшихся женщинами. Внешне по своей структуре такое образование напоминало большую патриархальную семью, но, по-видимому, оно нередко представляло собой гетерогенную группу семей, объединенных вокруг какого-либо умелого охотника (а в случае необходимости — и сильного бойца-защитника). При этом такое объединение могло строиться на основе родственных связей как по линии отца, так и по линии матери и жены. На это указывает и эвенкийская терминология родства. В языке отдельных территориальных группировок енисейских эвенков зафиксировано несколько терминов, обозначающих различные степени родства: родство по материнской линии (юдёк), отцовской (ибдери, дялви, нядиль), свойству (ибдери, тунгур). Но единый для всех группировок четкий термин, который охватывал бы всех лиц одного кровного рода, выявить не удалось. В качестве такого термина переводчики записей текстов эвенкийских преданий предлагают слова «ибдери»¹⁹ и «дялви»²⁰. Но среди исследователей нет единого мнения о толковании этих терминов. Одни считают, что слово «ибдери» значит «кровные родственники»²¹, другие связывают его с обозначением свойственников. Г. М. Василевич переводит термин «дялви» как «кровные родственники», а А. Ф. Анисимов считает его обозначением родственных родов одной фратрии²², хотя его предположения о дуально-фратриальном устройстве эвенкийского общества не нашли поддержки у других исследователей. Б. О. Долгих замечает, что слово «дялви» обозначает разные роды, близкие по происхождению, но в обиходе это слово употребляется в значении товарищ, спутник, компаньон²³. Таким образом, приведенные термины довольно многозначны. Вместе с тем широкое значение этих наиболее употреблявшихся терминов как раз обрисовывает круг основных связей, признававшихся эвенками в качестве родственных и соседских.

Ясачные книги и другие источники характеризуют тунгусов как народ, промышлявший охотой и рыбной ловлей и постоянно кочевавший в поисках добычи. Оленеводство имело преимущественно транспортное значение.

С одной стороны, существовала необходимость постоянных передвижений, с другой — требовалось сезонное распределение рабочих рук по отраслям комплексного хозяйства. Все это позволяло сочетать одновременно охоту, рыболовство и оленеводство. Эти условия производства и делали довольно подвижную и непостоянную группу — стойбище основ-

¹⁶ «Исторический фольклор эвенков», М.—Л., 1966, стр. 284—289.

¹⁷ Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, стр. 62, 63.

¹⁸ Материалы экспедиций Кафедры этнографии МГУ в Эвенкийский национальный округ (далее — МЭКЭНО) 1966, 1968 и 1969 гг. (хранятся на Кафедре этнографии МГУ).

¹⁹ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов). Приложения, Л., 1936; Г. М. Василевич, Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, Л., 1936, стр. 96.

²⁰ «Исторический фольклор эвенков», Предания; см. также «Эвенкийско-русский словарь», М., 1958, стр. 105.

²¹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, канд. дис., М., 1946, стр. 290; А. Ф. Анисимов, Указ. раб., стр. 72, 122.

²² А. Ф. Анисимов, Указ. раб., стр. 108—110.

²³ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 295.

ной производственной ячейкой общества. В основе такого производственного объединения лежала довольно «эластичная» форма связи между семьями, представлявшими широкий круг родственников, а возможно, уже и соседей. В качестве примера приведем известный текст из очерка И. Г. Георги о тунгусах XVIII в.: «Собравшись больше людей в артель, странствуют по всем лесам обширных своих пустынь по большей части как особенные семьи, которые, когда встретятся случайно в своей округе с другими поколения своего семьями, остаются правда на несколько времени в соединении, однако ж вскоре, без дальних околичностей паки разлучаются, кочуют вместе с другими, и т. д.»²⁴. Вместе с тем ряд причин заставлял малые семьи, объединявшиеся в более или менее постоянные общины, поддерживать тесные взаимоотношения патронимического характера с другими родственными семьями, составлявшими совместно одну большую патриархальную группу родственников. Связи этого порядка были более прочны как связи кровного родства. Поэтому документами отчетливо зафиксирован именно этот социальный институт — патриархальная группа, т. е. подразделение большого рода. На круговую поруку такой группы родственников рассчитывала русская администрация, когда брала из ее среды аманата.

Необходимость широкой родственной взаимопомощи обуславливалась и характером производства, когда требовались усилия большого числа людей, чем могла выделить община-стойбище (охота на мясного зверя, ловля рыбы с затруживанием речек и т. д.). Эта взаимопомощь проявлялась и в случаях самообороны, о чем красноречиво повествуют предания эвенков²⁵, а также говорят документы и другие свидетельства XVII—XVIII вв.²⁶ Яркое проявлялась родственная взаимопомощь в заботе о сиротах, больных и увечных. Так, одна группа тунгусов Ессейской волости в 1768 г. состояла из тринадцати взрослых мужчин, которые образовывали с женщинами и детьми восемь семей, причем двое из глав этих семей были «увечны» и имели несовершеннолетних детей²⁷. Иначе говоря, шесть семей должны были взять на себя, хотя бы частично, заботу о двух неспособных прокормить себя семьях. По сведениям источников, сироты всегда записывались в семью родственников. Это подтверждается тем, что и позднее (судя по этнографическим данным) сироты у эвенков всегда могли рассчитывать на помощь родственников как с отцовской, так и с материнской стороны.

Внутри патриархальных групп не было строгой иерархии, и существовало определенное равенство между составлявшими их частями.

Под многими «подписками», т. е. обязательствами уплатить ясак, различных групп мангазейских тунгусов стоит по несколько «знамен» — подписей «старшин», как их называет документ ясачной комиссии 1767—1768 гг.²⁸ В одном месте документа после записи об установлении ясачного оклада на группу «Чапогирской волости состоящих особым улусом Панкагирского роду чапогирских тунгусов» (группа насчитывала 36 мужчин старше 18 лет) даже сделана специальная пометка: «Но только оно-го окладу ныне точно утвердить неможно в разсуждении что на оное число ясаса дано обязательство от одного только старшины их Тимриги без согласия других». С целью подтверждения этой «подписки» остальными Панкагирами был специально послан дворянин П. Троицкий, который и добился согласия их второго «старшины» Сунтачи Чедрогова²⁹. Число таких «старшин» могло достигать пяти на 39 взрослых мужчин (Кун-

²⁴ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 42.

²⁵ «Исторический фольклор эвенков». Предания, № 1, 4, 5, 9, 11, 12 и др.

²⁶ См., например, Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. 2, М.—Л., 1941, стр. 46.

²⁷ Центральный гос. архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 4 об.—6.

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, л. 127, 139—165.

²⁹ Там же, л. 58 об.

догиры), или даже семи на 23 взрослых мужчины («Чивчигирский или Чимжальский род» Чапогирской волости)³⁰. Бросается в глаза молодость эвенкийских «старшин» всех мангазейских волостей: большинство их было в возрасте от 25 до 40 лет, т. е. в расцвете лет. Это подтверждает высказанное выше предположение о том, что эвенкийская община формировалась из группы семей, объединенных вокруг какого-нибудь наиболее способного охотника, который и выступал как «старшина» общины перед русской администрацией. В такой общине не всегда преобладали родственные связи по отцовской линии. Об этом свидетельствует отрывок из мангазейской ясачной книги 1634 г.: «И будет аманат добр, и за того платят его род ясак, с иных родов збирают, а будет аманат худ, и за того де аманата и его не вся родня платит»³¹. Иными словами, вокруг «добророго» аманата, несомненно, хорошего охотника и уважаемого в округе человека, объединялись не только члены его «рода», но и других, соседних групп.

Источники XVII—XVIII вв. дают определенное представление о жизни патриархальной группы родственников, о связях между отдельными частями этой группы, но значительно хуже освещают отношения между самими патриархальными группами, составлявшими большой род. Это и понятно — царский фискальный аппарат имел дело именно с патриархальной группой, а не с большим родом. Анализ источников приводит к мысли, что связи между подразделениями большого рода, т. е. составлявшими его патриархальными группами, были в основном связями территориально-соседскими. Правда, внешне они оформлялись как связи родственные: генеалогически несколько патриархальных групп составляли один род, имевший общее родовое название. Но только лишь генеалогически: никаких реальных родственных связей между частями рода не было. Именно поэтому русские, отметившие в начале XVII в. у тунгусов ряд «землиц», носивших типичные названия больших генеалогических родов (Налягир, Сычогир, Шилигир и др.), позднее не зафиксировали больших родов в ясачных документах.

По мнению Н. Н. Степанова, патриархальные группы XVII в. были безусловно связаны с родом территорией, которую он занимал как собственную, охраняя ее от посягательств соседей. Однако эвенкийские группы — подразделения рода были очень подвижны и перемещались порой на громадные расстояния. Ясачные записи в течение всего XVII в. фиксируют многие из них в удаленных друг от друга зимовьях, где они были перемешаны с группами других родов. Сравнивая документы об уплате ясака в различных зимовьях, нетрудно заметить, что группы одного и того же названия встречаются на очень обширной территории³². Так, Нюрумняли отмечены ясачными книгами почти во всех районах, исключая лишь зимовья на Енисее и Турыжское зимовье на Н. Тунгуске. Горациры отмечены во всех зимовьях нижнего и среднего течения Н. Тунгуски, вплоть до Титейского зимовья в верхней части реки. Там же зафиксированы и Малгачагиры, переместившиеся в середине столетия на север, к оз. Ессей. В довольно обширном районе были отмечены Сентеи и Елигиры. Во всех зимовьях верхней части течения Н. Тунгуски встречались группы Кондогиров, Чапогиров, заходили они и в бассейн П. Тунгуски (на р. Чуня).

Число плательщиков ясака во всех этих группах свидетельствует о постоянной текучести состава различных групп на данной территории, об их большой подвижности. Перемещения эти совершались именно группами, а не целым родом. Число плательщиков ясака в таких группах коле-

³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 51—54 и 59—64 об.

³¹ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. 2, Ясак в Сибири в XVII веке, М., 1955, стр. 70.

³² См. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, стр. 152—180.

балось в основном в пределах от 5—7 до 30—40 человек. В целом все эти факты свидетельствуют о том, что генеалогический род эвенков не имел своей твердо установленной территории, за пределы которой не могли бы выходить составлявшие его патронимические группы. При этом группы данного рода, оказавшиеся на окраинах своего хозяйственного ареала, жили попеременно с группами других родов.

Патриархальные группы, населявшие один ареал, при разрастании делились на части, расходились. Структура патриархальной группы — относительное равенство и самостоятельность составлявших ее общин-стойбищ, подвижность последних — была приспособлена к простому процессу деления, который происходил, как только численность патриархальной группы превышала максимальный уровень (30—40 взрослых мужчин). Не всегда разделившиеся группы оставались в одном ареале. Так, источник зафиксировал разделение на две части родственной группы Шэвокигиров, которые примыкали к Чапогирско-Панкагирской ясачной «волости»³³. Одна часть осталась с Чапогирами, другая же перешла в Илимпейскую волость, где впоследствии смешалась с местными группами.

Исследователи давно отметили легкость, с которой образовывались новые родовые подразделения у эвенков. Это относится в первую очередь именно к процессу дробления разросшихся патриархальных групп. Смена старой группы новыми могла происходить в течение столетия, за 3—4 поколения. В силу этого обстоятельства многие из известных наименований XVII—XVIII вв., даже имевшие родовое окончание *гир*, не дожили до XX в. (например, Сентеи, Шовалнагир, Белдагир, Волкагир, Черповский род и др.). Но этого не случилось с именами наиболее крупных генеалогических родов, как Баягир, Кундогир, Чапогир, которые известны с XVII в. до наших дней. Однако общее родовое имя воспринималось его носителями не как безусловный признак кровного родства, со всеми вытекающими из этого обязанностями для членов рода, а скорее как соседство, связь по совместному проживанию. Нередко это имя бывало лишь среди окружающего населения. Например, всех эвенков, живущих в районе Ербогачёна, соседи до сих пор называют Кундогирами, хотя они состоят из нескольких экзогамных родов (в их число входит и собственно род Кундогир), каждый из представителей которых относит себя лишь к своему роду, а не к Кундогирам.

Все же в сознании населения связи между разными патронимическими группами фактических родственников нередко облекались в форму родственных. Поэтому большой род и был родом только генеалогическим, а не социально консолидированным кровным родом. Конечно, большинство его подразделений имело общее происхождение, но в нем было много и адоптированных групп. Последнее обстоятельство, а также отсутствие четких границ у большого рода послужили причиной того, что многочисленные эвенкийские генеалогии, записанные от разных лиц в одном и том же районе на Подкаменной Тунгуске в 1920-1930-х годах тремя исследователями (А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич и Б. О. Долгих), не совпадают одна с другой.

По сведениям конца XIX — начала XX в., браки между представителями подразделений отдельных генеалогических родов были в порядке вещей³⁴. Однако отмечены они лишь внутри наиболее крупных из этих родов, распадавшихся на ряд ветвей, которые, в свою очередь, состояли из нескольких патронимий. Можно предполагать, что и в XVII—XVIII вв. внутри самых крупных родов, фактически разделявшихся на новые ветви, допускались браки между представителями этих ветвей, и многие группы одного ареала состояли между собой в отношениях свойства. Не обла-

³³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 58 и 98, 99.

³⁴ См. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 319, 320; МЭКЭЭНО, 1968—1969.

дали такие территориальные объединения родов и их частей и эндогамией — браки между представителями родов из разных районов были обычны. Таким образом, браки между членами групп одного ареала и вне его были одинаково распространены.

В этих условиях у населения едва ли могло сложиться четкое представление о своих «собственных» и соседних, «чужих», более или менее крупных группировках и подразделениях, о «мы» и «не мы», «мы» и «они». Легче прослеживается, пожалуй, представление о «чужих» территориальных группах, чем о своих, т. е. у эвенков больше развилось понятие «не мы», чем понятие «мы». Это отразилось и в языке — в слове «тэго» (тыго, тэгэ), которое имеет очень широкое толкование. Этим словом эвенки называют и другой народ, и соседние территориальные группировки самих эвенков, но никогда не называют свою собственную родовую или территориальную группу. «Тэго» — это чужие, чужой народ³⁵. Например, эвенки, живущие на Подкаменной Тунгуске, могут назвать словом «тэго» эвенков, живущих в Ербогачёне. Но чаще слово «тэго» употребляется по отношению к другим народам, а не к эвенкам. Эвенков же называют, как правило, по территории, на которой они проживают: *сологон* — живущие в верховьях реки; *одигон* — живущие в низовьях; *дыгон* — жители горных хребтов; *нгеган* — живущие у подножья гор; *лемтескиль* — илимпийские эвенки; *кесмоль* — кежемские, и т. д. В отношении же своей родственной или соседской группы у енисейских эвенков употребляется несколько наименований, но единый термин, который четко отражал бы понятие своего собственного рода, установить очень трудно.

Отношения между частями большого рода могли, впрочем, развиваться по-разному. Нередки были и столкновения между ними. Так, между эвенками Курейского и Непского зимовий в 1701—1702 гг. происходили ожесточенные стычки со «смертными убийствами»; часть рода Коненки выступила против другой части этого же рода, объединившейся с несколькими соседними родами (или их частями). Победу одержала первая, большая часть рода Коненки, а побежденные бежали в Илимский уезд. Впоследствии, по мнению Б. О. Долгих, первая группа присоединилась к Чапогирам (Куркогирам) на Подкаменной Тунгуске (по некоторым генеалогиям, на правах группы, адоптированной в большой «род»), где дала начало роду Момоль. Вторая же осталась с курейскими тунгусами. Ее потомки и сейчас имеют фамилию Коненкин³⁶. Подобных случаев перехода из одного ареала в другой с последующей адаптацией в чужой генеалогический «род» было немало.

Формы этнической общности у эвенков отразились и в системе их диалектов³⁷. В эвенкийском языке лингвисты выделяют три диалектные группы: ю ж н у ю, объединяющую секающие и шекающие диалекты; с е в е р н у ю, объединяющую хакающие диалекты, и в о с т о ч н у ю, объединяющую секающе-хакающие диалекты. По мнению Г. М. Василевич, эти диалекты восходят к трем древнеэвенкийским племенам³⁸. Однако их окончательное сложение произошло, вероятно, в сравнительно позднее время, ибо несмотря на довольно значительные фонетические различия всем им свойственно единство грамматических норм и близость

³⁵ МЭКЭЭНО, 1968—1969. Употребление слова «тэго» именно в таком смысле отметил также Б. О. Долгих («Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири», стр. 290).

³⁶ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, стр. 169, 170.

³⁷ Нужно, однако, иметь в виду, что основные лингвистические материалы, которыми мы располагаем, относятся к XX в., поэтому пользоваться ими можно лишь с известными оговорками и учетом исторических перемещений эвенкийских групп с XVII по XX в.

³⁸ Г. М. Василевич, Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1948, стр. 10, 11.

основного словарного фонда. Енисейские эвенки говорят на двух основных диалектах: северном (хакающем) и южном (секающем). Граница между ними проходит по рекам Нижней Тунгуске и ее южному притоку Илимпее. Вероятно, это разделение связано с историей заселения эвенками Енисейского Севера, со сложившимися у них этнографическими регионами, внутри которых происходили хозяйственные контакты и наиболее тесное языковое общение. В составе северной диалектной группы выделяются илимпийский и ербогаченский диалекты, в составе южной — подкаменно-тунгусский и непский.

Но и эти диалекты, распространенные на значительной территории, не остались едиными: они также дали начало многим более дробным локальным говорам. «Современный говор», — пишет Г. М. Василевич, — можно определить как язык группы эвенков, живущих на одной территории — части территории распространения своего диалекта и сохраняющих некоторые фонетические и морфологические особенности говора родовой группы, от которой они ведут свое происхождение, — особенно, которые не служат препятствием при общении с представителями других говоров своего же диалекта»³⁹. Эта особенность эвенкийских говоров для нас очень важна: она подтверждает, что территориальная общность, основанная на общем происхождении, обладала и некоторой языковой самостоятельностью. Однако эта самостоятельность была относительно из-за большой подвижности эвенкийских групп и постоянной текучести их состава. Это прослеживается и лингвистически: признаки одного и того же говора можно было встретить в разных территориальных группах, даже в разных диалектах. К началу XX в. эта текучесть состава и смешанность различных родственных групп в пределах одной территории еще больше возросли в силу ряда причин исторического и социально-экономического характера, исследование которых уже выходит за рамки статьи.

Итак, большие генеалогические «роды» у эвенков XVII—XVIII вв. представляли собой общности, лишь строившиеся по признаку генетического родства. Они уже давно не были классическими родами общинно-родовой эпохи. Эти «роды», далеко ушедшие от времен первобытности, распадались на ряд подразделений — патронимических групп, расселившихся на очень большом пространстве и смешавшихся с подобными группами из других родов. Род объединял такие группы лишь чисто генеалогически. Распространенным явлением была адаптация родом неродственных групп. Пришлые патронимические группы после длительного совместного проживания с местными становились частью, ответвлением местного рода (пример — Баяки в составе рода Момоль, выделившиеся ранее из ангарских Кима). Таким образом, наиболее крупные генеалогические «роды» превратились в большие территориально-хозяйственные объединения, куда входили разделившиеся и смешавшиеся между собой группы общего происхождения (патронимии — части экзогамных родов) и адаптированные неродственные группы. Связи между этими группами не были прочными, это были связи по совместному проживанию в пределах данного ареала. Они могли легко нарушаться при естественных миграциях патронимических групп или их частей.

При низком уровне развития производительных сил именно структура генеалогического дерева была для эвенкийского общества наиболее приемлемой, как структура, где все связи облекались в форму родственных отношений, хотя на деле являлись территориально-соседскими. Поэтому и русские, впервые встретив эвенков, насчитали у них около двух десятков «землиц», которые в ясачных документах названы родовыми именами эвенков. Наиболее крупные генеалогические «роды», потеряв значение рода как социального организма, превратились в территориальные

³⁹ Г. М. Василевич, Указ. раб., стр. 10, 11.

объединения, цепочку отнюдь не замкнутых, а переходивших друг в друга систем, представлявших собою территориально-племенные образования без ярко выраженной интеграции племенного типа. Эти «землицы», даже если они в представлении русских или других соседних народов носили имя какого-либо конкретного рода, на деле состояли из разных экзогамных родов и их частей — отдельных патронимий. Таким образом, род у эвенков стал превращаться в иное по сущности образование. В то же время его подразделения, патронимические группы, еще обладали, как это хорошо показал Н. Н. Степанов, признаками устойчивого социального организма. Но несмотря на то, что такую группу родственников связывали и экономические интересы, основной хозяйственной ячейкой эвенкийского общества была не она, а кочевая производительная единица — стойбище. Она базировалась как на патрилинейных связях, так и на связях по свойству. При этом такая производственная ячейка не была, повидимому, постоянным, раз и навсегда установившимся образованием: она могла временно распадаться, а потом вновь возникать в несколько измененном составе; однако эти образования формировались всегда лишь в определенном ограниченном кругу лиц: кровных родственников, свойственников и соседей, — в совокупности составлявшем территориальную общину.

К. Маркс писал: «Чтобы община так таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее установленных объективных условиях. Само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он основан»⁴⁰.

Низкий уровень развития производительных сил, суровые условия Севера, которые ограничивали рост населения — все это послужило предпосылкой сохранения в течение длительного времени устойчивых и в то же время внутренне подвижных форм эвенкийской общины. Вместе с тем четкое представление о родовой принадлежности было утрачено, оно выражалось лишь в общем родовом имени. Наиболее тесными связями стали связи между довольно широким кругом родственников разного порядка — «ибдери» и «дядви». Это отражало реальные отношения между членами общины, которая постоянно воспроизводилась «при заранее установленных объективных условиях» производства и социального бытия. В данном случае перед нами один из примеров перехода от кровнородственной общины к территориально-соседской.

Исторический тип этнической общности эвенков Енисейско-Ленского междуречья, каким мы его видим по различным данным XVII—XVIII вв., также характеризуется чертами переходности. Четкие и стабильные границы племени, даже как территориально-диалектной общности, сложившейся на основе разросшихся старых родов, установить нелегко. Таких четко очерченных границ у енисейских эвенков и не было. Их территориальные объединения были не замкнутыми, а «открытыми»; отдельные группы по мере необходимости могли объединяться или делиться. В целом эвенки представляли собой этно-лингвистическую общность, имевшую уже, быть может, некоторые зачаточные тенденции к образованию ряда территориальных — «земляческих» группировок.

Следует отметить, что и ранее некоторые исследователи предполагали возможным такое переходное состояние социально-этнических связей у ряда народов Сибири XVII—XVIII вв.⁴¹ Тем не менее этот вопрос почему-то не привлек к себе достаточного внимания и не получил должного конкретно-исторического освещения.

⁴⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 18.

⁴¹ См. Б. О. Долгих, М. Г. Левин, *Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири*, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951.

В настоящей статье умышленно не были затронуты вопросы о зачатках имущественной и социальной дифференциации в рамках родственных и территориально-соседских образований эвенков XVII—XVIII вв., о различных формах зависимости, и некоторые другие проблемы, вызывавшие много споров и поэтому требующие привлечения дополнительных материалов. Автор надеется в будущем специально рассмотреть эти вопросы.

THE SOCIAL AND ETHNIC STRUCTURE AMONG THE YENISSEI EVENKS IN THE XVII—XVIII CENTURIES

An attempt is made to analyse the evolution of social and ethnic links in the transition period from tribal to class society as exemplified by the Yenissei River Evenks of the XVII—XVIII centuries. The structure of Evenk society at that time was complex: outwardly all links between the various structural elements (the extended gens and its subdivisions — patronymical kinship groups) took the shape of kinship relations and were built upon the plan of a genealogical tree; but in actual fact they were already becoming transformed into relations of a territorial character. The main production unit — the nomadic community (*stoibishtsche*) was not permanent in its membership; it might disintegrate and arise again with other members but always within a certain circle — blood relations and relations by marriage, and possibly neighbours. Extended genealogical gentes had become territorial-economic units, not closed but open ones permitting intermingling between parts of neighbouring gentes.

Г. Ф. Дебец, Ю. А. Дурново

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЮДЕЙ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Публикуемая статья была написана незадолго до смерти Г. Ф. Дебца. В ее основу положена разрабатывавшаяся Г. Ф. Дебцом в течение последних лет его жизни система оценки параметров физического развития ископаемых групп населения по костным остаткам. В процессе разработки методических приемов для вычисления длины тела и длин конечностей Г. Ф. Дебец предложил собственные оригинальные формулы, отличающиеся от выработанных ранее большей точностью и учетом соотношения различных сегментов конечностей (бедро к берцовой кости, конечности к длине туловища и др.). Предложены уравнения для определения соответствующих параметров для мужских и женских скелетов. Проведены многообразные коррекционные вычисления для проверки полученных формул, в выполнении которых большая роль принадлежит Ю. А. Дурново.

Предлагаемая статья является одной из попыток использования этих новых методических и математических приемов для оценки показателей физического развития одной из групп древнего населения на территории Советского Союза в сравнении с некоторыми зарубежными материалами. Ред.

* * *

Археологические данные и описание черепов энеолита Южной Туркмении частью даны в X томе «Трудов Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции» (Ашхабад, 1960), частью находятся в печати. Измерения длинных костей частью опубликованы в том же томе, частью публикуются впервые (табл. 1 и 2, где повторены и ранее опубликованные данные).

Расшифровка обозначений в таблицах и в последующем тексте:

FL — наибольшая длина бедренной кости (Мартин 1)
TL — полная длина большой берцовой кости (Мартин 1)
HL — наибольшая длина плечевой кости (Мартин 1)
RL — наибольшая длина лучевой кости (Мартин 1)
FP — окружность бедренной кости по середине (Мартин 8)
TP — наименьшая окружность большой берцовой кости (Мартин 10 в)
HP — наименьшая окружность плечевой кости (Мартин 7)

В таблицах приведены размеры правых костей. Если имелись только левые, то их размеры переведены в размеры правой по среднему соотношению:

$FL \times 0,995$ или $- 2$ мм
 $HL \times 1,002$ или $+ 0,5$ мм
 $RL \times 1,007$ или $+ 1,5$ мм
 $FP \times 0,995$ или $- 0,5$ мм
 $HP \times 1,015$ или $+ 1,0$ мм

Размеры левой большой берцовой кости даны без внесения поправок. Поправочные коэффициенты по длинам основаны на данных Троттер и Глезер. По другим данным получаются сходные результаты за исклю-

Таблица 1

Индивидуальные измерения мужских скелетов

№ п/п и шифр	FL	TL	HL	RL	FP	TP	HP	Рост, см
1. КД 32	497	(412)*	—	—	101	—	—	178
2. КД 37	483	(401)	—	—	91	—	—	175
3. КД 43	438	(366)	—	—	93,5	—	—	165
4. КД 46	—	—	—	—	84,5	—	—	—
5. КД 76	455	398	—	255	88	76	60	171
6. КД 84	(509)	435	—	270	95	93	65	182
7. КД 85	—	—	329	257	94	72	61	171
8. КД 90	465	388	—	247,5	90	83	65	171
9. Г тол. А п. 1	—	—	—	250	—	—	61	175
10. Г рск. А п. 7	(410)	332	293	222	—	70	57	157
11. Г р. 2 т. Б п. 15	—	—	—	248	—	—	—	174
12. Г тол. Л	—	—	353	215	—	—	63	167
13. Г тол. М	—	—	340	274	—	—	71	176
14. Г тол. С	(439)	362	—	—	—	68	—	165
14а. »	—	—	347,5	284	—	—	70	179
15. Г тол. Х	448	368	323,5	—	78	68	65	166
16. Г тол. Ц (1)	(476)	400	324	260	—	82	57	174
17. Г тол. Ц (2)	(439)	362	—	—	—	71	—	165
18. Г тол. Ц 2-й	458	367	342	245	83,5	72	61	168
19. Г тол. Ц 3-й	—	—	350	272	—	—	65	177
20. Г яма 105	—	—	—	249	—	—	—	174
21. Г яма 125	—	—	326	258,5	—	—	62	170
Средняя Число набл.	46,34 7	37,91 9	33,28 10	25,38 15	8,985 10	7,55 10	6,31 14	171,4 21

* Размеры, заключенные в скобки, в таблицах 1 и 2 определены по уравнениям, приведенным ниже.

Таблица 2

Индивидуальные измерения женских скелетов

№ п/п и шифр	FL	TL	HL	RL	FP	TP	HP	Рост, см
22. КД 39	402	(334)	—	—	76,5	—	—	153
23. КД 42	436	(361)	—	—	78	—	—	160
24. КД 44	440	(364)	—	—	83	—	—	161
25. КД 52	424	(351)	—	—	84,5	—	—	157
26. КД 87	—	—	—	—	82	—	53	—
27. КД 89	—	—	290	227	78	65	53	159
28. КД 94	424	358	282	216	79	71	54	158
29. КД 97	402	337	282,5	220	80	74	56	153
30. КД 98	427	356	290	—	82	72	58	158
31. Г р. 2 т. Б п. 14	—	—	284	—	—	—	62	153
32. Г р. 2 т. Б п. 16	—	—	283	224,5	—	—	56	157
33. Г тол. С	—	—	296,5	229	—	—	54	160
34. Г тол. Х	—	—	314	243	—	—	55	166
35. Г тол. Ц 2-й	426	(353)	318	—	85,5	61	—	158
36. Г тол. Ч верхн.	—	—	319	—	—	—	59	165
37. Г тол. Ч центр.	—	—	—	217	—	—	—	155
38. Г яма 92	(421)	354	293,5	—	—	63	51	157
39. Г яма 105	(413)	345	294	223	—	62	53	155
40. Г яма Ф — Х	—	—	285,5	—	—	—	53	156
Средняя Число набл.	42,26 8	35,00 5	29,48 13	22,49 8	8,085 10	6,69 7	5,52 13	157,9 18

чением длины плечевой кости, где разница обычно больше. Окружности — по всем доступным данным.

Если отсутствует лучевая кость, то ее длина вычислена по наибольшей длине локтевой по уравнению:

$$RL = 0,923 UL + 0,19$$

Н. Н. Мамонова получила почти такие же результаты (на 0,2 мм больше)¹.

Определение пола произведено по общему впечатлению на основании размеров и степени развития мест прикрепления мышц. Таким образом, речь идет, по существу, лишь предположительно о мужских и женских костях.

Определение роста

Если нет позвонков или каких-либо иных оснований для суждения о длине корпуса, то средняя величина роста группы с наиболее вероятной точностью определяется по пропорциональной формуле (ПФ). Уравнение, лежащее в ее основе, составлено Г. М. Давыдовой и В. К. Жомовой по просьбе одного из авторов этого сообщения на основе данных Троттер и Глезер о скелетах пяти групп американских военнослужащих, рост которых был определен при жизни, и о скелетах негритосов Люсона (азта), андаманцев, хантов и лопарей. Рост последних четырех групп неизвестен, но с достаточной уверенностью установлен по соматометрическим данным об этих народах.

Отличие ПФ от всех ранее предложенных формул заключается в том, что она учитывает отношение сегментов нижней конечности. При сопоставлении средних величин оказалось, что отношение длины большой берцовой кости к длине бедренной увеличивается с увеличением отношения длины нижней конечности к росту. Характер этой связи у особей внутри группы не установлен; возможна слабая связь или даже отсутствие связи. По всей вероятности, ПФ не даст поэтому уточнения при определении роста для судебно-медицинских целей.

Однако при сопоставлении средних величин вычисление по ПФ дало в среднем гораздо лучшие результаты, чем по ранее предложенным формулам. По ПФ определяется указатель длины ног (УДН), т. е. отношение суммарной длины $FL + TL$ к росту (абсолютные величины в сантиметрах):

$$УДН = 0,144(FL + TL) + 27,6(TL : FL) + 14,57$$

Рост, естественно, равен $(FL + TL) : УДН$.

Эта формула составлена для мужских скелетов. Для женских данных нет, но если принять, что средняя величина роста женщин составляет 0,934 от роста мужчин и построить на этом основании уравнение, то, по имеющимся данным, рост женщин можно определять при помощи уравнения:

$$УДН = 0,148(FL + TL) + 22,0(TL : FL) + 19,41$$

Так как определение пола в имеющихся данных далеко не безупречно, то ПФ для женских скелетов имеет ориентировочное значение. Все-таки на доступном материале полученные разницы варьируют от 8 до 14 см, что достаточно правдоподобно.

¹ Основываясь на этих данных, проще определять длину лучевой путем вычитания.

Длина локтевой до 207 — 15 мм, 208—220 — 16 мм, 221—233 — 17 мм, 234—246 — 18 мм, 247—259 — 19 мм, 260—272 — 20 мм, 273—285 — 21 мм, 286—298 — 22 мм, 299—311 — 23 мм, 312 и выше — 24 мм.

Серии скелетов из древних могильников часто невелики, а скелеты — фрагментарны. Наша серия не составляет исключения. Возникает поэтому трудность при определении отношения сегментов нижней конечности. При достаточном числе наблюдений следует основываться на «комплектных» конечностях. Если их мало, то можно попытаться восстановить длину недостающего сегмента по длине сохранившегося.

По данным американских исследователей, средние коэффициенты регрессии составляют:

$$TL = 0,78 FL + a$$

$$FL = 0,96 TL + a$$

где a — свободный член уравнения, который определяется по средним величинам.

«Комплектные» нижние конечности имеются у четырех мужских и трех женских скелетов (№ 5, 8, 15, 18, 28, 29 и 30). Средние величины обоих сегментов этих скелетов даны в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Средние величины длины сегментов нижней конечности, вычисленные различными способами

	Мужские			Женские		
	все различные	комплектные	комплектные с восстановлением недостающей	все различные	комплектные	комплектные с восстановлением недостающей
Бедренная	46,34	45,65	45,97	42,26	41,77	42,15
Б. берцовая	37,91	38,02	38,26	35,00	35,03	35,13
Рост по ПФ	170,96	168,65	169,58	157,48	156,00	157,11

Пользуясь приведенными выше коэффициентами регрессии, получаем:

$$\text{Мужские: } TL = 38,02 + 0,78 (FL - 45,65)$$

$$FL = 45,65 + 0,96 (TL - 38,02)$$

$$\text{Женские: } TL = 35,03 + 0,78 (FL - 41,77)$$

$$FL = 41,77 + 0,96 (TL - 35,03)$$

или в нулевом выражении:

$$\text{Мужские: } TL = 0,78 FL + 2,41$$

$$FL = 0,96 TL + 9,15$$

$$\text{Женские: } TL = 0,78 FL + 2,04$$

$$FL = 0,96 TL + 8,14$$

При помощи этих уравнений определены величины недостающих сегментов. Правда, точность при этом небольшая. Степень возможной ошибки можно определить, вычислив по этому уравнению длину одного из сегментов на комплектных конечностях и сравнив ее с наблюдаемой. Средняя квадратическая разница определяется по типу среднего квадратического отклонения, т. е.

$$\sqrt{\frac{\sum d^2}{n-1}}$$

где d — разница между вычисленной и наблюдаемой величиной, а n , как обычно, — число наблюдений.

Длина большой берцовой кости мужских скелетов определяется с точностью $\pm 1,4$ см, для других костей тоже получаются большие величины.

Поэтому подобные вычисления имеют лишь «статистический смысл». Производя их на большом числе серий, мы в среднем получим более точные результаты, но в каждом отдельном случае вероятность уточнения невелика.

Все же мы будем исходить из величин роста, полученных при помощи восстановления недостающего сегмента, хотя бы потому, что в данном случае они занимают промежуточное положение.

Так как желательно получить не только средние величины, но и индивидуальные, и так как неизвестно, дает ли в этом случае ПФ преимущество перед уравнением обычного типа, то для скелетов с комплектной (имеющейся или восстановленной) нижней конечностью можно составить такое уравнение, исходя из стандартных коэффициентов регрессии, вычисленных Г. Л. Хитъ по просьбе одного из авторов на основании данных американских исследователей.

Стандартный коэффициент регрессии роста по длине $FL + TL$ составляет 1,206.

Отсюда рост равен:

$$\begin{aligned} \text{Мужские: } 169,58 + 1,206 [(FL + TL) - 84,23] \\ \text{Женские: } 157,11 + 1,206 [(FL + TL) - 77,26] \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{или} \\ \text{Мужские: } 1,206 (FL + TL) + 68,00 \\ \text{Женские: } 1,206 (FL + TL) + 63,93 \end{aligned}$$

По этим уравнениям, где, как предполагается, длина корпуса учтена на основании ПФ, вычислен рост 12 мужских и 10 женских скелетов.

От остальных скелетов имеются только кости верхней конечности. Хотя и с меньшей точностью, но они все же дают указания на величину роста и их нежелательно игнорировать.

Из числа скелетов, у которых рост уже определен по предыдущим основным уравнениям, имеется три мужских (№ 10, 16 и 18) и два женских (№ 28 и 29), у которых имеются обе кости верхней конечности.

Средний рост этих трех мужских скелетов по основному уравнению 166,21 см, средняя длина $HL + RL$ — 56,20 см. При стандартном коэффициенте 1,826 получаем:

$$\begin{aligned} \text{рост} = 166,21 + 1,826 [(HL + RL) - 56,20] \\ \text{или} \\ 1,826 (HL + RL) + 63,59 \\ \text{Средняя квадратическая разница } 1,4 \text{ см} \end{aligned}$$

По этому уравнению определен рост скелетов 7, 12, 13, 14а, 19 и 21.

Аналогичная формула для двух женских скелетов основана на средней роста 155,63 см и средней $HL + RL$ 50,025 см. Отсюда:

$$\begin{aligned} \text{рост} = 155,63 + 1,826 [(HL + RL) - 50,025] \\ \text{или} \\ 1,826 (HL + RL) + 64,28 \\ \text{Квадратическая разница } 4,25 \text{ см.} \end{aligned}$$

По этому уравнению определен рост скелетов № 27, 32, 33, 34 и 39.

Применительно к данному материалу необходимость в формуле по плечевой кости имеется только для женских скелетов. Стандартный коэффициент регрессии 2,838. Исходные данные имеются для № 28, 29, 30, 35, 38 и 39. Рост 158,02 см, длина плечевой кости 29, 33 см. Отсюда:

$$\begin{aligned} \text{рост} = 158,02 + 2,838 (HL - 29,33) \text{ или } 2,838 HL + 74,78. \\ \text{Квадратическая разница } 3,9 \text{ см.} \end{aligned}$$

По этому уравнению определен рост № 31, 36 и 40.

Для лучевой кости уравнения можно построить на данных о шести мужских скелетах (№ 5, 6, 8, 10, 16 и 18) и трех женских (№ 28, 29 и 39). Стандартный коэффициент регрессии 3,494. Исходные данные по

мужским: рост — 170,37 см, длина лучевой — 24,99 см. По женским: 155,52 см и 21,97 см. Отсюда для мужских:

$$\text{рост} = 170,37 + 3,494 (RL - 24,99)$$

$$\text{или} \\ 3,494RL + 87,32$$

Квадратическая разница 4,9 см.

Определен рост № 9, 11 и 20. Для женских:

$$\text{рост} = 155,52 + 3,494 (RL - 21,97)$$

$$\text{или} \\ 3,494RL + 78,76$$

Квадратическая разница 3,5 см.

Определен рост № 37.

Мы получим, таким образом, рост 21 мужского скелета и 18 женских. Средние величины: мужские 171,4 см, женские 157,9 см. Стандартные отклонения мужских 4,1 см, женских — 3,5 см. Но это, конечно, заниженные величины, так как изменчивость роста, вычисленного по уравнениям регрессии, определяется, в сущности, изменчивостью длин костей.

Строго говоря, у нас нет данных для суждения об истинной дисперсии роста у энеолитических людей Туркмении. За основу для мужской серии можно условно принять величину 5,6 см, которая близка к средней величине этого параметра у разных групп. Но этого явно недостаточно.

У шести скелетов рост определен по уравнению для $HL + RL$. Квадратическая разница результатов, полученных по этому и по основному уравнению, составляет 1,4 см. Для этих шести скелетов следует прибавить данную величину:

$$\sqrt{5,6^2 + 1,4^2} = 5,8 \text{ см.}$$

Для трех скелетов, у которых рост определен по RL , надо прибавить 4,9 см. Следовательно:

$$\sqrt{5,6^2 + 4,9^2} = 7,4 \text{ см.}$$

Таким образом, надо считать величину 5,6 см для 12 скелетов, 5,8 см — для шести и 7,4 — для трех. В сумме это составляет

$$\sqrt{\frac{(5,6^2 \times 12) + (5,8^2 \times 6) + (7,4^2 \times 3)}{21}} = 5,9 \text{ см.}$$

Но этого мало. Ошибка групповой средней по ПФ составляет по меньшей мере 1,5 см. Эту величину надо прибавлять не к квадратическому отклонению, а к ошибке средней, т. е. независимо от числа наблюдений. Поэтому ошибка не менее, чем:

$$\sqrt{\left(\frac{5,9}{\sqrt{21}}\right)^2 + 1,5^2} = 1,97 \text{ см.}$$

При этом не учтена добавочная изменчивость при определении длин недостающего сегмента нижней конечности при переводе в размеры правой стороны. Кроме того, надо прибавить (и не к квадратическому отклонению, а к ошибке средней, т. е. тоже независимо от числа наблюдений) изменчивость размеров в зависимости от влажности в месте хранения, изменчивость в связи с реставрацией. Не надо забывать, что и пол определен неточно. Все это даст для нашей серии увеличение ошибки по крайней мере до 2,5 см. Следовательно, на 5% уровне доверительные пределы средней арифметической приходится установить от 166,5 до 176,5 см.

По отношению к женской серии имеем следующие исходные данные. Среднее квадратическое отклонение 5,2 см. Квадратическая разница для четырех скелетов (рост определен по $(HL + RL)$ — 4,25 см. Для трех скелетов (рост по HL) — 3,9 см. Для одного скелета (рост по RL) — 3,5 см.

В результате всех вычислений получаем ошибку не менее 2,5 см, а вернее (со всеми неучтенными факторами) около 3 см. Доверительные пределы на 5% уровне устанавливаются, следовательно, от 151 до 163 см.

Можно возразить, что с подобной точностью рост можно определить и более простым путем, хотя бы по таблицам Орфила, изданным еще в 1831 г. На это следует ответить, что теперь мы все-таки можем с известной уверенностью предположить вокруг какой именно величины варьировали возможные средние величины роста и в каких пределах. Эти сведения могут быть использованы при сопоставлениях с несколько большей точностью, чем это было бы возможно при более грубых способах определения роста.

Можно, по-видимому, утверждать, что рост людей анауской культуры был не меньше, чем рост туркмен в 30—50-х годах нашего столетия, а скорее даже больше.

Определение веса

Некоторое представление о сравнительном объеме скелета можно получить путем суммирования произведений квадратов окружностей трех костей на их длины. Этот условный показатель объема скелета (УПОС) выражается в дм^3 :

$$\text{УПОС} = (FP^2FL) + (TP^2TL) + (HP^2HL).$$

Средние величины УПОС обнаруживают высокую корреляцию (около 0,9) со средней величиной веса наиболее близких популяций. Учитывая различия в длине нижней конечности, было составлено уравнение.

$$\text{Вес } \sigma = 7,41 \text{ УПОС} + 64,21 - 1,07 \text{ УДН (указатель длины ног)}.$$

Для определения веса женщин прямых данных нет, но на основе средней разницы, определенной на основании всех доступных материалов², можно составить уравнение, применение которого дало удовлетворительные по правдоподобности результаты:

$$\text{Вес } \varphi = 7,41 \text{ УПОС} + 68,50 - 1,07 \text{ УДН}.$$

Здесь, по-видимому, нет надобности прибегать к восстановлению размеров недостающих костей за исключением величины УДН, который определен по 12-ти мужским и 10-ти женским скелетам частично с комплектной нижней конечностью, а частично с восстановленной длиной одного из сегментов.

УПОС определен по средним величинам табл. 1 и 2, а УДН для комплектных и условно комплектных скелетов составляет 49,67 у мужчин и 49,19 у женщин.

По приведенным выше уравнениям вес составляет:

мужчины 64,6 кг; женщины 54,6 кг.

При росте 171,4 см квадратный весо-ростовой указатель ($64600 \text{ г} : 171,4^2 \text{ см}$) составляет 2,20. Это близко к величине, полученной у туркмен ($60800 : 167,4^2 = 2,17$) и курдов Ирака ($61700 : 167,25^2 = 2,21$).

Данные по туркменам взяты из статистического ежегодника СССР за 1928 г. Там приведены данные по призывникам, у которых вес обычно на 2 кг меньше, чем у «взрослых мужчин». Здесь введена эта поправка. Косвенным подтверждением ее целесообразности являются данные о курдах, взятые из работы Г. Филда³. Это как раз и есть «взрослые мужчины» 19—55 лет. Представляется вполне вероятным, что по росту и весу они мало отличаются от туркмен.

² Средний вес женщин составляет 0,868 от веса мужчин той же группы.

³ H. Field, An anthropological reconnaissance in the Near East, 1950, «Papers of the Peabody Museum», vol. XLVIII, № 2, Cambridge — Massachusetts, 1956.

Сопоставление со скелетами из Хараппы

Между анауской культурой и древними культурами долины Инда есть нечто общее. Палеоантропологические материалы из Хараппы представляют поэтому известный интерес для сопоставления⁴.

Определение роста

Мужские скелеты

Оба сегмента нижней конечности (полную длину большой берцовой пришлось определять по наибольшей длине, которая умножалась на 0,98) имеются у трех скелетов (№ 2, 3 и 4). По ним составлены уравнения для определения недостающего сегмента

$$TL = 0,78 FL + 1,84$$

$$FL = 0,96 TL + 10,69$$

Всего оказалось 11 комплектных и условно комплектных скелетов. УДН составляет 49,57; рост 176,68 см. Уравнение роста по длине $FL + TL$.

$$\text{Рост} = 1,206 (FL + TL) + 71,06$$

По этому уравнению определены индивидуальные величины роста для 11-ти скелетов.

На этом основании по трем скелетам (№ 2, 11 и 13) составлено уравнение роста по длине $HL + RL$.

$$\text{Рост} = 1,826 (HL + RL) + 68,57$$

Определен рост скелета № 19.

По шести скелетам (№ 1, 2, 9, 11, 13 и 17) составлено уравнение роста по HL .

$$\text{Рост} = 2,838 HL + 82,16$$

Определен рост скелетов № 5, 6, 15 и 16.

По трем скелетам (№ 2, 11 и 13) составлено уравнение роста по RL .

$$\text{Рост} = 3,494 RL + 87,09$$

Определен рост скелетов 18 и 20.

Всего, таким образом, определен рост 18-ти мужских скелетов. В среднем он составляет 176,2 см.

Это больше, чем получено для скелетов анауской культуры, но разница, конечно, не реальна даже на 5% уровне, так как при определении роста скелетов из Хараппы имеется не меньшее количество дополнительных факторов, увеличивших изменчивость, чем в отношении анауской культуры.

Женские скелеты

Здесь всего один скелет с «комплектной» нижней конечностью (№ 34). Восстановление длины недостающего сегмента на этом основании весьма мало надежно. Построенные на этом основании уравнения имеют следующий вид:

$$TL = 0,78 FL + 0,78$$

$$FL = 0,96 TL + 9,50$$

Восстановлена длина недостающих сегментов скелетов № 21, 22, 27, 29, 31, 32 и 35. Средние величины длины бедра получились на 2 см боль-

⁴ P. Gupta, P. C. Dutta, A. Basu, Human skeletal remains from Harappa, Calcutta, 1962.

ше, чем по имеющимся костям, и это более правдоподобно, чем величины сохранившихся костей, которые дают отношение $TL : FL$ больше 85, т. е. значительно больше, чем обычное отношение у мужчин.

По четырем скелетам (№ 29, 31, 32 и 34) составлено уравнение роста по HL .

$$\text{Рост} = 2,838 HL + 74,24$$

По этому уравнению определен рост скелетов 25, 26, 37 и 38.

По трем скелетам (№ 29, 31 и 34) составлено уравнение роста по RL .

$$\text{Рост} = 3,494 RL + 72,64$$

По этому уравнению определен рост скелетов 23, 28 и 39.

Всего, таким образом, определен рост 15-ти женских скелетов. Средняя — 160,1 см.

Разница с мужскими значительно больше обычной, но она велика и в длинах имеющихся костей.

Определение веса

Здесь использованы только данные о наличных костях за исключением УДН (указатель длины ног), который определен выше по восстановленным длинам. Получено: мужчины 67,4 кг, женщины 53,7 кг. Квадратный весо-ростовой указатель составляет: у мужчин 2,17, у женщин 2,10, т. е. близко к величинам, полученным для скелетов анауской культуры.

Современные индийцы характеризуются еще более низкими величинами этого указателя, но имеющиеся данные относятся к популяциям средней или малой длиной тела.

Дальнейшие сопоставления

В хронологическом промежутке между людьми туркменского энеолита и современными туркменами и курдами находятся памирские «саки». Большая часть скелетов из этих могильников, относящихся к I тысячелетию до н. э., была после раскопок оставлена на месте и погибла для науки. Только А. Н. Бернштам сохранил около 25 скелетов. Подсчет по наличным костям (без попыток восстановления недостающих) дал следующие результаты:

	Мужские	Женские
Рост	168,3 см	157,9 см
Вес	61,8 кг	53,2 кг

Квадратный весо-ростовой указатель у мужчин 2,18, у женщин 2,13. Перед нами люди такого же типа сложения, как туркмены, курды и люди анауской культуры. Существенные отличия найдены у людей той же примерно эпохи, но живших далее к северу в степной полосе между Днепром и Минусинской котловиной.

Рост здесь был несколько выше:

	Мужские	Женские
Днепро-донецкая культура	178,2 см	161,2 см
Древняя культура	172,4 см	160,2 см
Афанасьевская культура, Алтай	176,4 см	161,2 см
Афанасьевская культура, Минусинский край	173,8 см	160,2 см

Но толщина костей и соответственно вес значительно больше:

	Мужские	Женские
Днепро-донецкая культура	80,7 кг	62,8 кг
Древняя культура	74,2 кг	59,0 кг
Афанасьевская культура, Алтай	80,1 кг	62,8 кг
Афанасьевская культура, Минусинский край	74,5 кг	59,9 кг

Величины эти являются из ряда вон выходящими и на первый взгляд представляются невероятными. Однако величины окружностей длинных костей тоже не имеют себе равных у современных людей.

Если основываться на этих величинах, то вес у людей энеолитических культур степной полосы должен быть даже больше, чем вычислено по УПОС. Конечно, точность определений и здесь невелика. Иная интерпретация данных может дать существенно иные результаты. Например, в серии древнеямной культуры свыше 25 мужских скелетов и всего 2—3 женских. Возможно, что пол определен неверно, и многие женские костяки считались мужскими. Если допустить, что число скелетов обоего пола одинаково и что половой диморфизм равен среднему для современного человечества, то рост и вес у людей древнеямной культуры окажется значительно больше:

	Мужские	Женские
Рост	176,5 см	165,5 см
Вес	80,5 кг	67,0 кг

Однако не удалось найти такой формы интерпретации, при которой люди энеолитических культур степной полосы оказались бы близки по сложению к людям туркменского энеолита. Объяснить эти различия пока не удалось. Предположение о том, что различия вызываются более суровыми условиями жизни в северных странах, сталкивается с данными о телосложении людей неолита и энеолита Предбайкалья:

	Мужские	Женские
Рост	163,3 см	156,3 см
Вес	59,5 кг	52,8 кг

Здесь мы встречаемся с людьми скорее грацильного сложения. Мужчины предбайкальского неолита по величине и массивности скелета близки к женщинам афанасьевской культуры. Правда, здесь мы имеем дело с людьми совсем иного происхождения, о чем можно судить по строению черепа.

Заключение

Люди анауской культуры характеризуются умеренно слабой массивностью скелета при довольно большой длине трубчатых костей. Они ближе в этом отношении к людям древней цивилизации долины Инда, чем к людям степных энеолитических культур. Последние отличаются гораздо большей, порой совершенно исключительной массивностью скелета. Причину этих различий пока найти не удалось.

LONG BONES FROM ENEOLITHIC BURIAL GROUNDS IN TURKMENIA

The article has as its aim the evaluation of the physical development of the members of an ancient population group in Middle Asia — the people of the Eneolithic Anau culture. Their stature was calculated on the basis of a formula of proportions proposed by G. Debetz. This formula has the advantage of taking into account the type of skeleton proportions which is determined by the correlation between the segments of the lower extremity. Their weight was computed according to a conventional index of skeleton dimensions.

People of the Anau culture are characterized by a not very massive skeleton with fairly large long bones. In this they resemble the people of the ancient Indus valley civilization rather than the population of the steppe Eneolithic cultures whose skeletons are much more massive.

И. М. Золотарева

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ**

(В СВЯЗИ С РАБОТАМИ Г. Ф. ДЕБЕЦА)

Имя Г. Ф. Дебеца занимает особое место в изучении антропологического состава народов Советского Союза. Ему принадлежит выдающаяся роль в исследовании коренного населения Сибири и генезиса основных расовых компонентов на территории Северной Азии. Совершенно исключительное значение имеют соматологические материалы по Сибири, собранные Г. Ф. Дебецом среди десятков этнических и локальных групп малых народов, начиная с Западной Сибири и кончая Чукоткой и Дальним Востоком. Так, во время экспедиций в Западную Сибирь в 1937—1941 гг. Г. Ф. Дебец (при участии Т. А. Трофимовой, К. В. Вильшау, С. А. Шлугера) обследовал ряд народностей Обь-Енисейского водораздела, по рекам Тыму, Ваху, Тазу, Турухану, Елогую — разные территориальные группы селькупов, хантов, чулымцев, эвенков, ненцев, кетов. Наиболее полные результаты этих исследований были опубликованы после войны, в работе Г. Ф. Дебеца «Селькупы»¹.

Во время чукотско-камчатской экспедиции, продолжавшейся с 1945 по 1947 г., Г. Ф. Дебец изучал чукчей, эскимосов, коряков, эвенов, эвенков, ительменов, русских, бурят, корейцев. Эти данные, собранные по единой программе, практически создали ту современную карту антропологических типов, которая лежит в основе всех современных исследований по антропологии Сибири.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику научного наследия Г. Ф. Дебеца, мы остановимся лишь на некоторых проблемах, разрабатывавшихся им и получивших свое дальнейшее развитие в более поздних работах его последователей.

В ряду работ, посвященных антропологии Западной Сибири, особое место занимает труд Г. Ф. Дебеца «Селькупы». В нем была поставлена первостепенная в расогенетическом отношении проблема: происхождение выделенных расовых компонентов — так называемого «американоидного» и собственно монголоидного, обнаруженных у народов Обь-Енисейского междуречья. Выявление этих компонентов имеет принципиальное значение для изучения расогенетических процессов обширной территории Средней Сибири². Задачи, поставленные в этой глубокой работе Г. Ф. Дебеца, остаются не решенными до конца и сегодня. В известной мере этим вопросом посвящены все антропологические исследования в Средней Сибири. Например, вопрос о собственно монголоидном и «амер-

¹ Г. Ф. Дебец, Селькупы. Антропологический очерк, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. II, М., 1947.

² Укажем, например, работу: Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова, Антропологическое изучение манси, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. IX, М., 1941.

риканоидном» типе. В работе Г. Ф. Дебеца анализируются возможности тесной генетической связи этих двух типов, возможность того, что древний монголоидный азиатский пласт был весьма близок к так называемому «американоидному» комплексу, т. е. обладая крупными размерами лица и головы, относительно высоким переносом и выступающей спинкой носа, умеренной или небольшой частотой эпикантуса, темной пигментацией волос и радужины, слабым развитием бороды. На основании исследований небольшой группы елогуйских кетов Г. Ф. Дебец показал, что среди них проявляется этот «американоидный» комплекс, правда, сильно завуалированный европеоидной примесью разного происхождения³. Весьма монголоидными, в своеобразной модификации, оказались эвенки и по р. Тазу. Они обнаружили сильную уплощенность лица, весьма низкое переносье в сочетании с темной пигментацией и пониженной высотой лица (в сравнении с восточносибирскими эвенками). Как показали последующие исследования, этот комплекс не был узколокальным вариантом.

В 1948 г. Г. Ф. Дебец провел изучение одной из самых западных групп эвенков, расселенных по Подкаменной Тунгуске (иначе Катанге). Исследования преследовали цель получить сравнительные антропологические данные по внутренним районам Сибири в связи с изучением расовых типов на северо-востоке Азиатского материка. Этот комплекс признаков описан в широко известной работе «Антропологические исследования в Камчатской области»⁴. Были обнаружены такие морфологические особенности этого типа, которые отличали его от известного ранее типа эвенков и позволили Г. Ф. Дебцу выделить особый вариант байкальского типа, названный по географической локализации катангским. От байкальского типа катангский отличается несколькими важными характеристиками: гораздо более темной пигментацией волос и глаз, брахикефалией, значительно менее высоким лицом. Этот тип ранее занимал несравненно более широкий ареал, и среди групп, обследованных Г. Ф. Дебцом, проявляется, как было указано ранее, у тазовских эвенков. Реальность существования некогда более обширного его ареала подтвердилась последующими работами.

В 1950-х годах были предприняты антропологические исследования в разных пунктах Средней Сибири — на юге, среди тувинцев, и тофалов М. Г. Левиным⁵, в Средней Сибири, среди эвенков Нижней Тунгуски — Ю. Г. Рычковым⁶, на севере — среди нганасан и долган Таймыра — И. М. Золотаревой⁷.

М. Г. Левин изучавший разные группы тувинцев и тофаларов в Туве, пришел к заключению о возможности сближения по антропологическим особенностям тофаларов и тоджинцев-оленоводо- с катангскими эвенками. М. Г. Левин считал возможным довести ареал катангского варианта на севере вплоть до Таймыра, предложив считать этот комплекс самостоятельным типом, назвав его саяно-енисейским⁸.

³ Краниологии елогуйской группы кетов посвящена также работа: И. И. Гохман, Материалы к антропологии елогуйских кетов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXVIII, М., 1963.

⁴ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVII, М., 1951.

⁵ М. Г. Левин, К антропологии Южной Сибири, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XX, М., 1954.

⁶ Ю. Г. Рычков, Материалы по антропологии западных тунгусов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LXXI, М., 1961.

⁷ И. М. Золотарева, Антропологическое исследование нганасан, «Сов. этнография», 1962, № 6; е е же, Антропологическое исследование долган, «Сов. этнография», 1965, № 3.

⁸ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 36, М., 1958; е г о же, О некоторых вопросах этнической антропологии Северной Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 12, М., 1962.

В свете проводившихся выше соображений Г. Ф. Дебца о древнемонголоидном пласте, явившемся субстратом для многих более поздних этнических общностей, особый интерес представляла группа нганасан Будучи расселенной в глубинных районах Таймырского полуострова нганасаны, несомненно, могут считаться одной из относительно несмешанных популяций Северной Сибири. Вероятнее всего, именно с условиями стабильной и продолжительной изоляции (разумеется, насколько это понятие применимо к популяции человека) связано сохранение антропологического типа этой самодийской группы, не находящего себе прямых аналогий с остальным самодоязычным миром. Длительная обособленность этой этнической группы, насчитывающая многие поколения сохранила комплекс антропологических признаков, который может быть отнесен к древнейшим пластам североазиатской монголоидной расы. Имея в виду важность этого комплекса в расогенезе сибирских групп, приведем его краткую характеристику: это люди невысокого роста (157,9 см) с чрезвычайно крупными размерами головы (продольный диаметр — 191,2 мм, поперечный — 162,4 мм), брахицефальной по форме (головной указатель — 85,0), очень широким и средневысоким лицом (скуловой диаметр 153,3 мм, морфологическая высота лица — 132 мм), весьма широким носом (39,4 мм) и высоким носовым указателем (75,6). У нганасан очень темные волосы, преимущественно тугие по форме, преобладает темная окраска радужины, очень слабый рост бороды, относительно высокая частота эпикантуса (43%), среднее выступание скулы, хорошо сформированная спинка носа (средний балл поперечного профиля спинки носа — 2,11) ⁹.

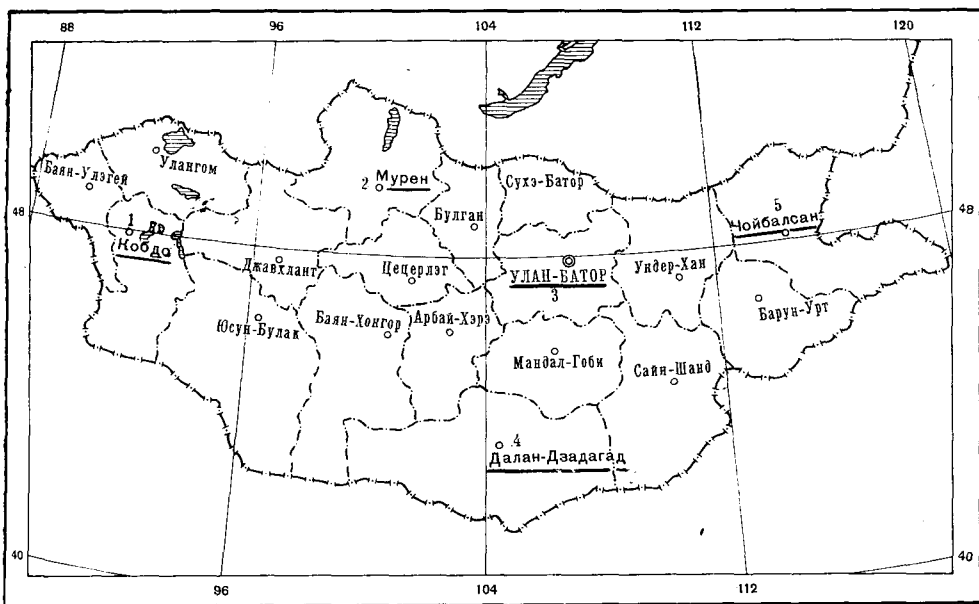
Ю. Г. Рычков, работавший среди эвенков Нижней Тунгуски, обнаружил практически тот же комплекс, что и в катангской группе тунгусов, и ареал распространения катангского типа еще более расширился. Несомненно первостепенная роль этого антропологического типа в расогенетическом процессе Средней Сибири. Ю. Г. Рычков отводит катангскому типу обширную зону, доводя ее до Охотского побережья. При имеющихся среди исследователей разногласиях о величине ареала остается несомненной основополагающая роль этого (или близких к нему) типа в расогенезе коренного населения Сибири.

С проблемой первоначального населения Сибири непосредственно связано изучение юкагиров. Этнографические и лингвистические материалы позволяют видеть в юкагирах одну из самых древних групп населения Северной Азии, причем в генезисе своем связанной с уральской лингвистической общностью. Г. Ф. Дебц, анализируя юкагирскую краниологическую серию, писал, что морфологически она обнаруживает связи «исключительно с сибирскими группами, притом не только с байкальскими (тунгусскими), но и с уральскими (угро-самодийскими) и центрально-азиатскими..., как бы объединяя, таким образом, континентальную ветвь монголоидной расы» ¹⁰.

В 1959 г. автором этой статьи были проведены антропологические исследования среди трех современных локальных групп юкагиров — в нижнеколымской тундре, в верховьях Колымы и на Индигирке. Бывшие юкагирские роды в настоящее время сильно смешаны с эвенскими, и установить первоначальный антропологический тип весьма затруднительно. Однако рассмотрение морфологических особенностей физического типа всех юкагирских групп и сравнение их с другими сибирскими популяциями позволяет считать нижнеколымскую группу в наибольшей степени сохранившей комплекс древнего антропологического субстрата. Этот комплекс характеризуется отсутствием резкой специализации типа,

⁹ Краниологическую характеристику пяти нганасанских черепов см.: В. П. Алексеев, К краниологии нганасан, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 24, М., 1955.

¹⁰ Г. Ф. Дебц, Антропологические исследования в Камчатской области, стр. 100.

Карта административного деления МНР. Подчеркнуты центры аймаков, антропологические материалы о населении которых содержатся в табл. 1 и 2. Изученные группы халха-монголов: 1 — западные (кобдооские); 2 — северные (хубсугульские); 3 — центральные; 4 — южные (южно-гобийские); 5 — восточные

какую можно видеть, например, в значительной депигментации волос и глаз прибайкальских и охотских тунгусских групп. Такие особенности современных юкагирских групп, как относительно темная пигментация (75% темных глаз), меньшая, чем в большинстве эвенских групп, высота лица (134 мм), сравнительно хорошо (на тунгусский масштаб) выступающая спинка носа (средний балл — 1,98), а также большая ширина носа (39,2 мм) связывает их с древнейшим населением Внутренней Сибири¹¹.

В настоящее время, благодаря расширению исследовательских программ, все большее значение в изучении популяций приобретают данные нескольких морфологических и физиологических систем. Антропология получает более широкую возможность при констатации расового типа и выявлении его компонентов, учитывать эволюцию физических характеристик, выявлять закономерности этих изменений во времени, т. е. анализировать комплекс проблем расообразовательного процесса в целом. Изучение этого процесса невозможно без регистрации и анализа данных физиологического и генетического характера. Уместно вспомнить, что еще в конце 1930-х годов Г. Ф. Дебеч принимал активное участие в разработке и осуществлении генетической программы исследований, проводя изучение некоторых народов Поволжья, в частности с точки зрения распределения на этой территории генных частот крови, аномалий цветового зрения¹². Война прервала и надолго отодвинула развитие и выполнение этих исследований. В Сибири эти работы были возобновлены в конце 1950-х годов М. Г. Левиным. В дальнейшем изучение генетики популяций, в сжатой или более полной форме, уже входило в задачи всех последующих экспедиций. Были собраны весьма обширные материалы

¹¹ И. М. Золотарева, Юкагиры. В кн.: «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

¹² Н. Н. Чебоксаров, Группы крови и дальтонизм у коми, «Антропологический журнал», М., 1936, № 4.

по серологии, дерматоглифике, одонтологии¹³. Все эти аспекты изучения человека в применении к исследованию его популяций имеют самостоятельную ценность при оценке генетических связей между разными группами. Значение этих материалов при накоплении соответствующих данных все более возрастает. Изучение популяций с разных точек зрения фигурально можно сравнить с получением снимка одного и того же объекта через разные фильтры, каждый из которых выявляет одну из сторон его общей характеристики и которую нельзя определить другим путем. При сравнении этих отдельных характеристик получается более глубокая информация о предмете исследования. Ареалы однородности распределения того или иного признака могут не совпадать. Возникают даже новые классификации, однако именно разноплановость диагностического материала дает возможность ретроспективного выявления общего исходного субстрата и реконструкции древнейших антропологических типов.

В настоящее время, когда накоплены значительные материалы по серологической характеристике многих сибирских этнических групп, стала очевидной дифференциация этой территории на несколько генетических пластов, различающихся в хронологическом отношении. Нам уже приходилось обращать внимание на интереснейший факт существования по крайней мере двух основных зон распределения серологических признаков среди народов Северной Азии¹⁴. Этнические группы, занимающие арктическую и субарктическую полосу Северной Сибири — нганасаны, юкагиры, эвены, чукчи, языки которых в настоящее время относятся к различным языковым группам, — характеризуются чрезвычайно близким распределением генных частот крови, в частности, высокой частотой группы *A* (ген *p*) низкой частотой группы *B* (ген *q*), высокой частотой группы *N* при умеренной частоте группы *M*. Тип этот был нами условно назван арктическим. Он резко отличается по распределению групповых факторов от «внутрисибирского» типа, выявленного у якутов, долган, бурият, характеризующегося высокой частотой групп *B* и *M*, преобладанием группы *O* над *A*. Дальнейшие исследования по серологии Сибири показали, что весьма низкая частота группы *B* обнаружена и в Средней Сибири, и может быть, по-видимому, одной из форм проявления древнего антропологического комплекса¹⁵. Например, у юкагиров прослежива-

¹³ Укажем (в хронологическом порядке) опубликованные за последние годы работы по изучению нескольких морфологических и физиологических систем коренного населения Сибири: М. Г. Левин, Группы крови у чукчей и эскимосов, «Сов. этнография», 1958, № 5; его же, Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов, «Сов. этнография», 1959, № 3; В. В. Бунак, Русское население в Забайкалье, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963; Ю. Г. Рычков, Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии, «Вопросы антропологии», вып. 19, М., 1965; его же, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, М., 1965; В. А. Сплицын, Распространение гаптоглобинов и некоторых других наследственных факторов в Северо-Восточной Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 25, М., 1967; И. М. Золотарева, А. Г. Башлай, Серологические исследования в Якутии, «Сов. этнография», 1968, № 1; И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, «Труды VII МКАЭН», т. 1, М., 1968; В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова, Антропологические исследования на Лене, «Сов. этнография», 1968, № 5; Т. Д. Гладкова, Г. Л. Хитъ, Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири. В кн.: «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968; Ю. Г. Рычков, И. В. Перевозчиков, В. А. Шереметьева, Т. В. Волкова, А. Г. Башлай, К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны, «Вопросы антропологии», вып. 31, М., 1969; В. В. Бунак, Ю. Д. Беневоленская, Т. Д. Давыдова, В. К. Жомова, Корреляции частот наследственных факторов крови в популяциях Сибири, «Тезисы докладов XIII Международного конгресса по переливанию крови», М., 1969.

¹⁴ И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», т. 1, М., 1964.

¹⁵ Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965.

ются по нескольким морфологическим системам характеристики, свидетельствующие о несомненной древности этой группы, а возможно, и о прямой преемственности с неолитическим населением. По мнению А. А. Зубова, одонтологические признаки юкагирской серии обнаруживают несомненную архаичность (чрезвычайно крупные размеры коронок зубов и другие признаки) и явственно отличаются от якутов, бурят, некоторых южных тунгусских групп. Пока отсутствуют сравнительные данные по другим народам Северной Азии, но можно указать на характеристику зубной системы древних эскимосов, несомненно, генетически связанных с современными насельниками северо-восточной окраины Азиатского материка — чукчами и эскимосами¹⁶. А. А. Зубов на основании детального анализа целой суммы одонтологических признаков пришел к выводу, что древнеэскимосские узленская и эквенская серии «обнаруживают отчетливое тяготение к группам арктической расы...». Об этом свидетельствуют такие важные диагностические особенности: высокие частоты гиподонтии третьих моляров и краудинга, сочетание макродонтизма с высокой степенью редукции гипоконуса, очень низкая частота бугорка Карабелли и др.¹⁷

Некоторые материалы, характеризующие своеобразие населения северо-востока Сибири, представляют и данные дерматоглифики. Укажем на работу Т. Д. Гладковой и Г. Л. Хить¹⁸, которые располагали, правда, сериями отпечатков главным образом по Северо-Западной Сибири. Из восточносибирских народов описаны только якуты и чукчи. Не вдаваясь в детальный анализ распределения дерматоглифических признаков, важно отметить следующие моменты: якуты по этой системе оказываются «наиболее монголоидными»; народы Северо-Западной Сибири (ненцы, энцы, селькупы, ханты, манси) имеют характеристику, рисующую их как метисные популяции (с разной долей участия европеоидного компонента). Чукчи же отличаются совершенно своеобразным сочетанием дерматоглифических признаков, не находящим себе аналогий в известных сибирских сериях. Нам представляется совершенно правомерным предположить, что своеобразное положение связано, как указывалось выше, с принадлежностью чукчей к древним этническим группам Северной Азии, потомкам первых насельников этой части материка.

Северная Сибирь — регионально окраинная зона, вероятно, заселенная человеком позднее, чем более южные территории. Естественно поэтому искать аналогии древним расовым типам в глубинных областях Азиатского материка.

В своей работе, посвященной итогам изучения крайних северо-восточных монголоидных групп, в разделе, посвященном расовой классификации, Г. Ф. Дебец высказывал, как весьма вероятное предположение, что в Центральной Азии среди современного населения могут быть обнаружены расовые типы, обладающие протомонголоидными чертами, отличающими их от современных популяций в сторону «меньшей монголоидности». С точки зрения поисков «архаических комплексов» весьма интересна краниологическая серия тибетцев Кама, давно привлекающая к себе внимание антропологов своим своеобразием¹⁹. В ней сочетаются мозаичным образом признаки как центральноазиатской группы, так и арктической. Этот тип может рассматриваться в известной мере как приблизительная модель древнего протомонголоидного типа, лежащего у истоков позднейших расовых образований. Эта точка зрения в плане

¹⁶ А. А. Зубов, Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Узленского могильников. В кн.: С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Древние культуры азиатских эскимосов, М., 1969.

¹⁷ А. А. Зубов, Указ. раб., стр. 194.

¹⁸ Т. Д. Гладкова, Г. Л. Хить, Указ. раб.

¹⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, стр. 96; G. M. Moirant, A study of certain oriental series of crania including the Nepalese and Tibetan series in the British Museum, Bm., XVI, 1924.

Средние ($\bar{x}$) измерительных расово-диагностических признаков и указателей халха-монголов и сравнительных групп *

	Халха-монголы						6. Бурятия	7. Якутия	8. Нганасаны	9. Юкагиры	10. Эскимосы
	1. Западные (Кобдовские)	2. Северные (Хубугульские)	3. Центральные	4. Южные (Южно-Гобийские)	5. Восточные	Монголы оуммарно 1-5					
Число наблюдений	92	76	95	104	99	466	2380	99	122	44	191
Длина тела	164,8	164,4	164,9	164,2	165,0	164,7	164,4	163,0	157,9	158,2	162,5
Продольный диаметр головы	188,3	189,0	188,7	191,3	187,6	189,0	189,4	195,0	191,2	193,3	190,3
Поперечный диаметр головы	158,8	160,9	158,5	159,8	159,4	159,4	160,8	156,5	162,4	157,0	154,6
Наименьший лобный диаметр	103,6	104,0	103,4	104,5	104,1	103,9	103,5	104,1	104,2	102,2	106,7
Скуловой диаметр	147,6	149,4	148,0	150,3	148,5	148,8	149,5	147,8	153,3	148,0	148,4
Нижнечелюстной диаметр	113,7	114,7	113,9	115,6	115,2	114,7	116,2	115,7	119,1	116,8	118,3
Физиономическая высота лица	191,2	192,7	192,4	193,8	191,5	192,3	197,2	199,2	194,7	192,1	198,2
Морфологическая высота лица	132,7	133,3	134,0	133,0	132,7	133,4	136,9	136,5	131,8	134,6	136,2
Высота носа (от нижнего края бровей)	65,4	65,6	65,6	65,2	65,8	65,5	66,0	68,4	64,1	65,7	62,0
Высота носа (от переносья)	53,8	54,4	54,4	53,8	55,0	54,3	54,8	55,4	52,3	51,9	54,6
Ширина носа	37,4	38,3	37,9	38,1	37,6	37,9	38,1	37,1	39,4	39,2	37,6
Ширина рта	51,1	53,7	53,6	54,2	55,8	53,7	53,4	52,5	55,7	57,6	56,4
Высота верхней губы	17,5	17,1	16,9	17,3	17,0	17,1	17,2	16,9	18,4	20,2	18,5
«Толщина» губ	17,7	16,4	17,4	18,1	16,3	17,2	16,9	17,6	13,7	17,1	18,5
Головной указатель	84,3	85,1	84,0	83,0	85,0	84,4	85,8	80,2	84,9	81,7	81,2
Лицевой указатель физиономический	77,2	77,5	76,9	77,6	77,5	77,3	75,8	74,2	78,7	77,0	74,9
Лицевой указатель морфологический	89,9	89,2	90,7	88,5	89,4	89,7	91,5	92,4	85,9	90,0	91,8
Носовой указатель (от нижнего края бровей)	57,2	58,4	57,9	58,5	57,2	57,8	57,7	54,3	61,4	59,8	61,0
Носовой указатель (от переносья)	69,5	70,4	69,7	70,8	68,4	69,7	69,5	67,1	75,6	75,5	69,1
Челюстно-лобный указатель	109,7	110,2	110,2	110,6	110,9	110,4	112,2	111,2	114,3	114,3	111,1

* Этнические и локальные группы с 1—9 изучены И. М. Золотаревой. Эскимосы (№ 10) изучены Г. Ф. Дебецем.

общей систематики была разработана в одной из основополагающих работ в этой области — работе Н. Н. Чебоксарова²⁰.

В последние годы удалось значительно расширить зону антропологически обследованного современного населения и выйти за пределы Южной Сибири, на территорию Центральной Азии, в Монголию. Автором, в частности, было проведено изучение расового типа различных групп монголов. Так как эти соматологические материалы последних лет по расовому типу современных монголов в русской литературе отсутствуют, приводим краткую таблицу величин основных признаков (см. табл. 1 и 2), и карту-схему локализации изученных групп на территории МНР²¹. Рассмотрим их несколько подробнее. Анализ морфологических призна-

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. II, М., 1947.

²¹ На английском языке эти материалы опубликованы: I. M. Zolotareva, The Khalkha-Mongols and race types of Northern Asia, «VIII International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences» (Tokyo, 1968), Moscow, 1968.

Таблица 2

Средние баллы (или %) описательных расово-диагностических признаков халха-монголов и сравнительных групп

	Халха-монголы						6. Буряты	7. Якуты	8. Нганзаны	9. Юкагиры	10. Эскимосы
	1. Западные (Кобдорские)	2. Северные (Хубугульские)	3. Центральные	4. Южные (Южно-Гобийские)	5. Восточные	Монголы суммарно 1—5					
Число наблюдений	92	76	95	104	99	466	2380	99	122	44	191
Цвет кожи: 1—9	44,6	71,1	58,2	57,8	51,8	56,4	57,3	60,4	—	85,4	41,5
% 10—14	55,4	28,9	41,8	42,2	48,2	43,6	42,7	39,6	—	14,6	53,0
Цвет глаз	1,77	1,72	1,71	1,58	1,78	1,71	1,71	1,79	1,84	1,93	1,95
Цвет волос: № 27	76,9	80,3	60,5	61,8	62,5	68,0	27,3	50,0	43,5	40,0	73,8
№ 5—7	1,2	0	0	0	2,5	0,8	10,1	6,4	52,5	60,0	3,6
Рост бороды (1— слабое)	1,62	1,58	1,56	1,70	1,69	1,67	1,50	1,36	1,11	1,05	1,62
Рост бровей (1— слабое)	1,62	1,38	1,43	1,50	1,33	1,45	1,48	1,48	1,54	1,27	2,01
Эпикантус (3— сильный)	0,55	0,72	0,72	0,72	0,80	0,71	0,76	0,57	0,56	0,86	0,45
Складка прокс.	2,01	2,04	1,91	1,87	1,94	1,93	2,02	1,95	1,88	2,48	1,39
верхн. века мед.	2,58	2,65	2,64	2,69	2,69	2,65	2,53	2,63	2,72	2,86	1,49
(1— слабая) дистальн.	2,65	2,61	2,56	2,57	2,63	2,60	2,46	2,50	2,70	2,86	1,45
Горизонт. профиль лица (1— плоский)	1,53	1,39	1,28	1,30	1,27	1,35	1,27	1,34	1,29	1,11	1,07
Выступание скул (1— слабое)	2,04	2,07	2,26	2,26	2,05	2,14	2,09	2,09	2,16	2,32	—
Наклон лба (1— сильно наклон.)	2,25	2,54	2,52	2,60	2,60	2,50	2,47	2,28	2,19	2,36	2,29
Развитие надбровья (1— слабое)	1,35	1,26	1,28	1,32	1,28	1,30	1,35	1,34	1,57	1,50	1,45
Высота переносья (1— низкое)	1,48	1,40	1,38	1,34	1,39	1,40	1,52	1,35	1,20	1,09	1,60
Поперечный профиль спинки носа (1— плоский)	2,41	2,20	2,28	2,29	2,41	2,33	2,20	2,26	2,11	1,98	2,08
Общий профиль 1— вогн.	16,3	14,5	14,9	19,2	17,2	16,5	17,8	12,1	30,6	34,1	10,6
спинки носа 2— прям.	52,1	65,8	60,6	57,7	55,6	58,1	50,9	51,5	44,4	61,3	50,7
(%) 3— выпукл.	26,1	15,8	13,8	15,4	21,2	18,5	19,0	20,2	6,6	2,3	21,2
4— извил.	5,5	3,9	10,7	7,7	6,0	6,9	12,3	16,2	18,0	2,3	17,5
Положение кончика носа (1— поднятое)	1,38	1,25	1,64	1,59	1,48	1,48	1,48	1,43	1,44	1,48	1,78
Высота верхней губы (1— низкая)	2,19	2,18	2,22	2,28	2,21	2,22	2,14	2,31	2,46	2,76	2,40
Профиль верхней губы (1— прохейлия)	1,33	1,36	1,36	1,29	1,50	1,37	1,22	1,20	1,28	1,05	1,27

ков показывает очевидное единство расового типа монголов на всей территории МНР. Границы вариаций величин признаков у халха-монголов основных территориальных групп весьма близки. Если взять опорные группы, исследованные в разных частях страны и дающие характеристику географически западных, северных, восточных, южных и центральных монголов и получить их суммарную характеристику, то она выражается следующим образом: монголы в целом характеризуются средним ростом (165 см), большими размерами головы, брахикефальной по указателю (поперечный диаметр — 159 мм, продольный — 189 мм, головной указатель — 84,4), широким, средневысоким лицом (скуловой диаметр — 149 мм, высота морфологическая — 133 мм), средним с тенденцией к большой величине шириной носа (38 мм), несколько выше средней толщиной губ (17 мм). Важнейшие антропологические признаки выражаются следующими частотами: наличие эпикантуса — 54%, темных глаз — 71% (остальные смешанной окраски, по шкале Бунака), № 27 цвета волос шкалы Фишера — 63%, слабый рост бороды — 67% (остальные — очень слабый), лицо очень плоское 65%, скулы средневыступающие, низкое переносье — 60%, спинка носа прямая и выпуклая — 83%.

В перечисленном комплексе трудно найти сочетание признаков, которые можно было бы классифицировать, как протомонголоидные и тем самым считать современных монголов в расовом отношении стоящими ближе к американоидным формам, чем народы Сибири. Расовый тип монголов принадлежит кругу типов, объединяющих бурят, якутов, тувинцев. Монголы МНР и по другим морфологическим системам оказываются «в центре выраженности монголоидных признаков»: весьма характерная изосерологическая характеристика с очень высокой частотой групп В и М, почти максимальная концентрация «монгольского» одонтологического комплекса, с ярко выраженными «молодыми» в эволютивном отношении признаками²². Отмечена яркая выраженность монголоидного комплекса и по признакам дерматоглифики²³.

Таким образом, приведенные выше материалы к характеристике народов Северной Азии по нескольким морфологическим и физиологическим системам с очевидностью указывают на разность в генетическом отношении групп населения этой части материка. Несмотря на известную неполноту данных по отдельным территориям или системам признаков, уже имеющиеся материалы позволяют выявить древнейший субстрат. Пока еще нет необходимых данных для выявления переходных форм, однако принципиально более важным представляется выделение наиболее разошедшихся ветвей — древнейшей и относительно более молодой. Древнейший антропологический пласт проявляется в расовом типе разных этнических групп Средней и Северной Сибири (среди нгасан, юкагиров, эвенков), иногда в гиперморфизированной форме, обусловленной длительной изоляцией (нганасаны). Изучение других морфологических систем (одонтологии, дерматоглифики) — также обнаруживает проявление архаических особенностей, свойственных древним формам монголоидного расового ствола у юкагиров, чукчей, эскимосов и сохранившихся благодаря специфичности социальных норм этих малочисленных групп, прежде всего, благодаря относительно малой величине брачного круга. Как следствие этого факта следует рассматривать и особую серологическую характеристику рассмотренных групп, занимающих, как правило, окраинные зоны и весьма отличную от более поздних антропологических пластов. Этот иной, более «поздний» характер распределения антропологических признаков (включая изосерологические и одонтологические показатели) обнаруживается у якутов, бурят, монголов — народов, занимающих внутренние области материка и тесно связанных с Центральной Азией.

Дальнейшее изучение популяций, связанных с древнейшими насельниками Северной Азии, несомненно, даст новую информацию не только для изучения этнической истории этого района, но и для решения общепроблем, относящихся к процессам расообразования. Однако, как показывает накопленный опыт, успеха в разработке этих проблем можно добиться лишь при самом разностороннем биолого-антропологическом изучении популяций, включающем морфологическое изучение по многим системам признаков, привлечение физиологических показателей, с учетом факторов адаптивного и селективного характера.

²² Материал по некоторым одонтологическим признакам у монголов собран И. М. Золотаревой, обработан А. А. Зубовым (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

²³ Монгольская дерматоглифическая серия собрана сотрудником АН МНР Л. Намсарайнайданом, обработана Г. Л. Хить (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

ON SOME PROBLEMS OF ETHNIC ANTHROPOLOGY IN NORTHERN ASIA

G. F. Debetz was the most prominent investigator in the anthropology of Siberian peoples; to this field he devoted about forty years of active research. The author adduces new data on many aboriginal ethnic groups of Northern Asia and considers them from the point of view of ideas expressed by G. F. Debetz — on the genetic relationship between various Siberian groups, on ancient anthropological types and their location.

Variegated factual evidence (anthropometric, isoserological, dermatoglyphical) shows that the peoples of Northern Asia may be divided into two main groups: one reveals a more archaic complex of anthropological traits. This complex is prevalent among the Nganasans, the Yukaghirs, the Chukchi, and some groups of Evenks.

The second group comprises a complex of younger (in the evolutionary sense) traits; in distinguishing this type we take into account not only the traits themselves but the pattern of their distribution. This second type is peculiar to peoples genetically connected with Central Asian peoples — the modern Khalkha-Mongols, Buriats and Yakuts

А. А. Жуков

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

(О РОЛИ ЯЗЫКА СУАХИЛИ)

Изучение этнической структуры и лингвистической ситуации в странах Африки занимает все более значительное место в современной африканистике. Все чаще и чаще африканисты — этнографы и языковеды — приходят к заключению, что одна из важнейших задач лингвистики заключается в том, чтобы дать как можно более четкое представление об этнокультурных процессах, происходящих в современной Африке, в связи с лингвистическими проблемами на основе глубокого их изучения. В этом отношении наиболее показательны работы советского ученого Д. А. Ольдерогге и английского У. Уайтли¹. Специальные статьи появились в ведущих журналах, освещающих африканскую проблематику, изданы отдельные сборники, проведены дискуссии и конференции по этнолингвистике. В результате выяснились наиболее важные проблемы. К ним относятся: процессы формирования крупных этнолингвистических общностей; роль многоязычия в современной Африке; «смешанные языки»; местные языки и их роль в системе образования; выработка письменности; взаимоотношения местных африканских языков и языков бывших метрополий и т. д. и т. п.² Все эти вопросы имеют не только теоретический характер, — большинству современных африканских государств приходится сейчас на практике решать сложные проблемы национального единства, возрождения национальной культуры, языкового строительства. Указанные проблемы, естественно, не могут быть решены без учета конкретной языковой и этнической ситуации в каждой отдельной стране или районе Африки.

В настоящей статье затрагиваются некоторые вопросы, связанные с изучением этнолингвистической ситуации в Восточной Африке.

Географическое понятие «Восточная Африка» охватывает территорию трех стран — Уганды, Кении и Объединенной Республики Танзании³. С точки зрения характеристики этнического состава каждая из этих стран имеет свои особенности.

Население Уганды, насчитывающее около 8 млн. человек⁴, по языко-

¹ См., напр.: Д. А. Ольдерогге, Этнолингвистическое и политическое деление Африки, «Тезисы научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.», Л., 1967, стр. 41—42; его же, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 135—157. W. H. Whiteley, Linguistics and Africa: 1962—67, 1968 (роталпринт); его же, Priorities for linguistic research in East Africa, 1965 (роталпринт).

² См.: «Language in Africa. Papers of the Leverhulme conference on universities and the languages problems of Tropical Africa», Cambridge, 1963; «Study of the role of second languages in Asia, Africa and Latin America», Washington, 1962; «Language problems of developing nations», New York — London — Sydney — Toronto, 1969.

³ О Занзибаре, входящем в состав Объединенной Республики Танзания, по ряду причин надо говорить особо; здесь под Танзанией имеется в виду лишь ее материковая часть (Танганьика).

⁴ По оценке 1967 года. См.: «The Statesman's year-book. 1968—69», New York, 1968, p. 505.

вому признаку распадается на три группы. Более 70% говорит на языках банту, остальные — малые народности, говорящие на нилотских (около 30%) и восточно-суданских (менее 1%) языках. В среде бантуязычных этнических групп выделяются баганда (до 2 млн. человек). В XV в. баганда стали этническим ядром крупного государства Буганда, под властью которого находились более мелкие государственные образования, возникшие также на базе определенных этнических групп (Буньоро, Анколе, Торо и др.). В 1900 году все они вошли в состав протектората Уганда, причем англичане, проводя политику так называемого «косвенного управления», сохраняли и всячески поддерживали главенствующее положение Королевства Буганда, а следовательно, и народа баганда, среди других этнических групп. После получения независимости в 1962 году это положение некоторое время сохранялось. С 1961 года в Буганде существовала партия «Кабака екка» («Только кабака»), выступавшая за выделение Буганды в самостоятельное государство во главе с кабакой Мутесой II. Правительству независимой Уганды долгое время приходилось сдерживать сепаратистские тенденции, пока они не вылились в открытый мятеж. После его подавления, по конституции 1966 года, все традиционные королевства были упразднены. Здесь нужно обратить внимание на следующее важное обстоятельство: к крупной исторически сложившейся общности — баганда — тяготеют в большей или меньшей степени небольшие (от 300 тыс. до нескольких десятков тыс.) народности и племена, говорящие на близких к луганда языках и диалектах. Именно это является характерным для этнической структуры Уганды.

Население Кении составляет около 10 млн. человек⁵. В лингвистическом отношении оно также делится на три группы: на языках банту говорит более двух третей населения; значительное число говорит на нилотских языках; третья — кушитская — группа представлена слабо (несколько десятков тысяч человек). Наиболее крупный народ (из говорящих на языках банту) — акикую, — насчитывает около 2 млн. чел.; из говорящих на нилотских языках — луо, — более 1 млн. чел. Различия между ними не только языковые, различны их материальная культура, традиции и т. п. Таким образом, в этнической структуре Кении имеются две крупные гетерогенные этнические единицы.

Население материковой части Танзании (более 12 млн. чел.)⁶ состоит из многочисленных народностей и племен⁷, говорящих, главным образом, на языках банту, — от 800 тыс. до нескольких десятков тыс. человек. Незначительное число составляют представители нилотской, кушитской и койсанской языковых групп. Характерным для этнической структуры материковой части Танзании как раз и является отсутствие какой-либо крупной однородной этнической общности.

Так, в самых общих чертах можно представить этническую структуру трех восточноафриканских стран, каждая из которых имеет свои особенности: в Кении две крупные гетерогенные этнические общности; в Уганде — одна; в Танзании (материковая часть) вообще отсутствует какая-либо ведущая этническая единица.

Если обратиться к этническим картам Восточной Африки, то непременно бросится в глаза их пестрота. Например, в изданном Восточноафриканским Институтом социальных исследований в 1960 году специальном справочнике (по данным 1948 года) перечисляются более тридцати «племен» Уганды, более двадцати — Кении, около сорока — Тан-

⁵ По оценке 1967 года. См.: «The Statesman's year-book. 1968—1969», New York, 1968, p. 510.

⁶ См. «Tanzanian census», «Business and economy of Central and East Africa», vol. 2, № 1, 1968, p. 23.

⁷ Их перечисление см.: «Tanganyika Notes and Records», № 52, 1959, pp. 69—74; Ср. A. J. Nsekela, Minara ya historia ya Tanganyika, Arusha, 1965, pp. 186—189.

ганьики⁸. В других публикациях называются цифры в 2—3 раза больше. Однако такая пестрота должна восприниматься в известной мере условно; нужно учитывать, что в последние десятилетия происходит интенсивный процесс взаимодействия и перемешивания мелких этнических групп тесно связанный с социально-экономическим развитием и политическими преобразованиями. Особенно бурно он протекает в районах размещения промышленных предприятий, в городах⁹. Кроме этого ведущего фактора, способствующего разрушению этнических перегородок, в Восточной Африке есть и другой, роль которого в этих процессах исключительно велика. Речь идет о языке суахили, который является средством общения для огромной массы населения Восточной Африки.

На восточноафриканском побережье издавна жили многочисленные племена, говорившие на близкородственных языках и диалектах банту VII—XIII вв. относится первый, очень незначительный приток арабов из Аравии, а несколько позднее, вместе с арабскими переселенцами, пришел и ислам. Некоторая часть африканского населения приняла его, представители знатных родов стали считать себя наследниками арабов и арабской культуры, создавая впоследствии сложную родословную, ведающую, якобы, начало от арабских переселенцев. Видимо, в это время (XII—XIII вв.) и появляется название «васуахили», которое первоначально обозначало торговых слой африканского населения, говорящего на основном языке побережья — кисуахили (от арабск. *савахиль* — «часть побережья, гавани, портовые районы прибрежных городов»), т. е. кисуахили буквально обозначало «говорить так, как говорят в савахилиях»¹⁰.

В течение десяти-двенадцати веков на узкой полоске африканского побережья Индийского океана и прилегающих к ней островах сформировалась сложная суахилийская культура¹¹. Здесь появились крупные города-государства. Именно в процессе становления государственности, в обстановке перемешивания, с одной стороны, диалектов островных и береговых племен (банту), с другой, — диалектов рабов (также банту), дообладавших на побережье из глубины Тропической Африки, и арабского языка складывался общий язык побережья — суахили (кисуахили). В процессе формирования его главную роль в разные периоды играли различные диалекты: в начальный период (VII—VIII вв.) первенствовал киаму, диалект района островов Ламу; в IX—XI вв. — кимвита (район Момбасы), а позднее — киунгуджа (о. Занзибар). Под влиянием арабского языка лексический состав суахили пополнился многочисленными заимствованиями; в результате взаимодействия и взаимовлияния близкородственных языков и диалектов произошли некоторые изменения в грамматике. Однако они не привели к утрате языком суахили основных черт грамматической структуры банту¹².

Пять или шесть столетий назад суахили был, так сказать, «первым»

⁸ J. E. Goldthorpe, F. B. Wilson, Tribal maps of East Africa and Zanzibar, «East African Studies», № 13, 1960. По Танганьике, например, приводятся цифры еще большие, см.: «Tanganyika Notes and Records», 1959, № 52, pp. 69—74.

⁹ См. об этом: Р. Н. Исмагилова, Этнический состав и занятия населения танганьики, «Африканский этнографический сборник», II, ТИЭ, XLIII, М., 1958, стр. 271—301.

¹⁰ М. А. Толмачева, Восточная Африка в средневековых арабских известиях. Этно-географическое исследование, канд. дисс., Л., 1970.

¹¹ См. об этом подробно: A. H. J. Prins, The Swahili-speaking peoples of Zanzibar and East African Coast, London, 1961; В. М. Мисюгин, Происхождение городов восточноафриканского побережья, «Вестник ЛГУ», № 20, вып. 4, 1958, стр. 142—152; его же, Основные черты этнической истории суахили, канд. дисс., 1967. См. также автореферат диссертации.

¹² О возникновении и становлении языка суахили есть специальные статьи, в которых излагаются различные (порой противоречивые) теории. См., напр.: G. M. Bloomfield, The development of the Swahili language, «Africa», vol. III, № 4, 1930, pp. 516—522; его же, The re-bantuization of the Swahili language, «Africa», vol. IV, № 1, 1931,

(или родным) языком сравнительно небольшого числа жителей прибрежных районов. Можно считать, что на этой стадии он был языком определенной социэтнической общности, причем социальная сторона играла, по-видимому, основную роль¹³.

В связи с возникновением и развитием торговли, прочных торговых путей, связывающих побережье и внутренние районы, суахили проникает в XVIII—XIX вв. в глубь континента, вплоть до Таборы, озера Танганьика и даже восточных районов нынешнего Конго (Киншаса), где до сих пор распространен диалектный вариант суахили — кингвана, т. е. «язык благородных, знатных» (имелись в виду торговцы, владельцы торговых караванов). Он становился средством общения торговцев, идущих с побережья, и местного населения¹⁴. Постепенно суахили закрепился вдоль торговых путей, в крупных торговых селениях. Его быстрое распространение облегчалось тем, что население этих районов говорило на близких языках (тоже банту). Таким образом, начиная с этого периода, суахили перестает быть привязанным к сравнительно узкой социэтнической общности, становясь языком региональным.

Когда в Восточную Африку пришли европейцы (вначале миссионеры, затем колонизаторы), они обнаружили, что суахили повсеместно понимают и говорят на нем. Немецкая, а впоследствии и английская колониальная администрация признали суахили основным местным языком завовавшихся территорий¹⁵.

В 1920-х годах, когда все восточноафриканские территории (Уганда, Кения, Танганьика) оказались под английским господством, для суахили была официально введена письменность на латинской основе (стихийные попытки делались и раньше)¹⁶. Суахили начали преподавать в миссионерских и правительственных школах, появились первые печатные издания — газеты и журналы. Все это в еще большей степени способствовало его дальнейшему распространению в Восточной Африке.

В 1930 году усилиями европейцев-миссионеров был создан Восточноафриканский межтерриториальный языковый комитет — Interterritorial Language (Swahili) Committee. Он ставил перед собой задачу способствовать стандартизации и развитию языка суахили: выработать принципы орфографии, создать учебные пособия, публиковать тексты и т. п.

pp. 77—85; K. Roehl. The linguistic situation in East Africa, «Africa», vol. III, № 2, 1930, pp. 91—202; R. Reush, How the Swahili people and language came in existence, «Tanganyika Notes and Records», № 34, 1953, pp. 20—27; M. D. W. Jeffreys, The impact of the Arab language on East Africa, «Muslim Digest», vol. 5, № 10, 1955, pp. 209—212; W. H. Whiteley, The changing position of Swahili in East Africa, «Africa», vol. XXVI, № 4, 1956, pp. 343—353; В. М. Мисюгин, О происхождении и распространении языка суахили, «Африканский этнографический сборник», III, ТИЭ, LII, 1959, стр. 36—47.

¹³ Попытки установить этнический субстрат оказались несостоятельными. Имеется в виду, например, гипотеза, предполагавшая развитие языка суахили из языка шомви, а вомомви рассматривающая как этническое протоядро васуахили. Об этом см.: R. Reush, Указ. раб.: его же, Der Islam in Ost-Afrika, Leipzig, 1931, S. 298—299.

¹⁴ Кингвана посвящены специальные статьи. См.: O. Liesenborghs, Wat is kingwana?, «Kongo-everzee», vol. IV, 1938; G. Van der Kerken, Le swahili, Langue de grande expansion, «Bulletin de l'Institut Royal Congo Belge», vol. XV, 1944; B. Le-coste, Le ngwana, variété congolaise du swahili, «Kongo-overzee», vol. 20, № 4/5, 1954, pp. 391—408.

¹⁵ Об отношении колониальной администрации к языку суахили см.: Marcia Wright, Swahili language policy, 1890—1940, «Swahili», vol. 35/1, 1965, pp. 40—48. Автор, в частности, замечает: «К тому времени, когда германская имперская власть была установлена в Восточной Африке, суахили являлся языком береговой цивилизации, языком торговли... и самым важным местным языком в миссионерской деятельности. С 1890 года, как орудие политических контактов с местным населением..., он стал языком власти (the language of power)» (p. 40).

¹⁶ До этого суахилийская письменность была основана на арабском алфавите; она возникла примерно в X—XIII вв. Суахили — один из немногих африканских языков, который имеет старинную письменную традицию. В записи старосуахилийским письмом имелись хроники городов, предания и, видимо, литературные произведения.

Комитет на известном этапе сыграл исключительно важную роль — были созданы словари, грамматики, учебники, выпускался специальный бюллетень, освещавший актуальные вопросы развития суахили¹⁷. Но только после получения независимости, когда в восточноафриканских странах началась систематическая ликвидация неграмотности, на проблемы языкового строительства было обращено действительно серьезное внимание. В Танзании, например, суахили провозглашен национальным языком; в Кении он, наряду с английским, является официальным языком страны; в Уганде суахили также широко распространен, хотя роль луганда, не сомненно, значительна.

Помимо стран Восточной Африки суахили известен в некоторых районах Конго (Киншаса), Сомали, Бурунди, Мозамбика, Замбии, Малави, Конго (Браззавиль). В общей сложности на нем говорит более сорока миллионов (в последнее время приводится даже цифра — 50 миллионов) человек. На суахили сейчас издается масса печатной продукции, в большинстве перечисленных стран ведется радиовещание, на нем вводится преподавание в школе. И вот тут-то встает сложная проблема, связанная с необходимостью стандартизации, с установлением определенных языковых нормативов. Строго говоря, вся огромная область распространения суахили не является однородной; можно выделить три ареала, различающиеся степенью охвата населения языком суахили¹⁸.

Ареал А — острова и полоса побережья, где собственно и происходило становление суахили. Для большей части населения этого ареала суахили если не «первый» (условно — родной) язык, то, по крайней мере, в повседневной жизни на нем говорят всегда, во всех сферах.

Ареал В — почти вся материковая часть Танзании, значительные районы Кении и Уганды, некоторые области Конго (Киншаса), Бурунди, Мозамбика, Замбии и Малави. Для населения этой зоны характерен билингвизм (и даже трилингвизм), — преимущественно употребляется суахили, но в известных обстоятельствах — дома, в семье (особенно старшее поколение и женщины) используют местные наречия. Билингвизм, конечно, имеет место и в ареале А, но там он проявляется не в такой степени.

Ареал С — периферийные районы области распространения суахили, где его понимает и использует в определенном социальном контексте некоторая часть населения (особенно молодежь), может слушать и понимать радиопередачи, пересказывать их, читать газеты и т. п.

Границы распространения суахили в настоящее время быстро расширяются. Джон Аллен сообщает, например, что суахили понимают в Киншасе, некоторых районах Анголы¹⁹, известен он и в Браззавиле.

Говоря о трех, условно выделенных, зонах функционирования суахили следует иметь в виду также существование, главным образом на побережье, диалектных различий (насчитывают около двадцати диалектных форм²⁰), а также его особой формы — *kisettla* (от английского *to*

¹⁷ Об истории создания и деятельности Комитета см. подробно: W. H. Whiteley, Linguistic research in East Africa, «Journal of East African Swahili Committee» (далее JEASC), № 24, 1954; его же, The work of the East African Swahili Committee (1930—1957), «Handelingen van het XXII Vlaams Filologencongres», 1957, pp. 279—282; A. F. Bull, Looking back thirty years — and forward. The story of the East African Swahili Committee, JEASC, vol. 1, part 3, № 32, 1961, pp. 20—23; Е. Н. Мясина, Восточноафриканский суахилийский Комитет и его издания, «Африканский этнографический сборник», III, 1959, стр. 227—229.

¹⁸ Cp. J. Allen, The case for developing Swahili, «East African Journal», vol. 2, № 2, 1965, pp. 29—34.

¹⁹ J. Allen, Указ. раб.; его же, The rapid spread of Swahili, «Swahili», vol. 30, 1959, pp. 70—73.

²⁰ О диалектах суахили см.: Ch. Sacieux, Grammaire des dialectes Swahili, Paris, 1909; C. H. Stigand, A grammar of dialectic changes in Kiswahili language, Cambridge, 1915; W. H. Whiteley, Kimtang'ata, Kampala, 1956; H. E. Lambert, Kivumba, Kampala, 1957; его же, Chi-jomvu and Kingare, 1958; W. H. Whiteley, The

settle), — смешанного суахили-английского жаргона, который служит для общения африканцев и поселенцев-европейцев в Кении. В общении между собой африканцы не пользуются им²¹.

Естественно, что суахили ареалов В и С далек от стандартных форм, более или менее принятых на побережье (стихийно сложившихся или установленных Суахилийским Комитетом, который выступал в роли своеобразного арбитра по вопросам языка при помощи специального «Бюллетеня»). Одна из задач лингвистической политики в Восточной Африке как раз и состоит в том, чтобы через систему образования, учебную литературу, прессу, радиовещание вводить повсеместно определенные стандартные формы. В Танзании, например, этим вопросам уделяется много внимания²². 11 августа 1967 года был издан закон о создании особого Совета — National Swahili Council, в задачу которого входит: внедрение суахили в официальную документацию и общественную жизнь, издание газет и журналов по проблемам развития языка и т. п.²³ Начиная с 1965 года, правительство Танзании организует так называемый Swahili Workshop — симпозиум по формам и методике преподавания суахили в школах. На заседаниях первого такого симпозиума (август 1965 г.) довелось присутствовать автору этой статьи. Симпозиум продолжался целый месяц, — учителя, работники министерств образования стран Восточной Африки, лингвисты обсуждали школьные программы по языку суахили (для каждого класса в отдельности), отработывали словари-минимумы, которыми должны овладеть школьники младших классов, отбирали тексты для чтения и т. д.²⁴ Все это делалось с учетом того, чтобы стандартные формы, определенные языковые нормы систематически и повсюду прививались школьникам. Педагогический колледж Дар-эс-Салама специально готовит преподавателей языка суахили, вооружая их разработанными методикой и программами. Большую роль в стандартизации языка играет Институт суахилийских исследований (Дар-эс-Салам), образованный на базе Суахилийского Комитета. В настоящее время он ведет подготовку новых суахилийских словарей и грамматики, издает журнал «Swahili», который освещает как практические, так и теоретические аспекты языка, публикует образцы старинной и современной суахилийской литературы. Однако проблема педагогических кадров и учебных пособий остается до сих пор острой, — существующие пособия уже не отвечают нынешним требованиям²⁵.

«Суахили — национальный язык Танзании, и долг каждого из нас — стараться посылно развивать его в письменной, устной и интеллектуальной формах. Я уверен, что в недалеком будущем у нас появятся книги по различным областям знаний, написанные на суахили самими афри-

dialects and verse of Pemba, 1958; H. E. Lambert, Chichifundi, 1958; W. H. Whiteley, An introduction to the rural dialects of Zanzibar, «Swahili», vol. 30, 1959, pp. 41—69; vol. 31, 1960, pp. 200—218.

²¹ О суахилийском сленге см.: R. H. Gower, Swahili slang, «Tanganyika notes and records» (далее TNR), № 51, 1958, pp. 250—255; еро же, Swahili slang, JEASC, vol. 28/2, 1958, pp. 41—48; J. A. K. Leslie, Swahili slang: further notes, JEASC, vol. 29/1, 1959, pp. 81; P. H. C. Clarke, A note on school slang, TNR, № 58—59, 1962, p. 205—206.

²² См., напр., «Greater emphasis placed on Swahili», «The Standard», № 10786, Thursday, July 1, 1965; L. Harries, Language policy in Tanzania, «Africa», vol. XXXIX, № 3, 1969, pp. 275—280.

²³ «An act to establish the National Swahili Council and to provide for matters connected therewith and incidental thereto», «Gazette of the United Republic of Tanzania», Dar es Salaam, vol. 48, № 34, 1967, acts. suppl. 4, pp. 171—175.

²⁴ См. «Report of the Swahili Workshop held at Chang'ombe», July — August, 1965 (ротапринт). Материалы симпозиума полностью опубликованы (см.: «Swahili», vol. 36/1, 1966, pp. 100—138).

²⁵ См.: J. P. M. Naimbaya, Kiswahili as the medium of teaching, «The education journal of the United Republic of Tanganyika and Zanzibar», vol. 1, № 11, 1964, p. 9; Ali Ahmed Jahadhmy, Cementing Tanzania through the medium of education, «Tanzania education journal», vol. 1, № 2, 1965, p. 10; S. S. Mushi, The role of Swahili books in nation-building endeavours, «Swahili», vol. 38/1, 1968, pp. 3—8.

канцами», — это слова Президента Танзании Джулиуса Ньерере из предисловия к первому учебнику по истории страны, написанного африканцем²⁶.

Общественные деятели, литераторы Танзании придают большое значение развитию языка суахили, призывая к бережному отношению к нему²⁷.

В 1968 г. начала работу Комиссия по изучению языковых проблем преподавания языков в странах Восточной Африки. Комиссия ставит перед собой цель — подробное изучение этнической структуры и языковой ситуации в странах региона.

В состав Комиссии входят этнографы, социологи, лингвисты. Опубликовано уже несколько выпусков специального Бюллетеня этой Комиссии, содержащих принципы и методику этно-социо-лингвистических исследований.

В декабре 1968 года в Дар-эс-Саламе состоялась первая конференция, обобщившая некоторые итоги работы Комиссии²⁸. На Конференции было прочитано около семидесяти докладов; в ее работе приняли участие крупнейшие лингвисты-африканисты Европы и Америки, большое число докладов было представлено африканцами. На Конференции работали следующие секции: «Развитие языка и языковая политика»; «Преподавание африканских языков в начальной школе»; «Подготовка преподавателей — словесников»; «Методы описания африканских языков»; «Теоретическая и прикладная лингвистика» и другие. Более конкретно проблеме был посвящен семинар, организованный в Дар-эс-Саламе вслед за Конференцией. На нем рассматривались социальные аспекты многоязычия в Восточной Африке.

Разумеется, в небольшой статье невозможно даже перечислить все вопросы развития языка суахили в связи с современными этническими и социальными процессами. Можно упомянуть лишь наиболее существенные из них: взаимоотношения суахили и местных наречий, суахили и английского языка; заимствования; становление современной литературы на суахили; вопросы терминологии — суахили и наука, техника и культура; роль суахили как объединяющей силы в национально-освободительном движении народов Восточной Африки и др.²⁹

Несомненно, что роль суахили в процессе ломки этнических перегородок огромна: процессы языковой ассимиляции ускоряют, естественно, и этнические процессы. Так как суахили не является языком какой-либо определенной этнической общности, его распространение не создает препятствий, связанных, например, с ущемлением национальной гордости, национального самосознания. Наоборот, он становится символом единства, — это не «мой», и не «твой», а «наш» язык.

Таким образом, Восточная Африка имеет два типа общностей, — этнолингвистическая общность генетического характера (например, ба-

²⁶ A. J. Nsekela, Указ. раб., стр. 11.

²⁷ Shaaban Robert, *Lugha ya Taifa. Insha na mashairi*, Tanga, 1959, pp. 17—18; его же, *Swahili as unifying force in East Africa*, «Swahili», vol. 33, 1, 1962/3, pp. 11—12; Amri Abedi, *The Swahili language*, «Spearhead», vol. II, № 3, 1963, pp. 14—15; Mohamed Ali, *Kiswahili. National Festival of Tanganyika*, Dar es Salaam, s/a, pp. 23—27; его же, *Maendeleo ya maandishi ya kiswahili*, «Swahili», vol. 36/2, 1966, pp. 13—21; J. K. Kiimbila, *Kanuni na njia za kuendeleza kiswahili*, «Swahili», vol. 35/2, 1965, pp. 28—39.

²⁸ «Eastern African Regional Conference on Language and Linguistics», Dar es Salaam, December 18—21, 1968. Краткий отчет о работе конференции см.: *Bulletin Survey of language use and language teaching in Eastern Africa*, vol. 2, № 2, 1969, pp. 2, 3.

²⁹ Все эти вопросы сейчас становятся предметом пристального изучения. Краткий обзор по этой теме см.: W. H. Whiteley, *Ideal and reality in national language policy: a case study from Tanzania*, «Language problems of developing nations», New York — London — Sydney — Toronto, 1969, pp. 327—344; его же, *Swahili. The rise of a national language*, London, 1969.

ганда) и общность, не имеющая в основе своей определенного этнического ядра, а формирующаяся в результате распространения одного общего языка. Представляется принципиально важным различать в современной Африке языки «этнические», т. е. непосредственно связанные с определенным этносом, и языки «региональные», — не имеющие такой связи или утратившие ее. Суахили — ярчайший представитель второго типа, точнее, — одной из разновидностей этого типа, так как неверно было бы смешивать суахили с другими разновидностями региональных языков, например, с sikorabelti или pidjin Западной Африки. Но это уже особые вопросы и они выходят за рамки этой статьи.

TOWARDS THE STUDY OF THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN EAST AFRICA (THE ROLE OF SWAHILI)

After a brief description of the ethnolinguistic situation in East African countries the author characterizes the place and role of Swahili in modern ethnocultural processes taking place in this region. The author attaches great importance to distinguishing two types of ethnolinguistic communities: those of a genetic character (such as the Baganda) and those not founded upon any specific ethnic nucleus but being formed as a result of the diffusion of one common language (in the case under consideration — the Swahili). Thus the author distinguishes «ethnic languages» and «regional languages» regarding Swahili as one kind of the latter.

В. Хартвиг

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ НАГА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс в 1884 г. проанализировал историю человеческого общества на самых ранних этапах его развития, выявил основные черты первобытнообщинного строя, показал процесс его распада, возникновения классового общества и государства, вскрыл классовый характер государства. Как известно, он охарактеризовал первобытнообщинный строй как общественный строй, зависящий от родовых связей, покоящийся на родовых объединениях, при существовании которых «семья никогда не была и не могла быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам»¹. Такими ячейками были род, который полностью входил во фратрию, и фратрия, которая целиком входила в племя. Распадение общественной формации, расчлененной на родовые союзы, Энгельс в предисловии к первому изданию своей книги обрисовал следующими словами: старое общество «взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разрываются классовые противоречия и классовая борьба...»².

Разрабатывая вопрос об основных различиях между принципами общественной организации эпох варварства и цивилизации, Энгельс подчеркивал: «Его (родового строя.— В. Х.) предпосылкой было то, что члены одного рода, или хотя бы одного племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими»; в другом месте он пишет: «По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались... недостаточными, большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать»³.

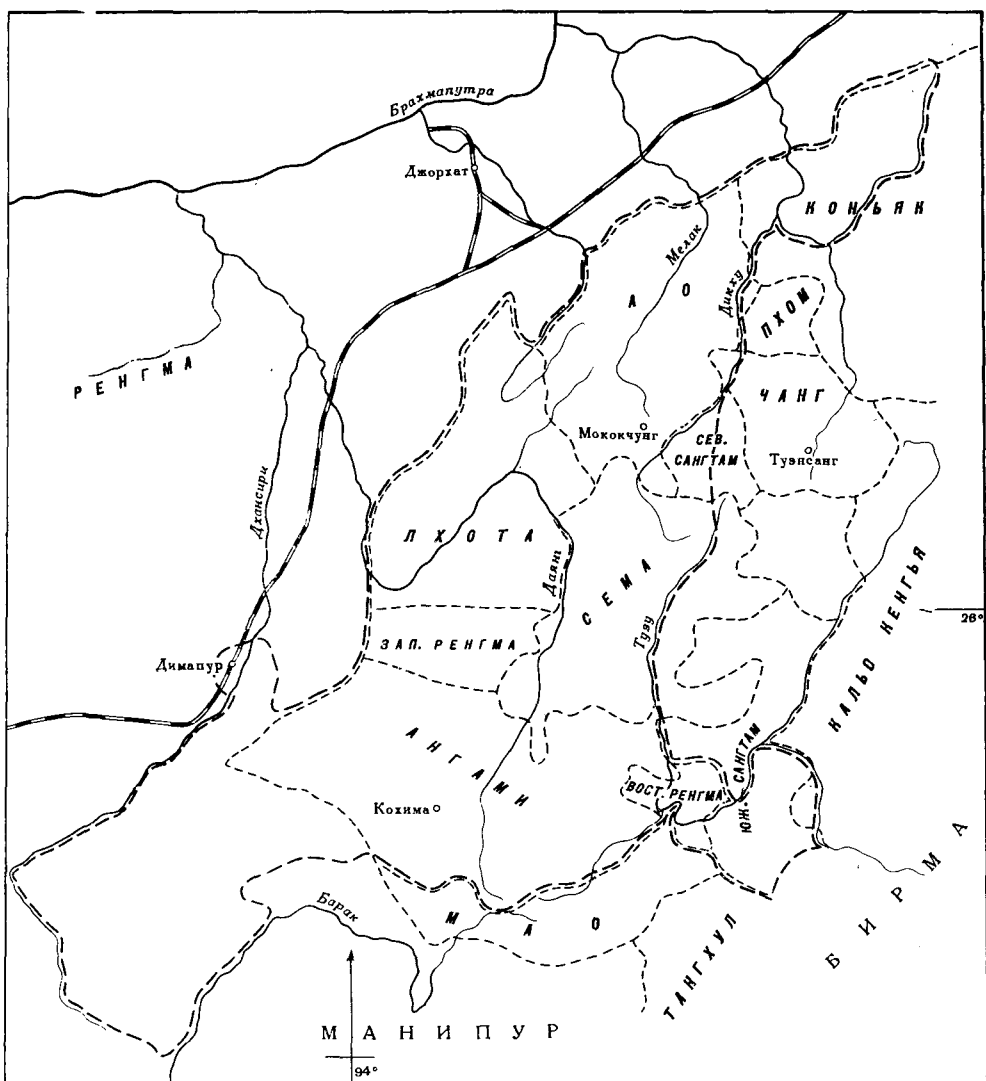
В статье «Марка» Энгельс писал по поводу захвата германцами областей к востоку от Рейна и к северу от Дуная: «Более близким по родству крупным группам доставалась определенная область, в пределах которой опять-таки отдельные роды, включавшие определенное количество семей, селились вместе, образуя отдельные села»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

³ Там же, стр. 168, 170.

⁴ Там же, т. 19, стр. 330.

Размещение групп нага (1900 г.). Жирная пунктирная линия — административная граница ассамского округа Нага, светлая пунктирная линия — граница между отдельными группами.

Только что приведенное высказывание понималось часто таким образом, что род — это общественная ячейка, которая жила замкнуто в одном поселке или, если она была велика, в нескольких поселках или поселениях⁵. Однако в последнем случае, как пишет И. Зеллнов о папуасах, «самостоятельность деревенских общин... приводила к модификации родовой организации, поскольку ограничивала солидарность рода в основном местным родовым союзом. Родовая солидарность вытеснялась солидарностью односельчан... потому что деревня сообщала регулировала удовлетворение некоторых социальных и хозяйственных потребностей и брала на себя также охрану обитаемой территории». Вместе с тем, по мнению И. Зеллнов, нельзя считать, что по мере возникновения сельских общин сразу же утверждался территориальный принцип со-

⁵ М. О. Koswen, Abriß der Geschichte und Kultur der Urgesellschaft, Berlin, 1957, S. 122 f.

циальной организации. «Напротив, сельские общины пытались приспосабливаться к общей схеме организации на основе кровного родства»⁶.

В условиях экзогамии и определенной локальности брачного поселения отдельный род никогда не мог быть территориальным объединением, и поэтому высказывание Энгельса о связи членов рода с определенной территорией нужно, на наш взгляд, понимать более широко: живущие вместе в определенной местности и работающие в одном поселении лица были связаны друг с другом тесными родственными узами⁷. Если территориальное объединение состояло по меньшей мере из двух экзогамных родов, то, таким образом, никогда производственно-территориальное объединение не могло быть образовано членами одного рода.

Следовательно, производственные отношения, в которые вступали члены территориального объединения, не были ни идентичны, ни параллельны однолинейным родственным отношениям, и такая община в первобытном обществе была крепко спаяна изнутри не только тесными родовыми узами, но, прежде всего, общими политическими, экономическими и обрядовыми интересами. Материальный базис этих общественных связей — одинаковое отношение всех членов территориальной деревенской общины к земельной собственности. Таким образом, определяющими отношениями и в этом родо-племенном обществе, еще не расколотом на антагонистические классы, были производственные отношения⁸.

В процессе естественного прироста населения происходило образование новых коллективов, которые политически и экономически, а подчас и в отношении обрядовой жизни становились самостоятельными. С увеличивающейся консолидацией этих новых коллективов постепенно слабели прежние родственные связи с отдельными членами и родственными объединениями «материнских» или «сестринских» деревень. Вместо них прежде всего возникали политические связи. Следовательно, если не имелось реальных родственных связей между отдельными территориальными коллективами, представлявшими собой политически-территориально-экономически самостоятельные подразделения племени, то едва ли можно говорить о том, что подобные этнические общности, иначе говоря племена, основывались на принципе кровного родства⁹. Напротив, преобладающей организационной формой подобного племенного объединения являлись территориальные подразделения.

Обратившись к конкретному материалу, проследим эти закономерности на примере общества нага конца XIX — начала XX в. Такие территориальные объединения хорошо прослеживаются у нага, но это не сельская территориальная община, как думает Б. А. Калягин, и не соседская территориальная община, как полагает С. А. Маретина¹⁰. Эти исследователи в сущности видят в упомянутых ими организациях те более развитые сообщества, которые Маркс назвал земледельческой общиной, освобожденной от тесных уз кровного родства¹¹. Источники же, на которые опираются и Б. А. Калягин и — в отношении нага — С. А. Маретина, несомненно подтверждают существование и полную

⁶ I. Sellnow, Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte, Berlin, 1961, S. 182, 187, f., 371, 416; С. А. Маретина, Община у горных народов Ассамы. В кн. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 30.

⁷ В. М. Бахтa, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество. В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I (далее ПИДО), М., 1968, стр. 268, 269, прим. 5, стр. 314.

⁸ См. также: Л. В. Данилова, Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ, ПИДО, стр. 34.

⁹ I. Sellnow, Указ. раб., стр. 188.

¹⁰ Б. А. Калягин, Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага, «Народы Азии и Африки», М., 1968, стр. 88; С. А. Маретина, Указ. раб., стр. 32.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 403, 419.

функциональную сохранность родовой организации в территориальных деревенских общинах нага в конце XIX и в начале XX в.

Заселение горных областей к юго-востоку от равнины Брахмапутры племенами нага происходило, по преданиям самих нага, из нынешних пограничных районов Нагаленда и Манипура. На первом этапе этого движения, продолжавшегося столетия, в период захвата земель, предки ряда племен нага — ангами, сема, ао, лхота и ренгма — продвинулись из указанной исходной области на север. Причиной полуоседлого образа жизни этих групп была особая форма производства — «кочевое» земледелие.

В начале второго этапа, называемого нами периодом территориально-экономического освоения земли, с переходом к подсечно-огневому земледелию (система *джхум*) совершился также переход к оседлому образу жизни и постоянным поселениям. Возникновение дочерних поселений — при дальнейшем существовании «материнской» деревни — представляло собою внешнее проявление процесса территориально-экономического освоения земли, причиной которого, в конечном счете, был рост населения. Так как население отдельных общин увеличивалось неравномерно, то процесс освоения новых земель начинался у разных племен нага в разное время (у северных коньяк — в середине XIV в., у лхота и сема — лишь в середине XVII в.). А завершился он тогда, когда в той или иной местности вся территория оказывалась полностью разделенной между местными деревенскими общинами. Ко времени установления британского колониального господства этот процесс почти повсюду в горах Нага относился уже к прошлому, только у сема и чанг территориально-экономическое освоение новых земель еще продолжалось¹².

Взаимоотношения нага с раннефеодальными государствами народов долины Брахмапутры (ахомами, качари, ассамцами) и Манипура (мейтхями) не оказали ощутимого влияния на внутреннее развитие общества нага. В продолжение столетий общины пограничных с долиной Брахмапутры областей вели постоянную борьбу с ахомами за сохранение своей политической самостоятельности. По-видимому, экономические связи стали налаживаться лишь в начале XVIII в.¹³ Наоборот, нага Манипура сравнительно рано вступили в интенсивные контакты с более развитыми в общественном отношении мейтхями.

Большинство племен нага, живших на территории современного индийского штата Нагаленд, в течение продолжительного периода географически и политически были как бы изолированы от хода исторического развития этой области Юго-Восточной Азии и сохранили языковое, культурное и этническое своеобразие. Установление власти Британской империи в конце XIX в. не привело к преодолению традиционной замкнутости нага. Более того, британская администрация стремилась использовать традиционную замкнутость нага для политической изоляции этой горной области от остальной Индии. Вместе с тем насильственное усмирение края и введение денежного обращения создали совершенно новую историческую ситуацию. Прежде самобытные хозяйство и общественная структура нага стали развиваться по иному пути.

Традиционное хозяйство нага было основано на земледелии. Единственными орудиями обработки почвы были длинный нож (дао), моты-

¹² I. H. Hutton, *The Sema Nagas*, London, 1921, p. 8; W. Hartwig, *Wirtschaft und Gesellschaftsstruktur der Naga in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts*, «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Berlin, Heft 20, 1969, S. 27; е р о ж е, *Zum Problem der «Feudal Position» des Akekao (Chief) bei den Sema Naga (Indien)*, «Jahrbuch des Museum für Völkerkunde zu Leipzig», Berlin, Bd. 24, 1967, S. 128 f.

¹³ E. A. Gait, *A history of Assam*, London, 1926, p. 77, 79, 97, 168; W. Hartwig, *Wirtschaft...*, S. 41 f.

га и палка-копалка. Большинство племен нага возделывало на расчищенных огнем участках горный рис (система *джхум*), тогда как ангами, восточные ренгма и отдельные, соседящие с ареалами расселения этих групп, деревни сема и западных ренгма, а также чиру возделывали рис на орошаемых террасах (система *паникхет*). Как при подсечно-огневом, так и при террасном земледелии наделы, на которые разделялась вся возделываемая земля деревенской общины, крестьяне обрабатывали всей семьей. При подсечно-огневом земледелии ежегодно обрабатывался новый участок из тех земель, что принадлежали деревне. В организации труда при обеих формах хозяйствования преобладала простая кооперация — взаимная помощь отдельных живших по соседству или родственных семей друг другу. Большую роль при выполнении трудоемких полевых работ играли особые, основанные на системе возрастных групп объединения подростков, которые помогали поочередно каждой семье¹⁴.

Скотоводческое хозяйство, дававшее основную долю мясных продуктов, велось также индивидуально. Содержание и объем ремесленного производства, занимавшего в традиционной хозяйственной жизни нага прочное место, определялись реальными общественными потребностями, наличием природных материалов, трудовым опытом и умением отдельных производителей. Причем лишь ремесленное производство, хотя еще и не ставшее самостоятельным в социальном отношении, давало некоторую продукцию, поступающую в мало развитую сферу обмена.

Освоение новых земель было завершено, однако население продолжало сильно увеличиваться. Общины ангами-нага освоили в течение XVIII в. систему террасного земледелия и благодаря этому оказались в состоянии повысить производительность земледелия на той же площади, одновременно значительно сократив производственный цикл по сравнению с широко распространенной подсечно-огневой системой. Произошло временное или полное высвобождение рабочей силы. Это привело, в свою очередь, к развитию ремесленного производства, к появлению мелких товаропроизводителей и даже торговцев. Тем самым в общинах ангами, а также у тангхул и других племен возникли первые элементы общественного разделения труда, что уже свидетельствовало о начале новой стадии в развитии традиционного хозяйства нага.

Общественная структура нага характеризовалась во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в. сосуществованием двух различных субструктур. Внутри каждого племени сохранялись два типа общественных связей: территориальные и кровнородственные. Таким образом, каждый человек относился всегда к двум четко разграниченным, различающимся в самой своей основе социальным группам. Причем каждая из этих групп представляла собой основную ячейку одной из субструктур общественной системы в целом¹⁵.

К концу XIX в. в горах Нага больше не имелось незаселенных местностей. Все земли были разделены между отдельными общинами нага. Каждая из этих общин претендовала на четко ограниченную территорию, хотя и не всегда отделенную естественными рубежами или специальными пограничными знаками. Границы своей территории, а также границы земель соседней общины были хорошо известны каждому. Об этом свидетельствуют, например, традиционные права отдельных племен на уголья для охоты, собирательства и рыбной ловли. В ис-

¹⁴ W. Hartwig, Feudal position., S. 110—119; I. H. Hutton, The mixed culture of the Naga tribes, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», London, vol. 95, 1965, part I, p. 24.

¹⁵ Ср.: Л. В. Данилова, Указ. раб., стр. 35; O. Lange, Ganzheit und Entwicklung in kybernetischer Sicht, Berlin, 1966, S. 34; Н. А. Бутин, Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты), ПИДО, стр. 110 и сл., 134—143.

следующее время у всех племен нага только деревенские общины были такими четко выделенными коллективами. Более крупные организационные объединения, выходящие за пределы отдельной деревенской общины, основанной на территориальном принципе, в ту эпоху были чужды обществу нага.

У нага было отчетливо выражено сознание принадлежности к своей деревенской общине, жители других деревень воспринимались как чужие. Например, если кто-либо в связи с браком или по иной причине переселялся в другую деревню, то с этого времени он считался чужаком, человеком из другой деревенской общины, хотя родственные связи и сохранялись.

Деревенская община у нага была тем коллективом, в котором жил и трудился каждый отдельный человек, коллективом, который отделял себя в целом и каждого своего члена от посторонних, представлял общие интересы всех своих членов, а в случае необходимости и защищал их. В XIX в. роль деревенской общины как политического и оборонного объединения проявлялась и в создании оборонительных сооружений.

Во второй половине XIX и в начале XX в. политически самостоятельные деревенские общины были одновременно и теми организованными по территориальному принципу объединениями, в рамках которых осуществлялось материальное производство. В деревнях, где практиковалась система джхум, обрабатывалась всегда лишь часть годной для возделывания земли. Эта обрабатываемая в данный момент площадь не была разбросана по всей принадлежащей деревне территории, а в каждом случае составляла единый «земельный блок», который в процессе земледельческих работ превращался в сферу совместной деятельности. И так, в процессе производства основных продовольственных продуктов все крестьяне каждой отдельной деревни при системе джхум применяли один и тот же подсеčno-огневой способ обработки земли. Периодическая смена «земельного блока» при этом производилась также коллективно. В деревнях с системой паникхет, где крестьяне не меняли ежегодно возделываемого участка, а постоянно обрабатывали однажды заложенные на орошаемых террасах поля, менее отчетливо можно было проследить существование единой сферы деятельности. Указанное единство проявлялось здесь не при разработке новых «земельных блоков», а в специфике системы ирригации, заключавшейся в существовании единого плана закладки всех террасовых участков деревни.

Объясняя причины обработки земли единым блоком, некоторые авторы указывали на необходимость обеспечить эффективную защиту полей, а также самих производителей, равно как и на специфику некоторых форм организации труда¹⁶. В действительности же в основе лежала существовавшая у нага система землевладения. В этих формах реализовались вполне определенные производственные отношения внутри общины.

Во второй половине XIX и в начале XX в. земля — основное средство производства у нага — была общей собственностью территориальной деревенской общины. Парцеллярная обработка единого «земельного блока» при джхуме и семейного надела при террасном земледелии, частное присвоение индивидуально произведенных продуктов отдельными хозяйствами данной деревенской общины никоим образом не противоречили условиям общинного землевладения, а лишь характеризовали достигнутую обществом нага стадию исторического развития, которая с точки зрения социально-экономической уже соответствовала земледельческой общине, описанной Марксом. Хотя в деревенских общи-

¹⁶ Н. Е. Kauffmann, *Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma*, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 66, Berlin, 1935, S. 52.

нах нага при обеих системах хозяйствования условия землевладения были принципиально одними и теми же, но при террасном земледелии связь крестьянина с постоянно использовавшимся им участком под орошаемым рисом (благодаря непрерывному вложению одним и тем же семейством личного труда) была все же значительно теснее, чем связь со своим участком тех крестьян-нага, которые занимались подсечно-огневым земледелием и пользовались своими наделами лишь в течение двух лет, а затем забрасывали их на длительное время. Таким образом, более развитому уровню производительных сил в общинах с террасным земледелием соответствовало дальнейшее развитие производственных отношений.

То, что у нага в указанный период деревенские общины являлись территориально-экономическими объединениями, внутри которых реализовались производственные отношения, подчеркивалось существованием внутри каждой деревенской общины своей собственной, хотя и мало развитой системы мер и весов, а также тем, что угоды каждой деревни для охоты, собирательства и рыбной ловли представляли собой общую, не разбитую на мелкие участки сферу деятельности, и тем самым являлись как бы общественной собственностью всех членов данной деревенской общины¹⁷.

Большое количество геппа (запретов), которые соблюдались всегда и всеми жителями данной деревни, относящихся к религиозно-магическому воздействию на результаты производительной деятельности (например, к сбору урожая, или к оберегу общины от всяких превратностей), говорит о том, что и в отношении традиционной обрядовой жизни деревенская община представляла собою основную организационную ячейку нага.

Взаимоотношения с другими сельскими общинами в этих условиях были отношениями между равными и основывались на принципе взаимности. Даже тогда, когда небольшая деревня, чтобы уменьшить опасность нападений со стороны охотников за головами, «становилась под защиту» более сильной общины¹⁸, эти междеревенские отношения никогда не приобретали характера особого социального института. Общество нага в то время не знало никакой политической организации, выходящей за пределы деревенской общины, а следовательно, не имело и каких-либо органов, пекущихся об интересах нескольких деревенских общин.

Наряду со сходом в качестве органов управления деревенской общины действовали деревенский совет и староста. Ведению деревенского совета подлежали как взаимоотношения с другими общинами, так и регулирование важных внутридеревенских хозяйственных дел: ежегодный выбор «земельного блока», подлежащего обработке, организация совместных работ, расследование и улаживание всякого рода споров и т. д. Особых исполнительных органов не было. Исполнительные функции возлагались большей частью на старост или же на все население деревни. Штрафы натурой за незначительные проступки шли обычно в пользу коллективов, выносивших приговор¹⁹.

Различные функции были прерогативой определенных лиц. Ими в деревенской общине были староста и распорядитель по обрядам.

¹⁷ I. P. Mills, *The Lhota Nagas*, London, 1922, p. 228; его же, *As Nagas*, London, 1926, p. 399; C. Fürer-Haimendorf, *Das Gemeinschaftsleben der Konyak Naga von Assam*, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. 71, 1941, S. 94.

¹⁸ C. Fürer-Haimendorf, *The Morung System of the Konyak Nagas of Assam*, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», London, vol. 68, 1938, p. 367.

¹⁹ C. Fürer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 94; W. C. Smith, *The Ao Naga Tribe of Assam*, London, 1925, p. 61.

В наиболее динамичные периоды, в особенности в период территориально-экономического освоения земли, должность старосты имела особенно большое значение. Позднее, по мере укрепления новой общины, его роль функционально несколько изменилась. Одновременно происходило превращение вначале непрочно спаянной группы совещающихся мужчин в постоянный деревенский совет. В более развитых в социально-экономическом отношении общинах ангами, восточных ренгма, тангхул и кабуи староста выделялся уже не своим происхождением от «основателя деревни», а благодаря уважению, которым он пользовался.

Во второй половине XIX и в начале XX в. всем без исключения селениям нага было присуще территориальное деление на так называемые *кхели*. Они представляли собой объединения неопределенного числа домов и обычно между ними существовали традиционные границы: это могла быть или просто полоса незанятой земли, или настоящее укрепление. По некоторым сообщениям, в 1930-е годы эти территориальные подразделения внутри деревень ангами-нага имели тенденцию к делокализации²⁰.

Значение кхеля заключалось не столько в территориальном расчленении поселений, сколько в том, что кхель был местом жительства определенной группы людей, связанной социально-экономическими взаимоотношениями. Каждая такая группа, иногда включавшая до двухсот семей, составляла объединение, возникновение которого в каждом отдельном случае являлось следствием определенных исторических событий. Число кхелей в отдельных селениях было неодинаковым: их могло быть два или пять, а в одном случае их было девять.

Несмотря на «соперничество» между кхелями, которое иногда переходило даже в кровопролитные стычки, и существование особых взаимоотношений между отдельными кхелями одного селения и кхелями других селений, кхели не были территориально, политически или экономически самостоятельными организационными ячейками, а были как бы прочно впаянными в деревенскую общину подчиненными элементами территориальной субструктуры общества нага. Взаимоотношения между кхелями одной деревни как бы регулировались теми нормами, которые способствовали сплочению и тем самым существованию деревенской общины²¹.

Принадлежность к определенному кхелю обеспечивала мужчине и его семье право селиться на территории данного кхеля, соорудить там собственный дом; проживание же на территории кхеля, в свою очередь, свидетельствовало о принадлежности к соответствующему кхелю. При таких условиях смена кхеля, между членами которого, особенно в области материального производства, существовали тесные взаимосвязи, должна была в принципе быть связана с переносом дома в другой кхель. Так обстояло дело в двадцатых — тридцатых годах нашего века у ангами. За «тенденцией делокализации» кхелей скрывалось, по сути дела, стремление сохранить определенные обрядовые связи, имея в то же время право принадлежать к другому кхелю. Однако основные экономические, а частично и политические связи реализовались по-прежнему на базе и в рамках того кхеля, где эти лица проживали. Следовательно, не «тенденция к делокализации» кхелей характеризовала в те годы развитие деревенских общин ангами, а дальнейший ход дифференциации некогда менее расчлененных общественных отношений. Принцип территориальной организации концентрировался теперь в социально-экономической области, но утрачивал свое прежнее значение в области обрядовой жизни.

²⁰ H. E. Kauffmann, Weiderecht bei den Naga, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, Bd. 75, 1950, S. 74.

²¹ C. Fürer-Haimendorf, Gemeinschaftsleben..., S. 90; его же, Morung System..., p. 372; I. H. Hutton, The Angami Nagas, London, 1921, p. 109.

В общинах ао, коньяк, тангхул и, возможно, также сангтам деревенские советы состояли из представителей отдельных кхелей. Такими представителями были предводители кхелей, функции которых у разных племен и в разных селениях (например, у коньяк) могли быть различными. У сема, кальо-кенгья, чанг и ангами также существовали предводители кхелей, и только в деревенских общинах ао-нага имелись особые советы кхелей.

Во второй половине XIX и в первые годы XX в. самым значительным институтом внутри кхеля был *морунг* — «дом молодых мужчин». Здесь коллективно воспитывалось подрастающее мужское поколение кхеля осуществлялось его постепенное включение в общество взрослых мужчин. Связанное с этим формирование возрастных групп мальчиков и юношей которые затем жили именно в морунге, создало предпосылки для возникновения оборонительных отрядов, служивших всей деревенской общине а также предпосылки для возникновения определенных форм организации труда в низовых хозяйственных объединениях. С той же целью постепенного включения в сообщество взрослых мужчин нередко внутри кхеля подрастающее поколение девочек и девушек разделялось на подобные возрастные группы²².

С конца прошлого столетия институт морунга претерпел у ряда племен известные изменения, которые никоим образом не были следствием «усиления института предводителей», как предполагает К. Фюрер-Хаймendorф²³, а имели конкретные исторические причины. С установлением британского колониального господства и запретом охоты за головами постепенно отпала необходимость постоянной боевой готовности, а вместе с ней и необходимость поддерживать оборонные сооружения и военную организацию. Это подорвало институт морунга.

Сокращение традиционных задач морунга имело в отдельных общинах неодинаковые результаты. В деревнях тхенкох-коньяк, лхота, ао ренгма и чиру морунг приспособился к новым условиям и в двадцатых — тридцатых годах нашего века основной его задачей стало приобщение молодежи к хозяйственной жизни кхелей²⁴. В противоположность этому в деревнях сангтам, чанг, сема, ангами, марам и кабуи вместе с военной организацией был отброшен и сам институт морунга.

Воспитательные и организационные задачи, которые когда-то были связаны с морунгом, разрешались отныне другими учреждениями деревенской общины в целом или отдельного кхеля. Однако из-за того что исследователи обычно занимались проблемами исторического преобразования института морунга только в связи с использовавшимися им домами, процессу распада этого когда-то самого значительного внутри кхеля института почти не уделялось внимания.

Структура родства у нага в конце XIX и начале XX в. покоилась на патрилинейных родственных группах, которые в этнографической литературе, посвященной этому народу, принято называть кланами. Принадлежность к клану отца определялась, как правило, рождением. У коньяк, лхота, ангами и западных ренгма известны случаи усыновления, однако следует отметить, что усыновлялись всегда еще несовершеннолетние мальчики²⁵.

В деревнях коньяк, а также ангами нередко встречались семьи, главы которых или их предки перешли из других деревень. Переселившиеся семьи обосновывались в каком-либо кхеле деревни, жили и работали

²² C. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 26; I. P. Mills, *The Ao Nagas*, p. 177.

²³ C. Furer-Haimendorf, *Das Junggesellenhaus im westlichen Hinterindien, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Jg. I, 1930, S. 346.*

²⁴ G. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 23; I. P. Mills, *The Lhota Nagas*, p. 24; его же, *The Rengma Nagas*, London, 1937, pp. 49, 50.

²⁵ C. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 84; I. H. Hutton, *The Angami Nagas*, p. 119.

в нем и являлись равноправными членами деревенской общины. Однако включение такой семьи в территориальную организацию данной общины, которое завершилось ее поселением в одном из кхелей деревни, еще не было равнозначно ее включению в субструктурную группу данной деревенской общины, организованную по принципу родства. Глава переселившейся семьи мог присоединиться к одному из кланов, входящих в кхель, объявив новым «сородичам» о своем желании. С этого времени он считался принадлежащим к этому клану. Следует отметить, что его дети считались принадлежащим к клану уже по праву рождения. В кругу сородичей человек, принадлежность которого к этому клану основывалась на волеизъявлении или на усыновлении, в принципе был равноправным, но на протяжении всей своей жизни он все же не считался настоящим родственником по крови. Это обнаруживалось, например, в том, что родовая экзогамия для него не была обязательной, но зато неукоснительно должна была соблюдаться теми, кто принадлежал к клану по рождению²⁶.

Благодаря экзогамии наиболее существенными связями между кланами — этими основными ячейками кровнородственной структуры — были брачные связи. Часто два или несколько кланов считались родственными друг другу, а так как браки между членами таких кланов также были запрещены, то эти «родственные» кланы составляли более широкие экзогамные объединения. Подобными объединениями второй степени были группы кланов (фратрии) ао, лхота и ренгма, а также кхели некоторых деревень коньяк, мао (меми) и ангами. Наконец, существовали также отдельные экзогамные объединения третьей степени в виде двух или нескольких «родственных» кхелей²⁷.

Если рассматривать субструктуру по родству формально, вне системы общественных отношений в целом, то ей, по-видимому, присуща тенденция к постепенному перемещению экзогамного запрета на более «молодые» объединения²⁸. В действительности же за этой тенденцией скрывалось более или менее сознательное стремление учесть изменения в территориальных субструктурных ячейках и в составе некогда основных ячеек кровнородственной субструктуры, чтобы тем самым сохранить структуру в целом.

Возникавшие новые патрилинейные родственные группы в конце концов образовывали экзогамные объединения первой степени, т. е. новые кланы. В то же время прежние кланы, возможно, еще некоторое время функционировали в качестве экзогамных объединений второй или третьей степени, но утрачивали свое значение основных ячеек родовой структуры.

Неоднократно упоминая племена нага, мы имели в виду этнические общности: группы людей, которые говорили на общем диалекте или, по крайней мере, на родственных диалектах, которые совместно владели определенной территорией, культура которых носила общие черты и которые разделялись на кланы. Но этническую общность следует рассматривать также как структурную форму, как форму развития общественной жизни.

Продолжавшийся в течение трех столетий процесс территориально-экономического освоения новых земель привел к серьезным этническим сдвигам у нага, к разрыву некогда единых племенных территорий и образованию новых этнических общностей. При этом, естественно, происходили заимствования в области языка, материальной и духовной культуры. Однако новые общины возникали в тот период все же на основе структурных принципов, существовавших в «материнских» общинах.

²⁶ S. Mills, *The Ao Nagas*, p. 162.

²⁷ S. Mills, *The Ao Nagas*, pp. 13—27; его же, *The Lhota Nagas*, p. 88; его же, *Rengma Nagas*, pp. 11—15; I. H. Hutton, *The Angami Nagas*, p. 116.

²⁸ I. H. Hutton, *Mixed Culture...*, p. 20; S. Mills, *The Lhota Nagas*, p. 87.

Сравнительно медленно развивавшиеся производительные силы еще не приводили к качественному изменению производственных отношений. Такие самодовлеющие, по выражению К. Маркса, общины, характеризующиеся простотой производственного механизма, могли воспроизводить себя в одной и той же форме²⁹.

Производственные отношения во всех общинах нага — безразлично, шла ли речь об общинах, занимавшихся земледелием по системе джхум или паникхет и принадлежавших к различным племенам, — носили в принципе один и тот же характер. Следовательно, лишь экономическая субструктура, равно как и изолированно рассматриваемая кровнородственная субструктура, не могут дать ключа к анализу племенного строя нага. Причины этого, по-видимому, следует искать в тесном взаимопроникновении субструктур и их элементов во всей системе общественных отношений у нага.

Хотя вновь возникавшие коллективы в каких-то отношениях отличались от своих «материнских» деревень, но с созданием нового поселения не возникали принципиально новые общественные отношения. Сознательной целью каждой более или менее крупной группы, осваивавшей новые территории, если она хотела устоять против других уже существовавших общин, было создание такого коллектива, который должен был со временем развиться в замкнутую, самостоятельную в территориальном, политическом, экономическом и обрядовом отношении деревенскую общину.

Так как для общественных отношений внутри деревенских общин, превращавшихся в период территориально-экономического освоения новых земель в «материнские» деревни, было характерно наличие экзогамных патрилинейных родственных групп, то логично заключить, что в основании новой деревни должны были участвовать члены по крайней мере двух кланов, чтобы новый коллектив мог стать самостоятельным также и в отношении возможности заключения браков и мог отделиться от «материнской» деревни³⁰. Существовавшие у всех племен нага экзогамные запреты следует рассматривать как регуляторы, присущие данной системе общественных отношений, функция которых заключалась в том, чтобы сохранить данную общественную структуру в случае исторически обусловленных количественных изменений в элементах данной системы.

В первые десятилетия существования новых деревенских общин сохранялись еще реальные родственные связи с членами и родственными объединениями «материнских» или «сестринских» деревень. С течением времени эти связи ослабевали, и кланы ставших самостоятельными в территориальном, политическом, экономическом и обрядовом отношении новых деревенских общин начинали включать лишь тех членов «материнских» кланов, которые жили в одной и той же деревне или кхеле. Имеющийся материал относительно сема-нага особенно наглядно подтверждает связь людей именно с территориальными объединениями: мужчина и женщина, формально принадлежащие к одному и тому же клану, могут вступить в брак, если они ведут свое происхождение из различных деревень и если не имеют на протяжении пяти поколений общего предка по отцовской линии³¹. Несомненно, разрыв родственных связей по отцовской линии с отдельными членами и коллективами других деревенских общин немало способствовал сплочению новых деревенских общин.

Процесс встраивания кланов в деревенскую общину исторически прослеживается в традиционном признании связи между наследственным

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 371.

³⁰ W. Hartwig, Zum Problem der «Feudal Position»..., S. 108 f., Anm. 131.

³¹ I. H. Hutton, The Sema Nagas, p. 130.

положением главы клана и местом, на котором при основании деревни предок клана соорудил свой жилой дом. В начале нашего столетия, однако, эта связь, превратившаяся со временем, по-видимому, в общепринятую правовую норму, сохранилась только там, где статус главы определенного клана по традиции совпадал с должностями в деревенских общинах или кхелях.

В случае смерти главы клана его должность переходила к следующему по возрасту сородичу мужчине. Так как при этом кланы основателей деревни не составляли исключения, то в случае смерти прямых потомков обоих основателей деревни как функции распорядителя по обрядам, так и функции старосты переходили к старшему в данное время сородичу. Благодаря этому функции старосты деревенской общины (института, организованного по территориальному принципу) в конце XIX и в начале XX в. были уже в течение многих поколений, а подчас со времени основания данной общины связаны с определенными кланами.

Еще отчетливее обнаруживалась связь институтов деревенской общины и кхеля с основными ячейками родовой организации в деревенских советах и советах кхелей. У племен сема, ао, чанг, западных ренгма и, возможно, также у сангам в исследуемое время каждый существующий в деревне или кхеле клан имел свое место и свой голос в совете и был в нем представлен своим предводителем³².

Общины, возникавшие в период территориально-экономического освоения новых земель, быстро превращались в самостоятельные территориальные объединения. Однако уже с самого момента основания новых деревень организационные ячейки, основанные на родственном принципе, независимо от их количественного состава, были вполне готовы для выполнения своих функций. Поэтому представители именно этих родовых организационных единиц в период консолидации новых коллективов помогали старосте своими советами. Когда эти, вначале слабо сплоченные, органы в конце концов превращались в прочный институт — деревенский совет — предводители отдельных кланов участвовали в управлении в качестве членов совета. В начале XX в. у большинства указанных выше племен сохранялось именно такое положение.

Как уже указывалось выше, в исследуемый период для общества нага было характерно сосуществование двух субструктур в пределах каждого племени. Своеобразие племенной структуры отдельных этнических общностей нага в конце XIX и в начале XX в. определялось тем, каким образом элементы одной субструктуры были связаны с элементами другой, и, в особенности, каким образом политические учреждения территориальных ячеек племени были переплетены с родовыми объединениями.

В сельских общинах ангами, нага Манипура, восточных ренгма и лхота к началу XX в. влияние кровнородственных организаций на общинное управление постепенно исчезало. В самых важных политических учреждениях сидели наиболее уважаемые люди деревни. Посредством превратившегося в настоящую систему института особых празднеств, ставших главной формой общественного использования индивидуально произведенного и частным образом присвоенного прибавочного продукта, различным людям удавалось приобрести высокую степень социального уважения в своих деревенских общинах. Они получали право голоса в совете, а затем и возможность влиять на судьбы общины.

Основой этого процесса в освобождения политических учреждений деревенской общины от сильных, но тесных уз кровного родства было развитие производственных отношений, которые у всех племен нага характеризовались общей собственностью на основное средство произ-

³² W. Hartwig, Wirtschaft..., S. 137.

водства — землю, парцеллярным характером ее обработки и частным присвоением продуктов, индивидуально произведенных отдельными хозяйствами.

Родственная организация в деревенских общинах ангами и нага Манипура в течение XIX в., очевидно, уже утратила свое влияние на внутриобщинное управление и должна была ограничиться своей специфической сферой. Такие общины окончательно освободились от родовых ую и превратились в земледельческие общины. Развитие их сдерживалось бесклассовым общественным строем³³, но в силу присущего им дуализма они стояли уже на пороге раннеклассового общества. Установление британского колониального господства в последней трети XIX в. положило конец динамичному развитию общества нага, но в то же время стимулировало развитие уже зарождавшихся классовых противоречий.

SOME PROBLEMS PERTAINING TO THE SOCIAL STRUCTURE OF THE NAGA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

Some problems of social structure of the Naga inhabiting the Burma-India frontier region are considered in the article. The extremely complex network of blood kinship and territorial links are analyzed on factual material both under conditions of terrace irrigation (the *panikhet* system) and those of slash-and-burn agriculture (the *jhum* system).

³³ Закон экзогамии, правда, все еще действовал как важнейший регулятор брака, однако он уже утратил свою прежнюю охранную для системы функцию благодаря качественным изменениям во взаимоотношениях элементов обеих общественных структур.

В. Ф. Горленко

К ВОПРОСУ УНИФИКАЦИИ НОМЕНКЛАТУРЫ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

(УКРАИНСКИЙ ПЛУГ И СОХА)

Вопросы народной агротехники издавна привлекали к себе внимание этнографов. Украина не была в этом отношении исключением, хотя в украинской этнографии тема народной земледельческой техники до сих пор разрабатывалась меньше, чем другие разделы материальной культуры. В последнее время в связи с составлением историко-этнографических атласов, особенно «Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии»¹, разработка этой темы на Украине активизировалась. Как свидетельствует исследование разнообразных источников по земледельческой технике, в том числе письменных, за одними и теми же типами орудий, в особенности пахотных, утвердились различные названия.

Разнобой в терминологии приводит нередко к путанице, затрудняет изучение процессов развития народной земледельческой техники. Обратимся к примерам. Получившее наибольшее распространение название традиционного крестьянского плуга² — «малороссийский», было, по-видимому, введено в научный обиход А. Гюльденштедтом, который совершил в 1774 г. экспедиционную поездку по тогдашним русским территориям Украины, относившимся к России, и составил уникальное описание плугов и кос, «встречающихся в Малороссии»³. Появление термина «малороссийский плуг» в работах А. Гюльденштедта связано с тем, что Левобережная Украина, территория бывшего гетманства, официально называлась в дореволюционной России Малороссией.

Этот термин, однако, нельзя признать удачным уже хотя бы потому, что подобный плуг был распространен не только в Малороссии, но и в других украинских землях (в Новороссии, на Подолии, в Галиции и т. д.), т. е. был явлением общеукраинским. В конце XVIII в. и позже украинские авторы называли это орудие просто «плугом»⁴, или крестьянским «самодельным плугом», а позже, когда термин «малороссийский плуг» все же распространился в русской этнографической и экономической литературе, употребляли его, как правило, с оговоркой — «так называемый малороссийский плуг».

¹ См. К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко, Работа над историко-этнографическим атласом на Украине, «Сов. этнография», 1967, № 1.

² Имеется в виду употреблявшийся украинским крестьянством вплоть до второй половины XIX в. тяжелый плуг на колесном передку («колишне»), в котором железными были «леміш» и «чересло», а остальные части — деревянными.

³ «Описание некоторых в Малой России употребительных плугов», «Технологический журнал», т. I, ч. II, СПб., 1804.

⁴ А. Шафонский, Черниговского наместничества топографическое описание, Киев, 1851; Ф. Волков, Этнографические особенности украинского народа, «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916.

Но и в русской литературе XIX в. для этого типа пахотного орудия наряду с термином «малороссийский» появляется ряд других. Фрибе, предпринявший в начале XIX в. первую попытку классификации пахотных орудий народов Европейской части России, понимая, по-видимому, неточность термина «малороссийский», употреблял больше по отношению к рассматриваемому орудию термин «украинский плуг»⁵.

Такой же термин принял позже и Д. К. Зеленин, классифицируя восточнославянские пахотные орудия в своей известной работе «Русская соха, её история и виды»⁶.

С середины XIX в. внимание многих исследователей привлекает к себе юг Украины, называвшийся тогда «Новороссией». В этнографической и сельскохозяйственной литературе начинают употреблять в это время по отношению к местному крестьянскому плугу термин «новороссийский», хотя по существу это был тот же традиционный украинский плуг⁷.

В «Трудах Вольного экономического общества», в «Земледельческой газете», «Записках Общества сельского хозяйства Южной России» и других изданиях XIX в. украинский традиционный плуг выступает иногда также под термином «сабан». Так, в статье «Два слова о плуге и сохе», помещенной в «Земледельческой газете», читаем: «В Малороссии сохи нет, а есть сабан, который также представляет собой дешевое, чисто местное орудие, и тем не менее этот неуклюжий абorigine, скрипя своими тележными колесами, быстро исчезает на наших глазах, уступая место прочному, легкому заграничному пришельцу, сакковскому плугу и другим более или менее совершенным плужкам русского производства»⁸. Как видим, термин «сабан» употребляется для обозначения «чисто местного орудия», т. е. того же традиционного украинского плуга. В. Горячкин плуг «юга Украины» называет «степным»⁹. Сами крестьяне в центральных районах Украины именovali рассматриваемое орудие просто «плуг», а с конца XIX — начала XX в. (с целью отличия от входивших в употребление железных фабричных плугов) — «деревянный плуг». В районе Карпат и Закарпатья, где традиционный украинский плуг бытовал рядом с плугом других народов, крестьяне четко отличали его и, стремясь подчеркнуть национальную принадлежность, называли «руським»¹⁰, поскольку и себя по традиции, идущей еще со времен Древней Руси, считали «Русью», «людьми руськими» или «русинами». На Измаильщине крестьяне иногда употребляют по отношению к этому виду пахотного орудия термин «дабан», это, вероятно, видоизмененное слово «сабан», заимствованное от татар или других тюркоязычных народов. В дореволюционной русской и украинской этнографической литературе традиционный украинский плуг фигурирует под различными названиями: просто «плуг», «крестьянский плуг», «малороссийский», «новороссийский», «украинский», «степной», «сабан» и др.

В современной украинской этнографической и исторической литературе особенно популярным стал народный термин «деревянный плуг»,

⁵ Фрибе, Описание плугов, ныне в России употребляемых, «Труды Вольного экономического общества», ч. X, 1808, стр. 265.

⁶ «Русская соха, ее история и виды», «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г.», Вятка, 1908, стр. 12.

⁷ См., например, статью «Сельское хозяйство», «Земледельческая газета», 1859, № 23.

⁸ «Земледельческая газета», 1896, № 17, стр. 377—378; См. также «Земледельческая газета», 1895, № 37, стр. 780.

⁹ В. Горячкин, Очерки сельскохозяйственных машин и орудий, вып. II, «Плуги», СПб., 1906, стр. 77, 89.

¹⁰ Термин «руський» не следует смешивать с термином «русский», хотя традиционный украинский плуг выступал и под таким названием. См. например: А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853.

«деревянный с железными частями плуг», или просто «плуг с железным лемехом». Некоторые авторы и теперь склонны называть традиционный украинский плуг «степным». В историко-этнографическом атласе «Русские» об этом плуге говорится как о «малороссийском», «тяжелом», или просто «украинском» с указанием всех ранее употреблявшихся названий¹¹.

Терминологическая путаница в отношении традиционного украинского плуга усугубляется еще и тем, что в научной литературе аналогично называется ряд более поздних его модификаций, а также ряд марок совсем иных, заводских плугов. Так, «украинским» плугом официально называлась одна из марок фабричного плуга, выпускавшегося в конце XIX в. заводом В. Менцеля в Белой Церкви. У Н. А. Демченко — исследователя земледельческих орудий молдаван — «украинским» назван более легкий по сравнению с малороссийским плуг, употреблявшийся, по его мнению, для обработки «старопахотных» почв¹².

Термином «степной» В. Горячкин обозначает, наряду с традиционным, более поздние разновидности плуга и даже фабричные орудия. «Плуги с русским передком (степные), — читаем у него, — были выработаны по типу первобытного орудия — сабана в применении к своеобразным условиям наших степных хозяйств...». Под одним и тем же названием выступают плуги с «полувинтовой формой отвала», с усовершенствованным передком, имеющим «одну цепь, позаимствованную также у сабана» и пр.¹³. «Степным» назывался также плуг марки «N5» Соновской мастерской, снабженный так называемым колониетским отвалом и рычагом, т. е. более поздний усовершенствованный плуг.

«Новороссийским» в литературе, кроме традиционных украинских, назывались также фабричные плуги с «русским передком»: стойка у них была неподвижной и глубина пахоты регулировалась перестановкой колес¹⁴. Существовала определенная марка фабричного плуга «НР», носящего название «Новороссийского»¹⁵.

Не меньший разнобой в терминологии наблюдается и в отношении сохи, которая в прошлом была основным пахотным орудием в Полесье и в ряде районов Левобережной Украины. Так, употреблявшаяся в северных районах Черниговского Полесья и на Левобережье Украины передковая двузубая соха с перекладной или неподвижной полицей, в которую запрягалась лошадь в оглобли (обжи), известна в литературе под термином «московка», «русская», «односторонка», «плашка»¹⁶. Сами крестьяне называли ее либо просто «сохой», «плашкой», либо «одноконкой», «лопатковой сохой» и пр.

Другой тип сохи — преимущественно передковая соха с двумя полицями — была распространена на остальной территории украинского, белорусского и польского Полесья. Ей присвоено много названий: «литовка», «полесская», «украинская», «двупалицевая», «подляская», и т. п. Сами же крестьяне на Украине чаще всего именовали ее «сохой-рогачом» или просто «рогачом».

Как известно, еще Д. К. Зеленин указывал на неточность термина «литовка», так как собственно для литовцев этот тип сохи не характерен¹⁷. Л. А. Молчанова предлагает назвать эту соху «полесской»¹⁸.

¹¹ «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967, стр. 50—51.

¹² Н. Демченко, Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX вв., Кишинев, 1967, стр. 60.

¹³ В. Горячкин, Указ. раб., стр. 89.

¹⁴ Там же, стр. 83.

¹⁵ См. «Земледельческие машины в России в 1883 г.», «Земледельческая газета», 1883, № 47.

¹⁶ А. А. Русов, Описание Черниговской губернии, т. I, Чернигов, 1898.

¹⁷ Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г.», Вятка, 1908, разд. IV, стр. 55.

¹⁸ Л. А. Молчанова, Материальная культура белорусов, Минск, 1968, стр. 16.

Между тем, исследовательница литовских земледельческих орудий П. В. Дундулене находит в Литве глубокие генеалогические корни этого сельскохозяйственного орудия и считает термин «литовка» вполне обоснованным. Не вдаваясь в существо расхождений по данному конкретному вопросу, мы указываем на него, как на еще одно свидетельство отсутствия единой научной номенклатуры земледельческих орудий в советской этнографической науке. Авторы историко-этнографического атласа «Русские» параллельно с классификацией русских плугов провели работу по упорядочению их номенклатуры. Сохи подразделены на «односторонки» и «двусторонки» и т. п. Вместе с тем легенды к таблице XVI — «Плуги и сабаны», рис. 1 — «степной плуг (сабан)», рис. 5 — «деревянный плуг» Кубанской области и др. свидетельствуют о том, что для унификации названий сделано далеко не всё. Терминологические неточности значительно усложняют восприятие содержащегося в атласе материала. Особенно большая терминологическая пестрота в отношении земледельческих орудий характерна, на наш взгляд, для Кавказа и Закавказья.

Разнобой в названиях затрудняет разработку единой научной терминологии земледельческих орудий, может сказаться на качестве их картографирования при составлении региональных, общесоюзного и общевсероссийского атласов.

Терминологическая пестрота характерна и для других элементов материальной культуры, например для жилища. Поэтому настоятельно необходимо упорядочить и унифицировать научную номенклатуру для жилища и двора в масштабах Европейской части СССР, а в дальнейшем и по всей стране. Целесообразно провести на местах совещания по этому вопросу. Что касается упорядочения номенклатуры земледельческих орудий, то весьма полезно было бы подготовить в этнографических центрах отдельных республик сводные таблицы (с иллюстрациями) местных типов и разновидностей орудий и предложить к ним наименования. Составление и обсуждение таких таблиц позволило бы достаточно быстро договориться о единой номенклатуре земледельческих орудий всей Европейской части СССР или отдельных регионов.

На Украине уже предпринята подобная попытка, что позволяет нам высказать некоторые принципиальные соображения по этому вопросу. Разработка научной номенклатуры земледельческих орудий неразрывно связана с их четкой классификацией. Эти две задачи нужно решать параллельно.

Желательным было бы положить в основу отбора названий какой-то единый определяющий момент: конструкцию орудия, этнический или территориальный принцип. Однако на практике это вряд ли окажется всегда возможным.

Разработка типологии орудий и их научной номенклатуры — две различные задачи. Наличие типологии помогает, прежде всего, сгруппировать явления по сходным признакам. Название же дается для того, чтобы отличить одно явление от другого. Поэтому если при разработке типологии следует исходить только из назначения орудия, которое проявляется прежде всего в его конструкции, то при создании номенклатуры орудия допустимы отступления от этого правила: наряду с названиями типов орудий по конструктивному признаку возможны названия по территориальному или этническому признакам. При этом предпочтительно сохранить уже бытующий, утвердившийся в литературе или народном термин, уточнив или ограничив его приложение конкретным типом орудия.

Поскольку объектом этнографии является изучение этнических особенностей, выявление их национальной специфики, весьма полезно сохранить названия орудий по этническому признаку, если национальная при-

надлежность данного орудия не вызывает сомнений¹⁹. Такой термин сразу дает в руки исследователю готовые исходные данные. На наш взгляд, нецелесообразно, чтобы в основу названия был положен материал, из которого изготовлено орудие. К тому же в переходных типах орудий сочетаются в большей или меньшей степени в различное время оба материала. Так, в украинском традиционном плуге середины XIX в. железными были только «лемиш» и «чересло». К концу XIX в. железным стал и отвал, а в начале XX в. и основа, «чепиги», ось передка и шины колес. Деревянными оставались только грядиль, колеса да ручки на «чепигах». Эти изменения привели к расхождению в названии данного типа плуга в работах А. С. Бежковича и М. П. Ковальского. Последний, придерживаясь народной терминологии, употребил название «деревянный» и по отношению к плугу начала XX в.²⁰ А. С. Бежкович справедливо полагает, что модифицированный украинский плуг начала XX в. надо называть скорее «железный с деревянными частями».

Мы видим, что далеко не всегда при разработке научной номенклатуры можно использовать народные названия, хотя это и заманчиво.

Украинские ученые предприняли попытку выработать единые названия для отдельных типов плугов. Деревянный с железным лемехом и череслом традиционный плуг украинского крестьянства предлагается называть «традиционный украинский плуг». Все вышеперечисленные термины из-за своей многозначности или неопределенности (украинский, новороссийский, степной, сабан, деревянный плуг с железным лемехом и др.) не могут считаться удачными. Более поздние народные модификации этого типа плуга (конструктивные изменения, замена деревянных частей железными) можно было бы объединить под названием «модифицированный традиционный украинский плуг».

Для обозначения заводских плугов, тягловой силой для которых служили волы и лошади, целесообразно употреблять слово «фабричный», добавляя, если это возможно, марку фабрики. Например, фабричный «новороссийский» («НР»), фабричный «колонистский» («КЛ»), фабричный «южнорусский» («ЮР») и т. д. Традиционное для этнографической литературы выражение «фабричный», хотя оно по существу неточно, так как плуги выпускались не фабриками, а заводами, дает возможность, однако, отличить устаревшие марки плугов на мускульной тяге от новейших марок также заводских, тракторных плугов, появившихся в советское время.

Предложенная номенклатура предварительна и является лишь началом работы по унификации названий земледельческих орудий украинцев.

Можно надеяться, что создание единой научной этнографической номенклатуры поможет выработать единую методику агроэтнографии.

TOWARDS THE PROBLEM OF A UNIFIED NOMENCLATURE FOR TILLAGE IMPLEMENTS (THE UKRAINIAN PLOUGH AND SOKHA)

The author notes divergences in the names by which the Ukrainian plough and the *sokha* (archaic wooden plough) are designated in ethnographical works on problems of folk agricultural techniques. The unification of the nomenclature of tillage implements will promote their better mapping in regional, all-Union and all-European atlases.

¹⁹ Нельзя согласиться с мнением Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова (см. их статью «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», «Сов. этнография», 1967, № 1), будто земледельческие орудия лишены этнической специфики.

²⁰ М. П. Ковальський, Поширення тяглових знарядь обробітку ґрунту в селянських господарствах Волині на початку XX ст., «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», вип. VII—VIII, Київ, 1963.

О БЕЗРЕЛИГИОЗНОСТИ
ПЕРВОБЫТНОЙ МАГИИ

Проблема первобытной магии еще ждет своего решения². В магии видят одну из архаических форм религии³. Широко распространено мнение, что все содержание магии относится к области религии⁴. Недавняя дискуссия на страницах журнала «Current Anthropology»⁵ показала, что исследователи, которые изучают магию, понимают под ней иррациональные действия, распадающиеся на две разные группы: первая внешне не имеет признаков религии (группа А), вторая, хотя и сходна с первой, но имеет признаки религии (группа Б). Известно, что религия — это действия и настроения людей, связанные с тем, что они убеждены в существовании духа, бога — «...нечто *вне природы* и, притом, *производящее природу*»⁶.

Примером действий группы А, известным во многих странах, является пахота реки с целью прекращения засухи⁷. Сходным с этим действием примером, относящимся к группе Б, является бросание в реку священника — носителя «божьей благодати» с целью прекращения засухи. Во всех религиях сохраняются действия группы Б, санкционированные догмами и традициями (причащение и осенение крестом у христиан, обряд бармицве у иудаистов, просительная поза во время намаза у мусульман, кручение молитвенных барабанов у ламаистов и т. д.)⁸. Борясь против религии, доказывая, что религиозный ритуал генетически связан с действиями группы А, ученый должен в то же время учитывать, что действия группы А не имеют признаков религии. Дж. Фрэзер полагал¹⁰, что магия безрелигиозна, и считал, что в магии есть представления о «безличной магической силе, которая управляет всем»¹¹, в то время как в религии есть представление о духе-боге, имеющем черты личности (сознание, воля, облик). Наши опросы не подтверждают гипотезы о безличной магической силе. Да и сам Фрэзер отмечал, что тот, кто совершает магические действия (группы А), «нимало не задумывается над анализом логического процесса, на котором основана его практика»¹². Безличная магическая сила по этой гипотезе по существу не отличается

¹ Автор выражает глубокую благодарность покойному В. Н. Чернецову и С. А. Токареву за помощь в работе над данной статьей.

² А. Д. Сухов, Философские проблемы происхождения религии, М., 1967, стр. 171.

³ Ю. А. Талалаев, О происхождении некоторых магических обрядов, сб. «Некоторые вопросы всеобщей истории», Ростов-на-Дону, 1967, стр. 127, 142, 151.

⁴ А. Д. Сухов, Указ. раб., стр. 171.

⁵ M. and R. Wax, The notions of magic «Current Anthropology», 1963, ol. 4, № 5.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 240.

⁷ С. А. Токарев, Сущность и происхождение магии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 51, М., 1959, стр. 68.

⁸ Там же.

⁹ См. E. Dardel, De la magie à l'histoire, «Revue d'histoire et de philosophie religieuses», 1967, № 1.

¹⁰ Дж. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. I, М.—Л., 1931.

¹¹ Там же, стр. 67.

¹² Там же.

Обсуждение других проблем, касающихся магии (закономерные черты, возникновение действий группы А, их место в происхождении искусства, отношение этих действий к действиям группы Б) станет возможным лишь после того, как будет решен вопрос о правильности или ошибочности наблюдений о безрелигиозном характере современных действий группы А.

ON THE ABSENCE OF A RELIGIOUS ELEMENT IN PRIMITIVE MAGIC

Modern facts on magical actions and incantations collected in Azerbaidjan are adduced in the article. Analysis of magical actions and incantations permits the author to classify them into two groups: those having not notional (subjective) religious features and those which having been assimilated by religion have become transformed into religious ritual.

Р. Я. Рассудова

**К ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В нашу задачу не входит рассмотрение всего комплекса вопросов о сельской общине, ее месте и значении в патриархально-феодальной классовой системе. Мы пытаемся рассказать лишь о некоторых проявлениях общинных отношений на рубеже XIX—XX вв., о возникновении коллектива при земледельческой деятельности членов общины и о характере и степени сохранения общинных отношений. Подобное тематическое и хронологическое ограничение дало возможность, с одной стороны, четко проследить развитие интересующего нас явления в различных природно-хозяйственных условиях и различной этнической среде на значительной части Средней Азии, а с другой, — сопоставить его с подобным явлением в сопредельных странах, исторические судьбы которых в течение многих веков переплетались с историей Средней Азии (Афганистаном и частью Пакистана)¹.

В советской исторической и этнографической литературе накоплен довольно большой материал о различных формах сельской общины в дореволюционной Средней Азии и граничащих с ней странах — Афганистане и Пакистане, однако работы, в которых проводилось бы сравнение форм сельской общины всего указанного региона, нет. В основу данного исследования положены полевые этнографические материалы, собиравшиеся с 1952 г. в Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской долинах и Ташкентской области, а также данные, опубликованные в специальной литературе по земледелию и истории социальных отношений в Средней Азии и Афганистане.

Особенно ценными для нас оказались работы И. М. Рейснера, В. А. Ромодина, А. Д. Давыдова, содержащие сравнительные данные по зарубежным территориям, на которых общинные отношения порой сохранялись в более древней форме, уже исчезнувшей или сохранившейся в ограниченной степени в Средней Азии. Рассмотрение сельской общины мы начинаем с афганской. Следует помнить, что сохранившиеся здесь до XIX в. в различной степени общинные отношения выступали на фоне складывавшихся феодальных отношений и неравномерного развития земледелия. Порабощенное афганцами местное население (таджики и некоторые другие народы, известные здесь под названием «хамсая»)

¹ В работе использованы материалы по районам Герата, Меймене, Кабула, Джелалабада, Кандагара (Афганистан), Пешавара, Дира, Панджера (Пакистан).

сначала находилось на положении зависимых людей (издольщиков-арендаторов либо слуг-ремесленников) общины в целом; позднее — они стали слугами каждого из ее членов в отдельности. В ходе дальнейшего разложения общин постепенно происходила классовая дифференциация как среди самих афганцев, так и среди хамсая. Социальная жизнь восточной части указанных областей осложнялась английским колониальным господством².

К XIX в. на территории Средней Азии сложилось три крупных ханства: Бухарское, Хивинское и Кокандское. Со второй половины XIX в. значительная часть Средней Азии (Ферганская долина и восточная половина Зеравшанской долины, земли в низовьях Амударьи и территории современной Туркмении в границах Туркестанского генерал-губернаторства) вошла в состав обширной Российской империи. Кокандское ханство перестало существовать, а Бухарское и Хивинское оказались под протекторатом России. В результате этого на части территории Средней Азии (запад Зеравшана, долина Сурхандарьи, низовья Кашкадарьи) сохранялись феодальные формы землевладения, в областях же, занятых царской Россией, были ликвидированы многие феодальные привилегии, остатки рабства. Все мероприятия, проводимые царским правительством, способствовали развитию здесь капиталистических отношений и приводили к усилению классового расслоения земледельцев, к ликвидации феодальных устоев и разрушению общинных связей³.

Общинные отношения проявлялись при переделах земель, при распределении угодий, воды, сельскохозяйственных культур, в формах организации труда. Каждая земледельческая община⁴, объединяя несколько населенных пунктов, занимала определенную территорию и имела свою ирригационную систему, которая регламентировала ведение земледельческого хозяйства и соотношение культур. Члены общины оказывали друг другу различные виды помощи, а при проведении трудоемких работ (например, при очистке каналов) выступали единым коллективом. Община имела свое «святое» место для поклонения и разведения огня в честь умерших предков, а также специальное помещение для молений. Община выступала как единое целое при проведении различных праздников и при жертвоприношениях. Во время свадеб и похорон она была как бы хозяином и полностью обслуживала гостей, пришедших из других мест. Умерших членов общины хоронили на определенных местах. Каждая община содержала людей, обслуживающих различные ее нужды (плотника, кузнеца, цирюльника и т. д.); оплачивался их труд каждым членом общины индивидуально. Кроме того, среди афганцев община выступала как одно целое и при предоставлении земли зависимым от них хамсая. Афганская сельская община делилась на отдельные кварталы, а каждый квартал состоял из семейно-родственных групп (*пайкал, кош, туп, кунда, келеме, браха-кор, таль* и т. д.). Среди афганских племен и их подразделений кварталы являлись родовыми патронимическими группами, в каждом квартале проживали представители толь-

² И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II. М., 1965; Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947), М., 1953.

³ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957.

⁴ На всей указанной территории сельская община выступала под различными названиями: кишлак, хель, каум, тайфа, кенд, тараф, мачит, элликбоши и, как установлено нами для средней части Зеравшанской долины, караказан или казаншерик, (для Ташкентской области, Ферганской долины — дош-дашказан). Однако применение ряда терминов для обозначения общины в целом затрудняется тем, что нередко под ними подразумевается лишь часть общины.

ко одного рода, имевшие единого генеалогического предка⁵. Аналогичное положение было и на юге Средней Азии среди туркменских племен. В таких же долинах, как Ферганская, Зеравшанская, Кашкадарьинская, население не только общины, но даже и кварталов большей частью было разнородным по этническому составу. Тем не менее, судя по названиям даже современных кварталов, можно думать, что прежде люди селились отдельными племенами и родо-племенными группами⁶. Поэтому, по-видимому, можно сделать вывод о том, что кварталы среднеазиатских сельских общин в прошлом были родовыми патронимическими группами хозяйств⁷, что подтверждается сохранением пережитков этого у населения высокогорных районов Западного Памира. Обычно в кварталах для молений имелось свое помещение — мечеть⁸. Однако в некоторых местах Средней Азии (например в Ферганской долине) встречаются общины, где некоторые кварталы такого помещения не имели. Люди шли в другой квартал или использовали так называемую «пятничную» мечеть, где собирались по праздникам и пятницам мужчины всей общины. Широко распространенные в Афганистане квартальные мужские дома *худжра*, *миманхана*, *атеш-хана* в Средней Азии встречались лишь в горных районах Бухарского ханства⁹. Но и здесь они, по-видимому, были в распоряжении уже не квартала, а всей общины в целом. В долинах же мечети не сохранились ни в кварталах, ни в сельской общине.

Устойчивыми оказались объединения мужчин, организовывавшиеся обычно зимой для совместного времяпрепровождения и совместных угощений. Однако и они составлялись не из мужчин квартала, а мужчин всей общины и группировались по возрастному принципу; вследствие этого таких объединений в общине было несколько. Что касается места сбора, то мужчины собирались в доме одного из участников объединения или в специально выделенном помещении одного из зажиточных крестьян.

В среднеазиатских общинах отсутствовали и башни-убежища, в то время как в афганских общинах они имелись в каждом квартале. Тем не менее и для среднеазиатских общинников, например для жителей Зеравшанской долины, Ферганы, вопрос защиты от опасностей еще в XIX в. стоял довольно остро; и возможно, этим объяснялось наличие общей стены вокруг одного квартала; двое ворот этой стены запирались на ночь даже в мирное время¹⁰.

⁵ По мнению многих советских исследователей, родо-племенные объединения позднего времени нельзя отождествлять с первобытной родовой организацией: поздний род представляет собой патронимии различного порядка. Поэтому термин «родовой квартал», «родовая группа», «род», употребляется нами, как и другими авторами условно. В таких родовых кварталах семьи имели между собой не только родственные связи, но и одновременно входили в состав территориального объединения. См. М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; стр. 19; Б. О. Долгих, М. Г. Левин, Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов северной Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951; И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 49—52, 108—109, 140—144; А. Д. Давыдов, Афганская деревня, М., 1969, стр. 5—11, 31, 70—72, 86—88 и т. д.

⁶ А. Д. Гребенкин, Таджики, узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 23—102; В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, «Справочная книга Самаркандской области», вып. VII, 1902; И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 99.

⁷ См., Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сборник II», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLVII, М., 1959.

⁸ М. С. Андреев, По этнографии таджиков. Некоторые сведения. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 163—165.

⁹ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.—Л., 1962, стр. 159—160; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 18—21, 128—134.

¹⁰ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 134—137; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русайкина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, XXIV, М.—Л., 1954.

В афганской деревне каждый квартал был военной единицей, все взрослые мужчины квартала составляли боевой отряд¹¹. В Средней Азии же подобный отряд чаще всего формировался из мужчин всей сельской общины¹². Если у афганских племен сохранялось наряду с общинным и квартальное обслуживание¹³, то у среднеазиатских племен отмечалось только общинное. Более того, кузнецы и плотники, мастера которых нередко располагались в центре крупных селений, выполняли заказы нескольких общин; немало было и таких ремесленников, которые приезжали из города в село на определенное время. Отсутствие специального квартального обслуживания отмечается в аналогичных условиях лишь в тех областях Афганистана (в оазисах Герата, Маймене и др.), где древнее население (таджики) жило смешанно с другими народами.

Таким образом, на основании кратко изложенных материалов, можно, по-видимому, сказать, что в Средней Азии родо-племенные и родственные связи уступали место территориальным соседским отношениям. Среднеазиатскую общину вполне обоснованно можно отнести к тому «самому новому типу общины», который, по меткому определению классиков марксизма, являлся «первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами»¹⁴. Это проявлялось в смешении этнического состава населения общин и даже их кварталов, и в ликвидации «родовых» кварталов, в стирании их границ внутри общин, в возникновении только общинного обслуживания, превращении некоторых квартальных общественных домов в общинные и т. д. Проведенные исследования показали, что процесс образования территориальной сельской общины шел в Средней Азии быстрее, чем в районах Афганистана и Пакистана. Указывая на характерные черты сельской общины, К. Маркс и Ф. Энгельс особо выделяли земельный вопрос, точнее вопрос о соотношении коллективной и частной собственности на землю на разных ступенях существования сельской общины. К. Маркс отмечает, что в территориальных общинах дома являлись уже собственностью земледельца. Что касается пахотных земель, то они в одних условиях сохранялись в общей собственности всех членов сельской общины, в других же — уже стали частной собственностью отдельных ее членов¹⁵. Ф. Энгельс, излагая эволюцию германской общины, отмечает, что после исчезновения передела пахотной земли и перехода ее в частную собственность община сохраняла еще целый ряд других черт первобытного коммунизма¹⁶.

Приведенные нами материалы, относящиеся как к среднеазиатской, так и к афганской общинам, позволяют сказать, что обе эти формы развивались по пути классической общины: от родового объединения к территориальному, от сокращений переделов земли к их исчезновению и установлению перераспределения угодий и культур и, наконец, к ликвидации общинного севооборота и сохранению лишь некоторых форм коллективного труда (особенно устойчиво сохранялись традиции совместного труда в выполнении ирригационных работ).

¹¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II., стр. 113—114.

¹² Р. Я. Рассудова, Следы общинно-военной организации узбеков, «Сов. этнография», 1968, № 5, В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг., «Известия среднеазиатского отделения русского географического общества» (далее РГО), т. XVIII, Ташкент, 1928; П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937.

¹³ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 135—136; А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 26. Говоря о пастухах, автор называет их общинными, а не квартальными.

¹⁴ К. Маркс, Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 418.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ф. Энгельс, Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 19, стр. 333—336.

Своеобразие общинных отношений в рассматриваемых нами районах Афганистана особенно наглядно выступало в вопросах земле- и водопользования и в организации труда. Наиболее архаическая форма общинных отношений наблюдалась среди афганских племен, которые исследователи разделили (по степени разложения общинных отношений) на три группы. В группе вазиров, афридиев и оракзаев пережитки общинного родового строя сохранялись наиболее устойчиво. Среди хаттаков, дуррани и пешаварских племен процесс разложения общины протекал весьма быстро. У племен юсуфзаи этот процесс, хотя и шел, но довольно медленно¹⁷.

Земля у ряда афганских племен (*юсуфзаев, марватов, ганданурцев, пешаварцев* и др.) делилась на две части. Одна из них оставалась в общем владении группы родственных племен всего племени или его подразделения и являлась собственностью всего народа. Эта категория земли служила фондом, из которого выделялись дополнительные наделы и отводились пастбища. Совет старейшин запрещал использовать их под пахоту. Кроме того, эти земли сдавались чужакам и зависимому населению. Попутно отметим, что в Средней Азии подобные неразделенные земли, служившие фондом для обеспечения членов общины наделами, сохранялись лишь среди туркмен¹⁸. Правда, во всех остальных орошаемых оазисах также сохранялись общие земли, однако ими уже не наделяли общинников, так как были исчерпаны водные ресурсы или они по своему качеству не годились для возделывания. Поэтому эти земли, находившиеся в общем неразделенном пользовании отдельных (в Ферганской долине) или нескольких (в Зеравшане) общин, служили в основном пастбищем.

Другая возделывавшаяся часть земель была распределена между хозяйствами. В одних районах этими землями пользовались постоянно одни и те же семьи, и наделы являлись их собственностью, в других — все возделывавшиеся земли периодически подвергались переделам. Из сопоставления имеющихся материалов и исследований по интересующей нас территории видно, что переделы земли в ранней форме сохранялись среди афганских племен. Существовало две формы разделов земли, называвшихся здесь *веш*. В первом случае земли делили равными долями по числу всех членов племени, независимо от пола и возраста по родовому принципу¹⁹. Во втором — земля делилась по генеалогическому признаку, т. е. по степени близости подразделения племени, рода и глав семей к общему родоначальнику, поэтому величина земельной доли была неравной. У некоторых племен существовала смешанная форма раздела земель — сначала делили по родам, а внутри их — по генеалогическому принципу; причем землю получали только взрослые мужчины, владевшие оружием²⁰.

Ранние формы переделов сохранялись у большинства подразделений юсуфзаев. Обмен землями производился по жребью, начиная с самых крупных родо-племенных подразделений и кончая группами и отдельными семьями. Перед очередным переделом старейшины определяли размеры участков так, чтобы всем достались наделы одинакового размера и качества²¹. В результате распределения земли по качеству надел каждого человека состоял из нескольких полос, при этом членам одной семьи отводили полосы рядом. Следовательно, каждая семья имела несколько участков, расположенных чересполосно²². У некоторых афганских племен обмену подлежали не только пахотные земли, но и

¹⁷ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 122, 142—145.

¹⁸ В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918.

¹⁹ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 104, 121—135.

²⁰ Там же, стр. 113—114.

²¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, Указ. раб., т. II, стр. 123—125.

²² И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 127.

усадебь с жилищами, на что впервые обратил внимание К. Маркс. В результате этого через определенное время люди поселялись вообще на новой территории с другими соседями, в новых жилищах²³.

По утверждению исследователей, среди афганских племен отсутствовал коллективный труд в земледелии. Это положение объясняют тем, что основной хозяйственной ячейкой являлась патриархальная или индивидуальная семья, а также влиянием со стороны древних, завоеванных афганцами народов, «обрабатывавших свои земли инициативным и квалифицированным трудом отдельных крестьянских хозяйств»²⁴.

Учитывая специфическое положение афганских племен как коллективных эксплуататоров местного населения хамсая (непосредственных производителей-земледельцев) нам представляется невозможным обосновать отсутствие у афганцев совместной обработки земли только существованием индивидуальной семьи. Как показывают материалы И. М. Рейснера, В. А. Ромодина, Л. Р. Гордон, А. Д. Давыдова, земледельцы-афганцы, став хозяевами в завоеванной стране, непосредственно не участвовали в земледельческом труде²⁵, они ограничивались получением различных по форме и количеству рент со своих издольщиков райат-и-хамсая²⁶.

Однако, по-видимому, это не означало, что в районах поселения афганцев совершенно отсутствовал коллективный труд среди тех крестьян-издольщиков, которые непосредственно обрабатывали землю. Как отмечает И. М. Рейснер, в источниках имеется множество свидетельств о существовании еще в XIX в. совместной обработки земли, например у гандапурцев. Подобная форма труда наблюдалась в общинах среди непосредственных производителей, что, как мы увидим в дальнейшем, характерно и для Средней Азии.

В какой-то мере наделы, подобные афганскому вешу, можно, по-видимому, увидеть и в долинах среднеазиатских частей рек Мургаба и Герируда (последняя река известна здесь под названием Теджен). В низовьях Теджена из-за маловодности рек сохранялось экстенсивное земледелие при переложной системе. Переделы земель проводились здесь по родовому принципу. В этих местах община не знала границ своих земельных владений, но было известно расположение посевов. Владения были определены лишь для значительных родовых групп текинцев, каждая из которых по признаку родства разделялась на две части, состоявшие из двух-трех и более общин. Орошаемые земли, лежащие по каждую сторону канала, находились во владении родовых подразделений. Отдельная община на этой территории получала в пользование лишь пашни, которые она возделывала в течение года. В дальнейшем, после перераспределения земель путем жеребьевки, все общины, подобно афганским, переселялись на новые места. Вследствие такого порядка земледелие было фактически подчинено кочевому образу жизни²⁷. Как и в других районах расселения туркмен, возделывавшиеся земли разделялись по качеству на два вида: *мюльковые* и *санашиковые*, т. е. собственные и «пересчетные». Однако вследствие маловодности рек и экстенсивности зернового земледелия различия в качестве этих земель еще не имели здесь того значения, какое они получили в Мервском оазисе. Поэтому порядок разверстки земли и воды, а также значение различных земель общины мы рассмотрим на материалах Мервского оазиса, где водоземельные порядки были аналогичны данным по Таджену.

²³ Материалы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Сов. востоковедение», 1958, № 3, стр. 9. И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 150—152; В. М. Массон, В. А. Ромодин, Указ. раб., т. II, стр. 123—126.

²⁴ И. М. Рейснер, Указ. раб. стр. 109—111.

²⁵ Там же.

²⁶ Л. Р. Гордон, Указ. раб., стр. 99.

²⁷ В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 36.

Туркменское племя теке заняло Мервский оазис в начале XIX в. Это племя состояло из двух подразделений: *отамыш* и *тохтамыш*, которые, в свою очередь, разделялись на роды, каждый род — на колена подколена. При расселении теке правая сторона Мургаба по жребию была занята тохтамышским подразделением, а левая — отамышским. Впоследствии тохтамышцы свои земли распределили вначале между двумя родами, в дальнейшем один род разделил свои земли на пять другой — только на две части. Внутри рода земли делились в зависимости от качества почв и условий орошения. Все мелкие группы родов илучили свои наделы по жребию.

Распределение земель на левой стороне Мургаба было проведено несколько иначе, но в основе все-таки лежал родовой принцип. Землю в зависимости от качества разделили на три категории, а затем каждую из них — пополам между двумя основными родами этого подразделения. Наконец, земли всех трех категорий были разбиты на отдельные участки и по жребию распределены между более мелкими родовыми группами. Все эти земли через каждые 5—10 лет переделывались между подразделениями, а внутри них — между родами и более мелкими группами. В отличие от Теджена, в Мерве переделывались санашиковые худши полевые земли, а поля лучшего качества, сады и усадьбы уже были включены из переделов, поэтому и люди здесь не переселялись на новые места.

В Мервском оазисе, как и у афганцев, вся земля и вода были собственностью родовой группы, отчуждение их даже внутри рода было недопустимо. Поэтому в случае смерти всего поколения какого-либо земледельца земля и вода переходили в распоряжение общества. Внутри родовых делений все женатые мужчины²⁹ имели одинаковое право на получение участка из свободного земельного фонда; этот участок они обязаны были возделывать в строго определенном порядке и в согласованное со всеми время. Такой участок земли называли *су* и давался он не в собственность, а лишь в наследственное пользование данного хозяйства. Здесь так же, как в Тедженском оазисе земля всей общины делилась на санашиковые и мюльковые. Земли первого вида были переделываемыми и состояли из нескольких кусков, разбросанных в разных местах, обычно на периферии оазиса. Эти участки хуже орошались и поэтому использовались лишь под посевы злаковых. Общинные земли переделывались между группами хозяйств, а не между отдельными хозяйствами. Для этой вся земля разбивалась на одинаковые участки, которые являлись наделами крестьян, объединенных в группу суточных *серкер* или полусуточных — *келеме* — пользователей воды. Затем сведенные воедино участки обрабатывались сообща, а урожай делили поровну на каждое *су*. При добная коллективная обработка земли называлась *шайрык*. При такой системе существовало полное обезличение наделов, так как при каждом переделе крестьянин получал под посев новый участок. Общинные порядки особенно ярко выступали при неблагоприятных водных условиях. В годы, когда воды для полива было мало, община устанавливала между группами (а внутри их — между хозяйствами) очередность в пользовании лучше орошенной землей.

Земли второго вида — мюльк (в отличие от тедженских мюльков) уже не переделывались. Эти участки, расположенные обычно в верховьях каналов, лучше орошались и шли под посев пропашных культур, в основном хлопка. При таком виде землевладения земля одного хозяйства также была расположена чересполосно с мюльками других хозяйств. В результате этого хозяева были вынуждены сдавать в аренду часть

²⁸ В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 18—35, «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2., Ашхабад, 1957, стр. 13.

²⁹ Получение общих наделов лишь семейными мужчинами также служило основанием для усиления неравенства в общине.

своих мюльков, расположенных в отдалении от усадьбы и, в свою очередь, арендовать чужие мюльки, находившиеся по соседству с его усадьбой. При необходимости мюльк выделяли из специальных общинных фондов или выморочных земель.

Водоземельные порядки в верховьях Мургаба, в Иолотани, на Пяндже и Теджене, расположенных ближе к афганской границе, аналогичны только что описанным мервским. Единственным и довольно существенным отличием общин в Иолотани являлось то обстоятельство, что в последних право на водоземельный надел получал не женившийся человек, а каждый, достигший рабочего возраста.

Как показывают изложенные материалы, в восточной части Туркмении водоземельные отношения в значительной мере были подчинены «родовым», а затем и общинным отношениям. Однако нужно указать на то, что из переделов исключались лучшие земли, неженатым земли не выделялись. В западной части Туркмении на санашиковые земли имели право все группы хозяев, однако и здесь уже была введена система индивидуальных участков. В одних районах вне общины были поставлены только поздно пришедшие в селение люди, а в других исключались уже и свои (подростающее поколение). Последние были лишены лучших земель, их допускали лишь к переделам худших³⁰.

На территории расселения издревле оседлых народов (долины Сурхандарьи и Ширабада, низовья Кашкадарьи и Амударьи, район Чимкента), по заключению экономистов, общинное землепользование также было широко распространено³¹.

В некоторых из этих районов, среди туркменских племен, хотя и наблюдалось родо-племенное деление населения, однако в распределении земель уже не практиковался «родовой» принцип. Кроме того, здесь общины не распоряжались теми землями, на которых велось интенсивное земледелие, и землями, занятыми под садами и усадьбами. Такие виды земель находились в подворно-участковом владении отдельных хозяйств. Общинные же земли, разделенные на участки разного качества, ежегодно переделялись только между группами родственных семей внутри общин (в них количества групп и участков соответствовали друг другу). Таким образом, на этих территориях совершенно исчезла возможность наделения новых хозяйств какими бы то ни было землями.

В указанных районах земля каждой общины разделялась на садовые *хаёт*, *ёвон* и полевые *дала*, последние и переделялись между группами родственных семей. Объединения группы родственных семей, а также их совместный участок назывались *пайкал*, *чак*³². В каждую группу входило от 6 до 8 крестьянских хозяйств. Обычно в таких группах каждый член имел одно право, т. е. он получал одну долю урожая из шести,

³⁰ Д. И. Субботич, Материалы по землепользованию в Закаспийской области, Ашхабад, 1908; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 79—86, 96—105; «Средне-Азиатский экономический район», Ташкент, 1922, стр. 49; В. В. Русinov, Указ. раб., стр. 37—39; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 181.

³¹ Точные данные имеются лишь для низовьев Амударьи, где 6% хозяйств имели общинные земли. См. «Средне-Азиатский экономический район», стр. 49. В среднем Зеравшане 1570 га общинных земель переделялось между 208 хозяйствами, см. Б. А. Лыко, Итоги сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по Самаркандской обл., «Материалы Всесоюзных сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», Ташкент, вып. I, 1925; табл. 16; см. также: «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, Приложения, стр. 9.

³² В. А. Полозов, Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи Узбекской ССР. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925 № 7; К. Шаниязов, Общинное землепользование в сел. Каллык, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIV, 1960; «Материалы по изучению хозяйства оседлого населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, стр. 64—80.

если крестьян в группе было шесть, или одну из восьми, если их было семь. Для того, чтобы стать членом группы и получить долю урожая общины должен был выставить при переделе земель пару волов (законный обычай существовал и среди племен Афганистана и Пакистана). Получив по жребию участок, каждый пайкал или чак собирал совет, который вырабатывал условия участия каждого члена в общих работах и в распределении им доли урожая. Как видно, внутри таких пайкалов земля еще была разделена на участки между отдельными крестьянами. Однако в мере приближения к крупным торговым центрам, социальный состав менялся и в некоторых пайкалах одни члены имели два-три и даже четыре права, т. е. доли урожая, другие — только одно; встречались и так называемые «собственные» пайкалы, в которых один крестьянин владел всеми восьмью правами. На такой «пайкальной» земле хозяйство велось на иной основе, чем на тех землях, где работали владельцы одинаковых прав.

В «собственном» пайкале для возделывания земли привлекался дольщик, это мог быть и свой общинник, и пришлый человек. Однако независимо от внутреннего состояния пайкалов, каждый из них являлся податной единицей. Пайкал в целом представлял одного рабочего для очистки канала, получал определенную долю воды.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на территории Средней Азии сохранялись земельные переделы. Однако уже отсутствует принцип родового передела, почти полностью исчез обмен усадьбами и лицами, из переделов исключены лучшие земли. Некоторые члены общины лишены права на землю.

Возвращаясь к афганским материалам и сопоставляя их со среднеазиатскими, можно отметить и там подобное положение. Это усматривается и в существовании позднего вида переделов по сравнению с урартским; в исключении из переделов земель духовенства и вождей. Кроме того, переделу не подлежал сад, посаженный при переделах лиц и усадеб.

Процесс изживания переделов происходил как бы сверху вниз, т. е. вначале изживался передел земли по племенам, а затем — передел между группами родственных семей внутри общины. Завершился он полным исчезновением всяких переделов.

Хотя переделы пахотных земель в этих районах исчезли, здесь сохранились другие права общины — общинный севооборот, коллективные формы труда, наиболее полно и систематически применявшиеся в проведении и поддержке ирригационных систем.

Как отметил Ф. Энгельс, «Община-марка, отказавшись от права периодического передела пахотной земли и лугов между отдельными своими членами, из всех прочих прав на эти земли не уступила ни одного. Община передала свои земли отдельным лицам только с целью использования их в качестве пашни и лугов... Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины... вся пахотная земля делилась на три одинаковых по размеру поля... При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю во всех трех полях, и мог бы, таким образом, без ущерба подчиняться принудительному севообороту общины... Этот, так называемый принудительный выпас, естественно требовал, — продолжал Ф. Энгельс, — чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной обычаям»³³.

По утверждению ряда востоковедов, агрономов и других специалистов, посетивших Среднюю Азию еще в середине — конце XIX в. в эти

³³ Ф. Энгельс, Марка, стр. 334, 335.

районах переделы земель внутри общин сохранились до конца XIX в.³⁴. О недавнем существовании здесь общинных переделов имеются и некоторые косвенные данные. К ним следует отнести отмеченное еще в 30-х годах XX в. разделение земель в общине на одинаковые участки, известное здесь под термином *кушджуфти-гау, кетмень*³⁵. Отметим, что А. Д. Давыдов именно по сохранившимся одинаковым наделам у крестьян³⁶ заключает о существовании в прошлом общинных переделов в ряде районов Афганистана.

Еще одним весьма любопытным свидетельством, подтверждающим существование в недавнем прошлом переделов, а также сохранение среднеазиатской общиной ряда прав является факт использования крестьянских земель общиной, хотя эти земли и были уже закреплены за отдельными владельцами. Несмотря на то, что состав полевых угодий и возделывавшихся на полях культур диктовался природными и экономическими условиями, окончательно он утверждался за общего согласия общины — глав домохозяев. По традиционной системе земледелия требовалось разделение пашен на три клена. Размер кленьев, их расположение, необходимость того или иного изменения — все это находилось в ведении всей общины.

В рисоводческих районах Зеравшана, в Шахрисабзском оазисе (верховья Кашкадарьи) весь массив пахотных земель сразу делили на три угодья, в каждом из них крестьяне имели свой надел. Через определенное время (3—5 лет) по общему согласию членов общины расположение угодий менялось. Там же, где посевы риса отсутствовали, поля также разделялись на три части: пар, посев злаковых и пропашных. Но в данном случае на угодья делился каждый крестьянский надел, находившийся на том или ином участке. Поэтому полевая территория общины представляла довольно пеструю картину. Однако и в данном случае существовало согласованное распределение угодий. Здесь крестьяне — соседи по землям, а следовательно и вся община, договаривались о планировке своих полей и старались одинаковые угодья расположить по соседству. В результате этого создавались довольно большие площади одинаковых угодий, кроме того, крестьяне могли рациональнее использовать воду, землю и труд. Благодаря общинным связям можно было поддерживать в хорошем состоянии оросительные каналы, что, в свою очередь, позволяло сохранять в этих областях обычай распределения воды между отдельными, преимущественно родственными, группами крестьян. Размер групп, так же как и количество воды, получаемой каждой группой, отличался по районам и зависел от природных условий, от направления хозяйства, от плотности населения и ряда других причин. Нами установлено, что в средней части Зеравшанской долины каждая группа занимала 12 га (50 танапов земли)³⁷. Размеры же земельных наделов отдельных хозяйств в группе были различны, что обуславливало и различный численный состав групп. В многоводных районах, где

³⁴ Л. Ф. Костенко, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871, стр. 166—167; А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 66—70.

³⁵ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Записки РГО, отд. статистики», т. IV, СПб., 1874, стр. 261, 263, 389; В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 17—18; А. Шишов, Сарты, ч. I, «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», кн. XI, Ташкент, 1904, стр. 190—192; Н. М. Вирский, Очерки Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской обл., «Справочная книга Самаркандской области», вып. X, 1912; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XVIII вв., Ташкент, 1954, стр. 18, 60—64, 74—75, 157, 166. В настоящей работе мы не касаемся размеров этих участков, различающихся в зависимости от определенных природно-хозяйственных и исторических условий.

³⁶ А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 21—27.

³⁷ В литературе участок земли в 50 танапов, составлявший общую площадь, занимаемую группой крестьян, и именуемый кош или джуфтигау, ошибочно определяется как мера земли, которую могла вспахать пара волов.

велось интенсивное хозяйство, например, рисово-хлопковое полеводство. Большая часть групп была многолюдной. Напротив, в маловодных районах, имевших в основном зерновое экстенсивное полеводство, в одну группу объединялось не более 5—6 человек.

Трудоемкие и не терпящие отлагательства работы выполнялись объединенными усилиями всех членов данной общины; иногда они выполнялись группами, образованными из более или менее молодых мужчин. Необходимую работу выполняли сначала в одной, а потом и в других группах³⁸. В ряде районов (западная часть Зеравшанской долины, в Шахрисабзском оазисе) подобные коллективы были постоянны по составу, имели выборного главу. В восточной же части Зеравшана состав таких объединений был более изменчив и в них обычно отсутствовал руководитель работ — в каждом конкретном случае ими ведал хозяин земли. Сами общие работы имели скорее характер помочей.

Не менее существенным моментом является обособление из общины более зажиточной части, которая захватывала все больше и больше земли и выбывала из трудовых объединений, причем не одна, а вместе с теми членами, права которых она захватила, оставшаяся часть общинников, бедняки и середняки, продолжали трудиться совместно.

Подобное положение отмечалось довольно широко и в Афганистане и примыкающей к нему части Пакистана³⁹.

Наконец, в ряде районов исчезли и последние, по выражению А. Д. Давыдова, «сервитуты» общинных отношений: согласованный севооборот, распределение угодий и культур, общие коллективные формы труда в земледелии. Общинные связи проявлялись в этих районах лишь в объединении сил для поддержания ирригационной системы, а также для выполнения отдельных полевых работ.

Сопоставляя характер общинных отношений в конкретном районе с общим экономическим положением данного района, можно проследить определенную связь между тем и другим. По системе полеводства территория Средней Азии разделялась на шесть хозяйственных районов; в трех из них хозяйство было экстенсивным, в двух, где возделывались товарные культуры, — интенсивным; в основном со среднеинтенсивной плодосменной системой хозяйство находилось на среднем уровне развития⁴⁰. Такое районирование достаточно ясно показывает, что степень интенсивности земледелия отражает степень разрушения общинных связей.

Как видно из приведенных выше материалов, в общинах у афганских племен и их соседей туркмен, занимавшихся экстенсивным земледелием, в конце XIX — начале XX в. были широко распространены земельные переделы, общинный севооборот, коллективный труд. Однако у туркмен, с одной стороны, и афганцев — с другой, имелись и свои особенности. Поскольку туркменские племена являлись и владельцами и пользователями земель, то переделы, распределение угодий и культур, а также организация различных форм труда — все это происходило среди самих туркмен. Афганцы же в основном являлись владельцами земли, а пользовались землей покоренное население. Поэтому здесь организация труда была связана не с афганцами, а с издольщиками, тогда как переделы земель происходили не между крестьянами-издольщиками, а между афганцами. Правильность этого положения полностью подтверждается глубоким и разносторонним исследованием афганской деревни, проведенным А. Д. Давыдовым с учетом природно-хозяйственных условий и

³⁸ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 67—73. Те или иные трудовые объединения, возникавшие среди крестьян одной общины во время полевых работ, существовали повсеместно в Средней Азии; эти коллективные работы выступают большей частью под названием *хашар*, *алгов*; встречаются и менее распространенные термины *кумак*, *тегии*.

³⁹ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 165—168; А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 45—46, 56—68, 78, 95, 96, 148, 199, 223, 224.

⁴⁰ «Среднеазиатский экономический район», стр. 35, 36, 49—52.

социально-экономических отношений в Афганистане, а также этнической принадлежности населения этой страны. В ряде районов Средней Азии — в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской долинах, в Ширабаде, низовьях Амударьи, Чимкентской области, где также сложилось экстенсивное земледелие, уже исчез родовой принцип земельных переделов. В Зеравшанской долине, на землях по верхнему течению Кашкадарьи, а также во всех долинах Афганистана исчезли переделы земель, но сохранилось согласованное использование земель, распределение угодий и культур, а также коллективный труд в ирригации и некоторых полевых работах.

Наконец, в Ферганской долине и вокруг таких крупных торгово-промышленных городов, как Самарканд, Ташкент, Бухара в Средней Азии, Кабул и Джелалабад — в Афганистане, т. е. в районах с интенсивным земледелием и производством товарных культур, отсутствовали не только родовой принцип в переделах и сами переделы, но даже и согласованное определение угодий и культур. Здесь отмечались лишь коллективные работы на ирригационных системах.

В Средней Азии независимо от направления земледелия всюду отмечается довольно значительное количество хозяйств, не имевших посевов, так как некоторые члены общин потеряли свои полевые земли или право на их обработку и получение урожая. Примерно от одной пятой до одной четвертой части общинников в Средней Азии владели неполными наделами полевых земель, достаточными для ведения самостоятельного хозяйства и содержания семьи. Однако здесь не наблюдается какой-либо связи между потерей полевых земель крестьянами и направлением земледелия, а следовательно, и степенью исчезновения общинных отношений. Тем не менее сами материалы о беспосевных хозяйствах отражали процесс хотя бы частичной потери земли и ухода крестьянина из общины.

Однако лишение полевой земли еще не означало полного разрыва связи крестьянина с общиной. Сплошь и рядом такие крестьяне продолжали заниматься земледелием, но уже на арендованной ими земле внутри или вне общины. Значительная распространенность арендных отношений отмечалась в районах как интенсивного, так и экстенсивного земледелия. В районах с экстенсивным земледелием такое явление объяснялось сохранением общинных водоземельных отношений, в районах интенсивного земледелия — значительной классовой дифференциацией⁴¹. В районе со среднеинтенсивным земледелием, где общинные связи в землепользовании выражались главным образом в коллективном распределении культур и угодий, в трудовых объединениях и т. д., к аренде земли прибегали значительно реже (1,1% в Ходженте, 3,6% в Самаркандском уезде).

Во всех случаях лишения земли крестьяне в той или иной мере теряли связь с интересами остальных общинников. Отношения их с общиной держались на усадебной земле, которую общинник получил в постоянное пользование раньше, чем полевые, и терял ее в последнюю очередь. К 1917 г., т. е. к периоду наибольшего обострения социального расслоения крестьян в Средней Азии, общее количество безземельных «крестьян» достигло 4%. Однако после более детального рассмотрения данного вопроса можно сделать вывод, что в определенных условиях этот процесс получил большее развитие⁴². Полное обезземеливание крестьян означает потерю и дома-усадыбы. В результате этого такой «крестьянин» перестает быть членом своей общины. Он становится наемным рабочим в своем же селе или в другом месте, куда он переселяется.

⁴¹ «Издольная аренда в Узбекистане», Самарканд, 1930, стр. 7; В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 40.

⁴² Степень обезземеливания крестьян достигала в Джалалабадской волости 7,2%, в Кургантепинской — 8,7%, в Кутлугсеидской — 8,1%, Чукотской — 18,7%, Меркенской — 33,3% (Материалы... Самарканд, 1925, вып. 1, стр. 35, 41, 47, вып. 3, § 51, стр. 117, 121).

И. Мухиддинов

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ
ТАДЖИКОВ ИШКАШИМСКОГО РАЙОНА
ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ
ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР**

(ГОРОН, ИШКАШИМ, ВАХАН)

Настоящее сообщение написано на основе материалов, собранных автором во время этнографических экспедиций 1968 и 1969 гг. в Ишкашимский район Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. Район находится в южной части Памира и состоит из трех историко-географических регионов: Горона, Ишкашима и Вахана (у двух последних — территории на правом берегу р. Пянджа). В кишлаках, расположенных вдоль р. Пяндж, служащей границей с Афганистаном (от кишлака Хасхараг и выше до оз. Зоркуль), население в основном — припамирские или памирские таджики¹. В районе проживают таджикоязычные горонцы², ишкашимцы³ и ваханцы⁴, родные языки которых относятся к восточно-иранской группе.

Население района занимается главным образом земледелием и животноводством, незначительное место в хозяйстве приходится на домашние промыслы и ремесла.

Большая часть посевных земель находится на крутых горных склонах. Участков, расположенных на ровной местности, мало и они очень небольшие по размерам, что делает невозможным вспашку их трактором.

В настоящее время в колхозах много машин: грузовые автомобили, тракторы, современные плуги и комбайны. Тягловой силой для плугов промышленного производства и для местных деревянных пахотных орудий служит пара быков.

Земли на крутых склонах, неудобные для обработки, мы условно назовем «землями первой группы». Земли на ровных площадях, находящиеся либо в самих населенных пунктах, либо на окраинах, мы будем условно называть «землями второй группы».

Для обработки земель первой группы до сих пор пользуются всеми видами традиционных сельскохозяйственных орудий, для обработки зе-

¹ А. Г. Биснек, Н. М. Зелдович, Этнография народов Памира. Список литературы на русском языке, сб. «Сов. этнография», т. III, М.—Л., 1940, стр. 219—242; А. К. Писарчик, Памирские таджики, «Народы Средней Азии и Казахстана», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 703, 704.

² А. З. Розенфельд, Таджикоязычное население Советского Бадахшана, «Сов. этнография», 1963, № 1; ее же, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, «Вестник Ленинградского ун-та» (истории, языка и литературы), вып. 4, № 20, Л., 1968, стр. 107—112; Ю. И. Богорад, Горонский говор таджикского языка, «Иранский сборник». М., 1963, стр. 44—59.

³ Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, «Языки народов СССР», т. I — Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 419—435.

⁴ Т. Н. Пахалина, Ваханский язык, «Языки народов СССР», т. I — Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 398—418.

мель второй группы — тракторами и плугами. Повсеместно встречаются кетмени, железные лопаты, вилы и другие орудия фабричного изготовления.

Главным орудием земледельцев Ишкашимского района, как и в других районах ГБАО, является традиционное деревянное пахотное орудие среднеазиатского типа соха-омоч, которое в Гороне, называют «сыпорд»⁵, в Ишкашиме — «успер», в Вахане — «сыпундр»⁶ (рис. 1, а, б).

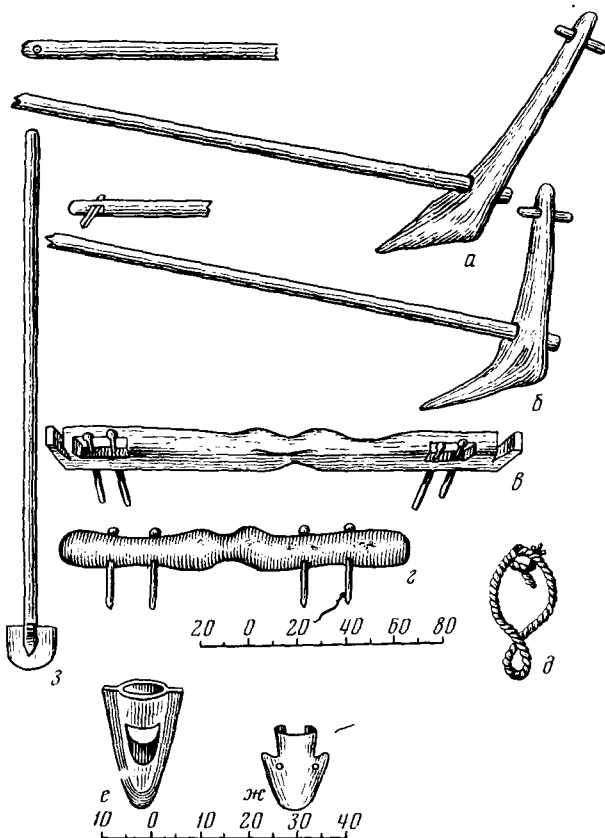

Рис. 1. Пахотные орудия. а — пахотное орудие ваханского типа (к. Вранг, Вахан); б — пахотное орудие горно-ишкашимского типа (к. Андароб, Горон); в — ярмо горно-ишкашимского пахотного орудия; г — ярмо к пахотному орудью ваханского типа; д — тяг из скрученных веток для прикрепления пахотного орудия к ярму (к. Андароб, Горон); е — чугунный (литой) наконечник для малого пахотного орудия (к. Андароб, Горон); ж — железный (кованый) наконечник для пахотного орудия (к. Зунг, Вахан); з — деревянная лопата для полива (к. Рын, Ишкашим). Фото автора.

Встреченные нами здесь деревянные пахотные орудия — как и у остального населения Западного Памира — по размерам подразделяются на большие и малые. Большое пахотное орудие в Вахане называется «луп сыпундр», малое — «дзыклай сыпундр», в Ишкашиме — «катта успер» и «чыт успер», в Гороне — «катта сыпорд» и «хырте́к сыпорд» («майда сыпорд») ⁷.

⁵ При написании местных терминов буква «ы» обозначает неогубленный гласный заднего ряда.

⁶ О районах распространения терминов для обозначения сохи на территории Средней Азии см.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2, Душанбе, 1958, стр. 35; Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 118—126.

⁷ М. Р. Рахимов, Сельское хозяйство. В кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза» вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 118.

Конструкция этих двух пахотных орудий одинакова, но по назначению они отличаются друг от друга. Пахотные орудия большого размера применяются на ровных участках для глубокого (от 18 до 25 см) рыхления почвы. При изготовлении орудия мастер исходит из того, что верхняя его часть — «мытык» — должна доходить пахарю — «кылбагар» — до пояса: при работе с таким плугом пахарь может не наклоняться и идет ровно, свободно.

На каменистых почвах равнинной местности или на предгорных и горных участках применяются удобные для транспортировки и маневрирования малые пахотные орудия. У орудий этого типа узкая рабочая часть и металлический наконечник, также малых размеров, дающий возможность пахать землю на глубину от 12 до 18 см.

Во время пахоты на неровной местности пахарь всегда стоит так, чтобы ручки орудия находились на уровне его пояса. Малые пахотные орудия применяются в Гороне, Ишкашме и Вахане также при проведении на засеянных землях ирригационных канавок — «чуйык». Эти неглубокие борозды быстрее пропитываются влагой во время полива, что обеспечивает хорошие всходы зерна и облегчает все последующие поливы. Попутно отметим, что если борозды проводить большим пахотным орудием, то они получаются чрезмерно глубокими, и часть высеваемых семян попадает глубже 10—14 см — всходы не в силах прорасти из-под земли и погибают. Кроме того, высокие земляные холмы по бокам задерживают проникновение влаги к посевам.

Традиционное пахотное орудие (как большое, так и малое) изготавливается мастерами из местных сортов дерева. В Вахане рабочую часть его вытачивают из черной «биспор» или желтой «зартнук» ивы; в Ишкашме и Гороне кроме этих видов ив, называемых здесь «сиёхбед» или «зардбед», применяется абрикосовое или тутовое дерево и арча. Дышла и ярма для пахотных орудий вытесываются во всех трех названных выше регионах только из ивы и редко из березы.

Необходимо также сказать о том, что традиционные пахотные орудия и ярмо, распространенные в Гороне и Ишкашме, особенно близки к шугнанскими и рушанскими⁸, у которых изгиб основы пахотного орудия больше, чем у ваханского. Изгиб основы ваханского пахотного орудия на 10—15° меньше, чем у горонского, нижняя часть (ниже отверстия, в котором закреплено дышло орудия) — короче, а верхняя длиннее, чем у горонского (рис. 1, а, б).

Основной частью пахотного орудия, как говорилось выше, является рабочая часть — основа, на конец которой надевается металлический наконечник, который бывает чугунным (литым) или железным (кованым). Чугунные наконечники в исследуемом районе в прошлом не производились, их привозили обычно из Читрала, Зебака и из Кундуза⁹ (Афганский Бадахшан), а также из левобережного и правобережного Шугнана. Чугунные наконечники, привозимые с левобережья Пянд-

⁸ Ср. с плугом хуфцев, см.: М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 41, рис. 6; А. А. Бобринский, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 79, рис. 11. Здесь приведен фотоснимок плуга, но не указано, в каком кишлаке он был сфотографирован. По нашему мнению, этот плуг относится к гороно-ишкашмскому типу.

⁹ Бадахшанский чугунный наконечник малого размера стоил от 2,5 до 4 афганских рупий, а чугунный наконечник большого размера — от 5 до 6 афганских рупий. Кованые наконечники, привозимые из Шугнана, меняли на пшеницу, на коз, на шерсть, коровье масло и др. За один кованый наконечник давали (по нашим полевым материалам) от полутора до двух пудов пшеницы или же одного козла. Таких кованых наконечников в году нужно было от 4 до 6 штук, учитывая быструю изнашиваемость наконечников в каменистых почвах. За бадахшанский чугунный наконечник давали до четырех пудов пшеницы, а за большой — до шести пудов. Наши материалы о покупке и продаже железных наконечников в дореволюционном Памире подтверждают правильность точки зрения З. Бахрамова (см. «К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период». В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. II, Сталинабад, 1959, стр. 19).

жа, были большими и маленькими и ценились за то, что чугуны, из которого они сделаны, прочнее, чем в шугнанских наконечниках. Железные наконечники всегда привозили из Шугнана, а в тридцатые годы оттуда же стали привозить и чугунные наконечники. На каменистых почвах чугунные наконечники, как более хрупкие, чаще ломались, кованые же служили дольше.

Кованые наконечники назывались в Вахане, Ишкашме и Гороне «пешык», «ойин», «новак» (последний термин в Вахане не употребляется) (рис. 1, ж), а чугунные наконечники: в Вахане — «дзиклай тиш» (малый) (рис. 1, е), «луп тиш»¹⁰ (большой), в Ишкашме соответственно «кыл-башыпын» и «курхуй»¹¹, иногда здесь можно встретить и такое название, как «катташыпын» или «чыт шыпын», в Гороне — «катламаойин», «ойини кылба».

Как рассказывают наши информаторы Хаитмамадов Х., Хабибов Дж. и Нурхаётов М.¹², в старину железа вообще было мало, и металлические наконечники для пахоты достать было невозможно, поэтому вместо них на конец рабочей части пахотного орудия прикрепляли небольшую лопату с заостренным концом, сделанную из твердого дерева: абрикоса — «чувенд но дырк» или туркестанского боярышника — «хоркондок но дырк». При пахоте на каменистых почвах деревянные наконечники приходилось менять через каждые два дня, поэтому до начала весеннего сева крестьяне заготавливали необходимый запас (до 10—15) таких наконечников.

Дышло пахотного орудия в Вахане называется «вышп», в Ишкашме и Гороне — «фаранг»; ярмо в Вахане — «сынвыр», в Ишкашме и Гороне — «йуг» (рис. 1, в, г). Оно представляет собой длинное обтесанное бревно, посредине которого имеется утоньшение, называемое «кырым» (Вахан), «фырьюш ной джо» (Ишкашим), «джои отанг» (Горон). На обоих концах бревна на расстоянии 50 см друг от друга проделано по 2 отверстия. В них вставлены две пары палочек (в Вахане — «сам», «самын», в Ишкашме и Гороне — «иргорчуб»), между которыми помещаются шеи впрягаемых в пахотное орудие волов. Веревочки, проходящие под шеями волов и привязанные к этим палочкам, называют в Вахане — «самдарч», «самбанд», а в Ишкашме и Гороне — «иргорбанд».

Дышло с ярмом соединяется при помощи тяжа, называемого в Вахане — «рег», в Ишкашме — «фырьюш», в Гороне — «отанг» (рис. 1, д). В дышле имеется несколько стверстей, в одно из них вставляют палочку-занозку (в Вахане — «килч», в Ишкашме — «такел», а в Гороне — «таджар»), удерживающую при пахоте петлю тяжа на дышле пахотного орудия.

Для выравнивания вспаханного поля и размельчения комьев земли в обследованном районе используются бороны трех видов. Бороны первого вида, представляющими собой толстую доску, прикрепленную к дышлу таким же способом, как и другие пахотные орудия, боронят при помощи пары быков. В Гороне и Ишкашме такая борона называется «говмола», в Вахане — «мулла».

Бороны второго вида — плетень-волокуша в форме квадрата (1,5×1,5) изготавливается из ветвей березы «руж» или из ветвей кустарника «ахман» или «сашло» следующим образом: берут раздваивающуюся ветку, и в развилку вставляют жердь толщиной 5—6 см, затем концы веток

¹⁰ «Тиш» — узбекское слово, означает «зуб». На рисунке дан чугунный наконечник малого размера; большого чугунного наконечника в обследуемом районе мы не нашли.

¹¹ «Курхуй» — название кишлага в Афганском Бадахшане, где производили чугунные наконечники, поэтому привозимые оттуда чугунные наконечники называли по имени того же кишлага.

¹² Х. Хаитмамадов, 71 г., Д. Хабибов, 57 л., жители кишлага Рын, колхоз им. Исмаилова Ишкашимского района ГБАО, М. Нурхаётов, 84 г., уроженец кишл. Зунг того же района.

связывают скрученными прутьями. На расстоянии 80 см от этой жерди снизу и сверху кладут еще по одной жерди и скрученными прутьями крепко привязывают их к основе¹³. Если нет под рукой раздваивающихся веток, то используют и простые ветки, которые кладут в ряд, а сверху прижимают их дополнительной жердью и крепко привязывают ветки тонкими скрученными прутьями. В Вахане такую борону-волокушу называют «нымузг», в Ишкашине — шыґмола», «лыхмола», а в Гороне — «шохмола».

В Гороне в борону-волокушу, как и в первый тип бороны (борону-доску), впрягают пару быков, а в Вахане и Ишкашине борону, к которой привязана длинная (4—5 м) шерстяная веревка, тянет по полю человек. Если борона оказывается слишком легкой, то на нее кладут 10—15 кг камней. Цель использования обеих борон — выравнивание поля после вспашки и размельчение оставшихся комьев земли для сохранения влажности.

Борона третьего вида очень проста и представляет собой большой веер, связанный из веток боярышника («зах» — в Вахане, «шукондок» — в Ишкашине) и применяется только для выравнивания холмиков по боркам оросительных борозд, проведенных на засеянных участках, чтобы во время полива борозды лучше пропитывались влагой и чтобы посеянные семена находились под хорошо взрыхленной землей до времени их прорастания. Последний вид бороны называют: в Вахане — «захнымузг», «чуйнымузг», «чуймолла», в Ишкашине и Гороне — «хормола».

По окончании посевного сезона бороны-волокуши, изготовляемые из ветвей, использовались на топливо.

При других земледельческих работах: копке, рыхлении, прополке, чистке арыков применяют кирку — «чок», которая бывает двух видов. Кирка первого вида, небольшая по размеру, состоит из металлического наконечника, от 10 до 13 см длиной, насаженного на загнутую деревянную ручку. Этот архаический тип кирки до сих пор встречается во всех районах Памира¹⁴.

У кирки второго вида наконечник имеет в широкой части отверстие, в котором закрепляли не загнутую, а прямую деревянную ручку. Кирки этих видов изготовлялись местными кузнецами, в настоящее время применяются и кирки заводского изготовления.

Для чистки арыков, кроме кирки «чок», применяли высокоцелимые в старину необработанные рога горного козла — «чонвар шох», «ранг шох». Из толстой части этого рога изготовляли также лопату-мотыгу, применявшуюся для различных сельскохозяйственных работ, в частности для размельчения комьев земли после вспашки. Для этого вида сельскохозяйственных работ употребляли также двухсторонний деревянный молоток, насаженный на длинную деревянную ручку (см. рис. 2, в середине). Такой молоток в Вахане называли «кытум», в Ишкашине — «батук», в Гороне — «чоки кылухзан».

В настоящее время в сельском хозяйстве повсеместно распространен кетмень заводского изготовления, ранее здесь не применявшийся. До присоединения Восточной Бухары, в том числе и правобережного Вахана, Ишкашима и Горона, к России железную лопату — «бел» привозили, как и чугунные наконечники, главным образом из Афганского Бадахшана. По сообщению наших информаторов, эта лопата была очень тяжелой и неудобной в употреблении. Приблизительная длина ее рабочей части была 20 см, ширина у основания — около 15 см, конец заострен¹⁵. Таких лопат в каждом кишлаке можно было найти до трех.

¹³ Ср. К. Ш а н и я з о в, Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк), Ташкент, 1964, стр. 49, рисунок (изображена такого же типа борона — «2»).

¹⁴ См. М. С. А н д р е е в, Указ. раб., стр. 47—49 и рис. 9.

¹⁵ Н. И. В а в и л о в, Земледельческий Афганистан, «Избранные труды», т. I, М.—Л., 1959, стр. 163, рис. 61.

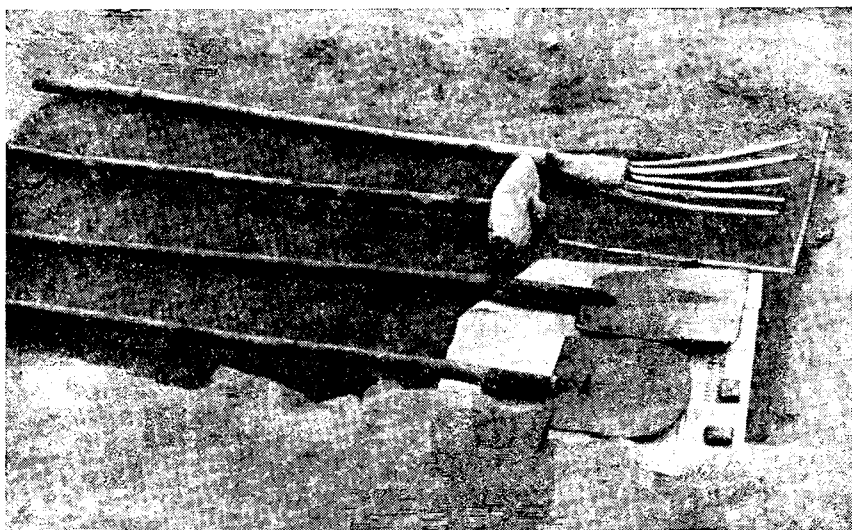

Рис. 2

Рис. 2. Сельскохозяйственные орудия к. Рын Ишкашима; снизу вверх: деревянная лопата — «варгфай»; деревянная лопата — «усирфай»; двусторонний деревянный молот для разбивания комьев земли — «чок»; деревянные вилы. Фото автора.

Рис. 3. Виды серпов (к. Рын, Ишкашим). Слева направо: 1—серп малый — детский, 2—4—серп большого размера — мужской; 5—7—серпы, переделанные местными мастерами из кос заводского изготовления. Фото автора.

В конце XIX в. среди местного населения стали распространяться приобретаемые у русских железные лопаты фабричного производства, постепенно вытеснившие бадахшанскую лопату. Местные мастера из этих лопат изготавливали изогнутые железные лопаты «чангык» или «чангак», используемые для прополки местного вида табака и других культур.

Лопаты заводского изготовления сейчас очень широко применяются при сельскохозяйственных работах и во время чистки арыков. В этих случаях к ручке лопаты привязывают две скрученные из тонких прутьев веревки длиной 1,5—1,7 м («анджан»). Работают таким инструментом одновременно два или три человека: один вгоняет лопату в грунт, а второй или второй и третий тянут за концы веревок, помогая первому работнику поднимать лопату с землей¹⁶.

Для проведения бороздок при поливе посевов зерновых и для других сельскохозяйственных работ употребляли главным образом деревянные

¹⁶ Изображение работы лопатой с анджаном см.: М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 46; также см.: Н. И. Вавилов, Указ. раб., стр. 64, рис. 9.

лопаты с очень длинными ручками, которые по своему назначению отличались друг от друга. Такая деревянная лопата называлась в Вахане «пый», в Ишкашме — «фай», в Гороне — «фи». Лопаты, изготовляемые из крепкого дерева — абрикоса, боярышника или арчи, известные в Вахане под названием «тыпычпый», в Ишкашме — «варгрфай», «хокобфай» в Гороне — «хоковфи», использовались во время полива, чистки арыков при закладке фундаментов домов и для разбрасывания удобрений на посевных землях (рис. 1, 3). Несколько большие по размеру лопаты, изготовляемые из березы, ивы, а также из абрикоса «сорпый» (Вахан) «усирфай», «дыркинфай» (Ишкашим), «фи» (Горон) используются при выеживании зерна на гумне, при очистке крыш домов от снега и т. д. В настоящее время эти деревянные лопаты постепенно вытесняются железными, но до сих пор еще продолжают использоваться кое-где при поливе.

Для удаления больших камней из арыков и с полей применяли бревно-рычаг¹⁷ — «арами чубин» (Вахан), «ором» (Ишкашим), «орамчуби» (Горон) длиной до 1,5 м, диаметром 8—10 см. В последние годы вместо этого примитивного орудия все чаще употребляется железный лом.

Для выкорчевывания корней, чистки деревьев в саду и для изготовления различных сельскохозяйственных орудий применяются топор, тесло и нож. Большой нож в Ишкашме называется «кызли», малый — «кел»; топор в Вахане — «тыпар», а в Ишкашме и Гороне — «тавар»; тесло в Вахане — «тарш», в Ишкашме — «петхын», а в Гороне — «чаптеша». Кроме топора и тесла, для выкорчевывания корней растений на целинных землях использовали сделанную из боярышника палку с заостренным концом, длиной около метра, а толщиной 4—5 см, так называемый «тезкан». С его помощью размягчали почву, после чего сильным рывком выдергивали растения.

Для жатвы хлебов и заготовки травы на сено используются местные серпы трех размеров: большие серпы с лезвием, длиной от 25 до 33 см, предназначены для мужчин. Их называют: «зитр», «луп зитр» (Вахан), «дур», «каттадур» (Ишкашим), «дос», «каттадос» (Горон); средние серпы с лезвием от 15 до 22 см — «миёна зитр» (Вахан), «дур миёна» (Ишкашим), «миёна дос» (Горон), предназначены для женщин; малые серпы с лезвием длиной от 10 до 15 см — «дзыклай зитр» (Вахан), «чит дур» (Ишкашим), «хыртеке дос» (Горон) предназначены для мальчиков и девочек. Большими серпами жнут пшеницу, ячмень, рожь, средними — все виды бобовых, малыми — траву (рис. 3, 1—4). Попутно отметим, что до середины XIX в. во всех видах сельскохозяйственных работ применяли малые серпы.

Для обрезки веток у плодовых деревьев садоводы в Ишкашме употребляют маленькие серпы с очень длинным (иногда до 6 м) деревянным черенком, называемые «доси шохбыр» (Горон), «поккынуку» (Ишкашим). В Вахане этот тип серпа отсутствует.

По сообщениям наших информаторов, завозимые до Великой Отечественной войны из России косы заводского производства по назначению не использовались, из них изготовляли ценные здесь лезвия серпов местного типа (см. рис. 3).

Необходимо отметить, что из-за дороговизны железа в прошлом столетии серпы изготовляли с маленькими лезвиями, как детские серпы нашего времени. После того, как железо из России, особенно после установления Советской власти, стало поступать в достаточном количестве, кузнецы на Памире стали изготовлять серпы с большими лезвиями, специально для уборки хлебов, бобовых и трав. Наши информаторы Хаитмамадов Х., Хабибов Дж. и Матшоев К. (108 л) из кишлака Рын сообщили нам, что вместо серпов, которых не хватало, употребляли изогну-

¹⁷ Такое же приспособление применялось и в бассейне р. Хингоу (М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Историко-географический очерк, Сталинабад, 1957, стр. 47, рис. 26).

тые рога горных козлов. Вогнутую часть рога оттачивали на камне, а основание делали достаточно тонким, чтобы было удобно его держать. Такими серпами из рогов не всегда можно срезать стебли зерновых во время жатвы, и нередко приходилось просто выдергивать стебли с корнем.

Орудием молотбы в Гороне и Ишкашме в основном продолжает быть борона-волокуша — «чапар» (рис. 4, а), в которую впрягают пару волов и гоняют их вкруговую по току до тех пор, пока разбросанные снопы не измельчаются.

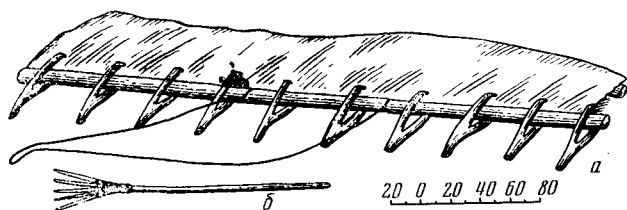

Рис. 4. Орудия молотбы: а — борона-волокуша для молотбы (к. Вранг, Вахан); б — вилы (к. Андароб, Горон)
Фото автора.

В Вахане (в кишлаках, расположенных выше кишлака Шихтавр) молотят способом «галагов», т. е. гоняют по разостланным на току снопам несколько быков, которые и вытаптывают из колосьев зерно. После 50-х годов здесь тоже появилась борона-волокуша, называемая «чыпар». Борону-волокушу вяжут из разветвляющихся ветвей, называемых в Вахане, Ишкашме и Гороне «говакчуб», в развилки их пропускают две жерди. Передняя длиной 4—5 м — «пырытшунг» (Вахан), «улодырк» (Ишкашим) — отстоит от задней, называемой в Вахане — «цбас шунг», «тырмис», в Ишкашме «чыпошт дырк», на расстоянии 40—50 см. В Гороне и передняя и задняя жердь называются «чапархода». Между жердями закладывают ветки какого-либо колючего кустарника, например, шиповника «чырир» (Вахан), «хор» (Ишкашим и Горон) — и привязывают их скрученными прутьями.

В наши дни борону-волокушу привязывают к трактору «Беларусь» и очень быстро обмолачивают ею хлеб. В Ишкашме, в колхозе им. Исмаилова обмолот производится при помощи комбайна.

Для обмолачивания колосьев, оставшихся после очистки гумна, используют валец — особую палку с ручкой, длиной около 60 см, называемую в Вахане, Ишкашме и Гороне — «джомчук»¹⁸.

Различные сельскохозяйственные работы (чаще всего веяние зерна и уборка сена) в Гороне и Ишкашме выполняются с помощью железных вил заводского производства и деревянных вил местного изготовления, которые очень сходны с вилами, распространенными в Шугнane и Дарвазе (рис. 4, б и рис. 2 — сверху).

В Вахане был распространен единственный (архаический) тип вил. Для их изготовления выбирали большую ветку длиной в метр и больше, с тремя-четырьмя веточками, которые после укорачивания служили зубцами. Чтобы зубцы стали крепче, ветку подогревали на огне, а затем с нее снимали кору. Для того чтобы придать всем зубцам одинаковое направление, вилы клали на землю, а зубцы придавливали тяжелым камнем и оставляли до высыхания. С помощью таких вил, считавшихся крепкими, выполняли наиболее тяжелые работы: поднимали большие снопы сена на крыши домов или же укладывали снопы на току «хирмане» и т. д. Прежде такой же тип вил существовал

¹⁸ См. рисунок в кн. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 141.

и в Ишкашме и в Гороне. Здесь же были распространены и вилы другого вида. Они состоят из двух частей: ручки — «даста» (в Горон «вад» — (в Ишкашме и Вахане) и зубцов — «шох» — сделанных веток кизильника — «ирги»). Вилы имеют пять зубцов, которые вставляются в отверстия специальной дощечки, прикрепленной к основанию ручки, а затем крепко привязывают ремешками из сыромятной кожи, называемыми в Ишкашме — «хом хашук», в Гороне — «дар хом кашидан» и завязками из коры — «дырыфок» (Ишкашим), «фидодж» (Горон). Зубцы могут быть также прибиты к основанию ручки деревянными гвоздями — «дыркин мех» (Ишкашим). Вилы этого типа, называемые в Вахане — «бун», Ишкашме — «уштевын», в Гороне — «панчшох», более прочные, чем вилы, сделанные иным способом в Шугане и Дарвазе используются при провеивании обмолоченного зерна.

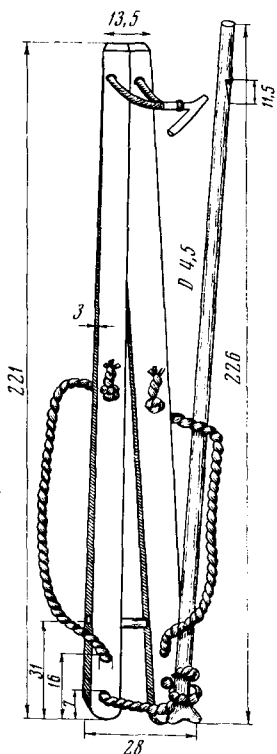

Рис. 5. Приспособление для переноски снопов — «кошт» (к. Андароб, Горон). Фото автора.

Ток очищают от размельченных колосьев стеблей веником, называемым в Вахане «сытырг», а в Ишкашме и Гороне — «шохджоруб «реф».

Для перевозки удобрений, семян, снопов сена и для других сельскохозяйственных работ на равнинных местах сейчас широко используют грузовые автомобили. В редких случаях грузы (в основном зерно) перевозят на осликах. В текишлаках, где транспорт использовать нельзя, колхозники, как и в старину, сами переносят удобрение, снопы хлеба, зерно, сено и пр.

Для переноса тяжестей на спине очень широко применяют специальное приспособление, называемое в Ишкашме — «кушт», в Гороне — «кошт», в Вахане — «кышт». С его помощью по всему Припамирью и Дарвазу переносят копны сена и снопы хлеба (рис. 5) ¹⁹.

«Кошт» состоит из основы, представляющей собой обтесанные доски, скрепленные деревянными гвоздями — «дыркин мех» (Ишкашим), «мехи чубин» (Горон), и длинной палки «кыштпад», «саркышти» (Вахан), «паскушт» (Ишкашим), «паскошти», «паскошт» (Горон), которой придают сложную форму на доски грузы. Нижний конец этой палки закреплен веревкой из скрученных прутьев — «бынкышти» (Вахан), «бынкушти» (Ишкашим), «отанги кошт», «анджан

ни кошт» (Горон), верхний — при помощи деревянного крюка «чахт» (Вахан, Ишкашим и Горон). Веревка из скрученных прутьев, пропущенная в просверленные в обеих досках круглые отверстия — «сырв» (Вахан), «сымбук» (Ишкашим), «смох» (Горон), одевается на плечи и называется: в Вахане «шывын», «каштбанд», в Ишкашме — «кушт ной банд», «кушт банд», в Гороне — «шонабанд». Нужно отметить, что с коштом работают только мужчины, а дети и женщины переносят снопы на плечах с помощью веревки, этот способ переноски тяжестей в указанной местности называется «пыштбора».

Удобрение переносят на спине в специальных корзинах небольшого размера «дзыклай выргышт» (Вахан), «чымуб» (Ишкашим), «качова хыртек» (Горон) или перевозят на осликах в больших корзинах — «луп выргышт» (Вахан), «катта чимуб» (Ишкашим), «катта качова» (Горон),

¹⁹ Ср. с рисунком в книге «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, стр. 139.

Попутно отметим, что, по сообщению наших информаторов, в прошлом ослов для перевозки удобрений не использовали, так как считали это дело неудобным богоу. Ослов использовали только для перевозки зерна или для верховой езды.

Солому мужчины переносят в специальной большой корзине на плечах, называемой в Вахане, Ишкашуме и Гороне «качыфч». Такие корзины очень распространены у припамирских народностей, в Дарвазе и в Каратегине.

Подводя итоги, отметим, что описанные выше сельскохозяйственные орудия ваханцев, ишкашимцев и горонцев представляют собой разнообразие соответствующих сельскохозяйственных орудий, используемых другими припамирскими народностями, таджиками Дарваза, Каратегина, Куляба и таджиками центральных районов Таджикистана и составляют единый среднеазиатский тип орудий²⁰. Сельскохозяйственные орудия этого типа распространены в Северном Афганистане до Гиндукуша²¹. Различия между сельскохозяйственными орудиями отдельных местностей незначительны. Так, основание пахотного орудия в Вахане изогнуто больше, чем основание его в Гороне и Шугнани; пахотные орудия Каратегина и Дарваза массивнее, чем в других районах. Отличия можно отметить и в устройстве плетня-волокуши — чапар и в деталях серпов и кошт.

²⁰ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», стр. 211, 550—553; К. Шаниязов, Указ. раб., стр. 49; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, «Труды АН ТаджССР», т. 28, Душанбе, 1960, стр. 33—39.

²¹ См. Н. И. Вавилов, Указ. раб., стр. 64, 161, 163, 172—186. К югу от Гиндукуша соха этого типа отмечена, насколько нам известно, только для долины Панджшира (М. С. Андреев, По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.), Ташкент, 1927).

Дж. Х. Кармышева

КАЗАХСТАНСКИЙ ИСТОРИК-КРАЕВЕД И ЭТНОГРАФ КУРБАНГАЛИ ХАЛИДИ

Курбангали Халиди

За последние два десятилетия в связи с развертыванием этнографических исследований в Средней Азии и Казахстане из дня в день расширяется круг не только полевых этнографических материалов, но и литературных источников. Извлекаются из архивов и библиотек неизвестные или малоизвестные записки, сочинения, забытые имена находят свое место в науке. К числу таких незаслуженно забытых имен относится имя казахстанского историка и этнографа Курбангали Халиди (Халид углы), имеющего немалые заслуги в изучении дореволюционной истории и этнографии казахов и ряда других народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Им написаны два интереснейших сочинения, изданные в Казани: «Тарих-и джарида-йи джадид» — «Новые исторические записки» (1889 г.), «Таварих-и хамса-йи шарки» — «Очерки истории пяти восточных народов» (1910 г.).

Курбангали Халиди не упомянут даже в обстоятельном труде Э. А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» (Алма-Ата, 1966). Основной причиной неизвестности этого автора надо считать чрезвычайную трудность языка его сочинений.

Язык «Таварих-и хамса-йи шарки» — турецкий с элементами татарского и староузбекского (чагатайского) языков. Это обстоятельство, усугубленное крайней насыщенностью текста арабизмами, приводит к тому, что книгу трудно читать без специальной подготовки.

Автор настоящей статьи ставит своей задачей обратить внимание специалистов на сочинения Курбангали Халиди, являющиеся важным историческим источником.

Биографические сведения о Курбангали Халиди разбросаны отдельными крупинками в его книгах и рукописях. Ряд фактов, дополняющих и уточняющих биографию этого ученого, был любезно сообщен нам тестем его внука Масуда Халиди Мухамеджаном Юсуповым. Он же подарил нам сохранившуюся у него фотографию К. Халиди. Автор считает приятным долгом выразить М. Юсупову свою глубокую благодарность.

Курбангали Халиди родился в ноябре 1846 г. в г. Аягузе (Семипалатинская область Казахской ССР) в семье торговца-татарина Халида, уроженца с. Урнаш-баши Казанского уезда. Мать его Биби-Афифа —

уроженка этого же села. В рукописях К. Халиди значится, что среди его предков был туркмен-баба (дед-туркмен)¹.

Халид смолоду вел торговлю с казахами. В дальнейшем он обосновался в Аягузском округе, где и родился Курбангали. Прожив в Аягузе около 30 лет, семья переехала на пограничную заставу Бахты, а затем в китайский город Чугучак — центр Тарбагатайского округа провинции Синьцзян².

Отца своего, прожившего более ста лет, Курбангали Халиди характеризует как человека широкой натуры, деятельного и весьма любознательного. Он пишет: «Так как переселение отца к казахам произошло немного спустя после смерти Аблай-хана, и близко к дням правления Абульфеиз-хана, то он видел жизнь казахов до присоединения их к России, знал деяния туркестанских и ферганских ханов, наместников, беков. Обо всем этом он подробно рассказывал нам. И мы позволили себе поместить в соответствующих местах наших очерков сообщенные им сведения»³.

Курбангали учился сначала в Аягузском медресе (построенном в 1850-х годах петропавловским купцом Муртаза Максудовым)⁴, затем в одном из семипалатинских медресе. Здесь он овладел арабским, персидским и турецким языками, что помогло ему в дальнейшем изучении истории, особенно восточных стран. Хотя в то время в медресе преподавались в основном религиозно-схоластические дисциплины, Курбангали сумел благодаря своим способностям и устремлениям получить известные знания и в области светских наук. Но тем не менее эта односторонность образования ограничивала его идейный кругозор и не позволяла ему подняться до понимания подлинной сущности происходящих на его глазах социальных процессов.

Кроме родного, татарского, Курбангали хорошо знал среднеазиатские тюркские языки, а казахским (возможно и уйгурским) владел в совершенстве. Об этом свидетельствуют приводимые в его работах многочисленные материалы по казахскому языку и образцы устного народного творчества. Судя по некоторым материалам в «Таварих-и хамса», Курбангали знал также русский разговорный язык, но грамотой русской, по видимому, не владел.

¹ Научная библиотека Академии наук Казахской ССР, рукописный фонд, д. 1439/1, л. 131 об.

² Чугучак, основанный, судя по преданиям, в начале второй половины XVIII в., после уничтожения китайцами Джунгарского ханства, в XIX в. стал играть важную роль в торговле между Китаем, Казахстаном и Средней Азией, а вскоре и в торговле между Китаем и Россией. В 1852 г. в нем открылась русская фактория, а с 1853 г. — русское консульство. Китайское и дунганское население Чугучака проживало в центре города, окруженном крепостной стеной. Выходцы из Средней Азии (в основном узбеки из Бухарского и Кокандского ханств) обосновались за городской стеной на отведенном им участке. Русские подданные (в основной массе купцы из татар, русских и т. д.) останавливались в русской фактории, расположенной близ узбекской слободы «Сарт-курган». Казахские роды начали возвращаться в Тарбагатай вскоре после занятия края китайцами. Широко участвуя в торговле, казахи проживали и в городе, чему в известной степени способствовали смешанные браки с узбеками и татарами. Торговцы из Кашгарии жили обособленной группой, и в конце XIX в. имели свою мечеть, своего аксакала и казия.

В начале XX в. в Чугучаке было семь мечетей, более 400 магазинов и лавок (около одной трети их принадлежало российским подданным, остальные — кашгарцам, дунганам и китайцам), более 40 мельниц и т. д. (в «Таварих-и хамса» истории и жизни Чугучака отведено около 30 страниц).

³ «Таварих-и хамса-йи шарки», Казань, 1910, стр. 17—19. Текст везде переведен автором.

⁴ Об этом медресе автор сообщает, что при сыне мударриса Мухаммед-Садыка Шейхуль-исламе, вызванном из Кышкара (Казанский уезд) после смерти отца и заступившем на его место, медресе «опустилось» до уровня школы, а после смерти последнего (1889 г.) перестало быть даже школой и пришло в полное запустение («Таварих-и хамса», стр. 411).

Жизнь в непосредственном общении с казахами, уйгурами и представителями других народов породила в Курбангали, отличавшемся той наблюдательностью и тягой к знаниям, мысль о необходимости систематического сбора всевозможных сведений по истории и образу жизни этих народов. Он часто посещал казахские аулы и разные города края в дальнейшем специально ездил собирать материалы и непосредственно на местах изучал общественную жизнь и быт населения, заводил знакомства со сведущими людьми. Знание языка, обычаев и нравов казахов, уважение к людям самых различных кругов, с которыми он встречался, помогали К. Халиди быстро завоевывать доверие местного населения.

Большое значение придавал К. Халиди сбору и обработке генеалогий и других устных исторических сведений о народах, не имевших своих письменных источников. Однако он подходил к источникам такого рода с осторожностью и считал необходимым проверять содержащиеся в них данные материалами, полученными другими способами.

В 1874 г. Курбангали-кари⁵ стал имамом одной из мечетей г. Чугучака и оставался в этой должности до конца своей жизни, т. е. до 14 марта 1913 г. С 1881 г. он стал также и судьей (кази) для мусульманской части жителей города и окрестных степей, за исключением дунган, которые имели свою соборную мечеть, своего имама и кази.

Хотя Курбангали жил вдали от культурных центров российских мусульман, он не был оторван от культурной жизни своего времени; ученый регулярно выписывал книги, газеты и журналы, издававшиеся в России в конце XIX и начале XX в. на тюркских языках. Особенно любил он читать журнал «Шуро», который с 1908 по 1917 гг. выходил два раза в месяц в Оренбурге на татарском языке. Курбангали переписывался с ответственным редактором этого журнала известным историком Ризааддином Фахреддиновым. Он выписывал историческую литературу и периодические издания также из Стамбула.

Незнание русской грамоты лишало Курбангали возможности прочесть труды русских востоковедов того времени в оригинале. С ними он знакомился лишь через татарскую печать, главным образом периодическую. Однако достижения русской ориенталистики стали отражаться в татарской литературе лишь с начала XX в., т. е. в последние годы жизни К. Халиди. В «Таварих-и хамса», объясняя происхождение названий городов Баласагун и Кашгар, он упоминает о своей встрече с Н. Ф. Катановым. В одном месте упомянутой работы он пишет: «Выше, в разделе о Дурбунджуне, следуя Катанову, я писал, что Губалык — это Урумчи, а Баласагун — Кашгар. При всем моем преклонении перед знаниями Катанова в исторических и географических науках, я в данном случае сообразил, что он говорит, основываясь на сведениях, доставленных упомянутыми выше господами-путешественниками, и не сумел дать изложение истинных и достоверных сведений. В то время у меня не было под рукой равносильного его доводам аргумента, и я был вынужден умолчать, не сказав ни да, ни нет. И вот только теперь я сумел написать об этом правду»⁶. В других местах «Таварих-и хамса» Курбангали упоминает академика В. В. Радлова и А. Вамбери и как бы в ответ на их мнение по тому или иному вопросу излагает свои соображения. По какому переводам он читал труды этих востоковедов — остается неизвестным. Возможно, он познакомился с ними по турецким переводам или же через татарскую печать.

Неотъемлемую сторону деятельности Курбангали составляли путешествия. Его сообщения по географии и топонимике края, по истории городов, укреплений и крупных поселений основывались, главным обра-

⁵ Кари — титул человека, знающего наизусть Коран; букв. чтец.

⁶ «Таварих-и хамса», стр. 677—680.

зом на личных наблюдениях и беседах с местным населением, а также на составленных им самим летописных материалах обо всех политических, военных и других событиях в жизни отдельных районов и городов. Он пользовался также услугами и отдельных лиц, которые в письменной форме предоставляли ему сведения по разным интересовавшим его вопросам. В частности, житель г. Каркаралинска (Каркаралы) мулла Юлдашбай Джаухари (родом из Бухары) прислал ему обстоятельное описание географических условий, экономики и истории города и округа Каркаралы⁷. Эти же данные были использованы им для характеристики гипсометрических особенностей Центрального Казахстана и объяснения генезиса его названия «Арка»⁸. Изредка в руки Курбангали попадали литературные источники и документы, проливающие свет на отдельные моменты истории того или иного народа или характеризующие деятельность его правителей.

В 1897—1898 гг. Курбангали совершил паломничество в Мекку и Медину с заездом в столицы нескольких стран Западной Европы, а также во многие города Ближнего Востока. Путевые заметки, а также воспоминания об этом путешествии, составляющие 90 страниц, включены им в «Таварих-и хамса». В них содержатся разнообразные сведения и любопытные сравнительные материалы, главным образом из области этнографии и терминологии.

По пути на хадж⁹ в 1897—1898 гг. он познакомился в Стамбуле с одним из наиболее передовых просветителей Турции того времени историком Ахмедом Мидхатом и имел с ним беседы, которые обогатили его знания в области истории и других гуманитарных наук.

Курбангали был предельно скромным человеком. Он умел высоко ценить услуги других людей, например своих информаторов, многие из которых были знакомы с ним лишь заочно¹⁰.

Первую свою работу «Тарих-и джарида-йи джадида» Курбангали написал на основе путевых записок и материалов, добытых во время путешествия, предпринятого в 1885 г. из Чугучака в глубь Восточного Туркестана, вплоть до г. Куны-Турфан.

В этом сочинении (объем 71 стр.), написанном на книжном турецко-татарском языке, дана краткая географическая и историческая характеристика встречавшихся автору населенных пунктов и их окрестностей, описаны занятия населения; объясняются отдельные топонимы и местные термины. Особое внимание уделено таким архитектурным сооружениям и памятникам, как гробницы, мечети и иные «святые» объекты, а также жизнеописаниям самих «святых», почерпнутым из уст местных ученых богословов, старых книг и документальных источников, представленных в распоряжение автора хранителями мазаров и местным духовенством. Самым примечательным из описанных объектов, несомненно, является гора близ г. Турфан; здесь в пещере, по преданию, в древние времена нашли приют семь «святых» отроков (асхаб-и кахф).

В предисловии к книге Курбангали сетует на то, что население Алтышара¹¹, подвергавшееся со времени принятия ислама бесконечным нападениям и перенесшее бесчисленные мятежи, раздоры и иные испытания, совершенно не знает истории своей страны.

⁷ «Таварих-и хамса», стр. 428, 445.

⁸ Там же, стр. 482.

⁹ При всей его набожности, неизвестно, входил ли он в какой-нибудь из действовавших в то время суфийских орденов. Судя по тому, что ни в изданных книгах, ни в рукописях К. Халиди не обнаружено ничего, что указывало бы на его принадлежность какому-нибудь суфийскому ордену, можно полагать, что он ни в одном из них не состоял.

¹⁰ «Таварих-и хамса», стр. 4, 228—229.

¹¹ Алтышар (Кашгария, Малая Бухария) — букв. Шестиградье — область Восточного Туркестана, управлявшаяся из шести административных центров: Кашгар, Янсыр, Якенд, Хотан, Аксу и Уштурфан.

Ознакомившись с содержанием одной вакуфной грамоты, Курбанли установил, что г. Турфан в прошлом был столицей и местопребыванием султанов. В те времена в городе были и историки-летописцы, однако их книги исчезли в периоды междоусобиц и войн с чужеземными хатчиками.

Содержащиеся в этой книге К. Халиди сведения безусловно могут послужить ценным материалом как для историков и этнографов, так для археологов.

Курбангали стал известен как историк благодаря своей второй книге «Таварих-и хамса-и шарки», законченной в 1909 г. О ней в некрологе к кончине автора, опубликованном 15 марта 1913 г. в журнале «Шур» (№ 6, стр. 163), сказано: «В 1910 г. в Казани вышла из печати и распустилась его вторая, большая «История» под названием «Таварих-и хамса-и шарки», посвященная восточным тюркам... Книга эта, если исключить отдельные элементы, относящиеся к области мифологии и поверий, поистине прекрасный труд. В ней много весьма полезных и нигде больше не встречающихся сведений. Книга свидетельствует об ученых достоинствах автора, о чистоте и свободе его мысли и разума».

Отдельные части этой книги посвящены истории Ферганского (Ферганского) ханства, Алтышара, казахского и киргизского народов, калмыков-джунгар. Наиболее значительная как по объему, так и по содержанию часть посвящена казахам. Большой раздел в книге составляют дополнения, в которых приводятся масса сведений по истории и географии Казахстана и Восточного Туркестана, по истории городов, а также материалы по этнографии и истории казахов, дунган, чалаказак¹² и других народов. Относительно названия книги и ее основного содержания автор говорит: «Хамса» («Пятирица») и «Таттима» («Дополнения») составляют одну книгу, однако в «Хамса» изложены основные, первичные сведения о пяти главных группах¹³, а в «Таттима» приводятся данные о некоторых городах, основанных до 1300 г. (т. е. 1882—1883 гг. по христианскому летоисчислению.— *Дж. К.*), а также о событиях, происшедших в течение ряда лет и после этой даты — до самого момента написания нашей книги. Поэтому мы разделили их (эти материалы.— *Дж. К.*) на две, а с «Приложением» «Такмиля» — на три части. Ищущий основу какой-либо информации пусть обратится к «Хамса», ищущий сведения по частным, второстепенным вопросам — к «Таттима», а кому нужны сводные данные — к «Такмиля». В связи с тем, что в «Такмиля» дано подробное изложение истории восточных народов, к названию «Хамса» мы присоединили определение «шарки», отчего получилось название книги «Хамса-и шарки» — «Восточная пятирица»¹⁴.

По определению самого К. Халиди, его труд в основе своей представляет сборник материалов. Обращает на себя внимание чрезвычайная широта интересов автора и его исследовательский подход к освещаемым вопросам. В частности, этнографическое явление он не просто описывает как посторонний наблюдатель, а анализирует, стремится постичь эти явления в динамике, в историческом развитии.

Принцип историзма и аналитический подход к освещаемым явлениям прослеживаются в разделах, посвященных отдельным вопросам.

Следует особо отметить объективность автора в изложении фактов и событий, стремление дать им логически обоснованное объяснение. Приводя этнографический материал, он проявляет понимание духа народа

¹² Чалаказики — особая этническая группа, образовавшаяся от браков пришлых узбеков и татар с местными казашками. У К. Халиди им посвящен специальный очерк («Таварих-и хамса», стр. 384—391).

¹³ В «Пятирицу» в качестве одной из пяти основных ее единиц автор включает сословие «тюре», рассматривая его как особую группу, не родственную по этническому происхождению коренному населению края, и имеющую свою особую генеалогию («Таварих-и хамса», стр. 266).

¹⁴ «Таварих-и хамса», стр. 288

уважение к его культуре, обычаям и нравам, глубокое понимание взаимосвязи исторических судеб каждого народа с условиями его жизни и особенностями быта.

Оценивая культурный уровень и умственные способности казахов, Курбангали пишет: «Мудрецы делят ум на две категории и одну из них называют природным умом (в отличие от ума, приобретенного через науку.— *Дж. К.*). У казахов ум, хотя и не приобретен через науку, т. е. хотя они и не изучали этики и правил поведения, но своим рассудком и умом прекрасно отличают доброе от дурного. Поэтому их не следует называть дикими кочевниками, а будет правильно и уместно называть людьми природной культуры». Далее, в подтверждение этой мысли приведены стихотворные изречения:

«Престиж родины не влияет на способности личности,
Как с золота не сходит блеск от лежания в пыли,
Как невежда не станет совершенным от проживания в городах
Так мудрец не станет неучем от скитаний в пустынях.
Сколько горожан мы видим с обликом дикаря
И сколько кочевников видим с мудростью Платона»¹⁵

К трактовке некоторых вопросов и объяснению причин отдельных явлений автор как правоверный мусульманин и ученый богослов, разумеется, подходит с позиций проповедника ислама, проявляя подчас односторонность и придавая слишком большое значение роли религии. Но вместе с тем мы встречаемся в его сочинении и с глубоко отрицательным отношением к деятельности «духовных наставников» казахского народа — невежественных самозванных мулл из татар и «законных» указных мулл. В специальном параграфе дана правдивая, разоблачающая характеристика этих служителей культа и сделана попытка объяснить все возрастающую ненависть к ним со стороны населения.

Читая его полное глубокого возмущения и боли повествование о муллах, нельзя не заметить, как голос К. Халиди перекликается с еще более гневным, протестующим и требовательным голосом его предшественника, казахского ученого-ориенталиста, просветителя и демократа Чокана Валиханова, который пишет о том же бедствии в своем труде «Записка о судебной реформе»¹⁶.

Оба автора, говоря о тлетворном влиянии невежественных татарских мулл, призванных царским правительством для «просвещения» казахского народа, одновременно требуют изъятия из сферы их деятельности такого важного общественного дела, как брак и развод, и передачи его суду биев, как это было раньше¹⁷. Ч. Валиханов умер за 30—40 лет до того, как была написана книга К. Халиди; уже после его смерти Область сибирских казахов вышла из-под ведения муфтия, институт указных мулл был упразднен. Однако и после этого, по свидетельству К. Халиди, дело с народным просвещением и «духовным воспитанием» в степи лучше не стало.

Что же касается вопросов о вере казахов, необходимости проведения реформ в религиозной области, то здесь взгляды этих двух авторов диаметрально противоположны. Они расходятся в определении религиозной принадлежности казахов. К. Халиди считает их «в полном смысле мусульманами с крепкой верой и твердыми убеждениями»¹⁸. В пользу идеи об истинном мусульманстве казахов он приводит такой довод: «...говорят, что из-за отсутствия мечетей и школ они слабы в вере. Но отсутст-

¹⁵ «Таварих-и хамса», стр. 215, 216.

¹⁶ Ч. Ч. В а л и х а н о в, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 518, 519.

¹⁷ Там же, стр. 513; «Таварих-и хамса», стр. 168, 170.

¹⁸ «Таварих-и хамса», стр. 165.

вие языческих храмов (бутхана — идолохранилищ) и кабаков покрывает эти два недостатка»¹⁹. Тут проявилось незнание автором различий между шаманством, которому не свойственно возведение идолохранилищ, и буддизмом и ламаизмом. К тому же, говоря о казахах-кочевниках как о мусульманах, у которых в социальной жизни и идеологии болшее место занимало обычное право, К. Халиди исходит лишь из «крепости веры». Он не считает для них обязательным следование шариату общественной и семейной жизни и исполнение всех молитв и мусульманских обрядов. Что же касается Ч. Валиханова, то он полагал, что казахи так называемой Области сибирских киргизов «до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени... Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами (в данном случае имеют в виду казахи.— Д.ж. К.) и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешней приказности»²⁰.

К. Халиди, закрывая глаза на очевидное несоответствие догм ислама и требований шариата древним традициям казахов, считал, что казахов надо вводить в лоно ислама постепенно, умело приспособлявая к их образу жизни, к нормам их взаимоотношений и обычного права, психологии и т. д. Валиханов же, убежденный противник религиозного одурманивания пробуждающегося народа любым вероучением, требовал максимального ограничения наступательного движения ислама в степи и выдвигал ряд практических мероприятий по духовному управлению казахской степи:

1) отделить казахов от ведомств Оренбургского муфтия и назначить им особого областного ахуна;

2) в звании мулл утвердить коренных казахов;

3) назначать не более одного муллы в округах, а в волостях эту должность упразднить и т. д.

Однако, как показал ход событий в дальнейшем, и эти мероприятия не принесли желаемых результатов — казахи продолжали прозябать в невежестве и «оставаться в двоеверии», по выражению Ч. Валиханова или, по словам Халиди, между двух законов: обычного права и шариата.

К. Халиди обладал самой ценной для историка-летописца чертой — умением реалистически смотреть на происходящие события и стремлением дать им объективную оценку. От него не ускользают такие острые моменты жизни современного ему общества, как вопрос о религии казахов, все усугубляющиеся социальные противоречия и т. д. Широта кругозора и ясность ума позволили Курбангали преодолеть ограниченность круга интересов, характерную для рядового представителя татарского духовенства.

К. Халиди интересуется языком каждого народа, с которым он знакомит читателя. Особо останавливается он на лексике и терминологии и, опираясь на свои знания тюркских языков, а также арабского и персидского, делает попытки, большей частью весьма удачные, объяснить этимологию или происхождение тех или иных слов и терминов. Нельзя, однако, не отметить того, что автор иногда преувеличивает значение арабского языка в обогащении лексики казахского языка, особенно в выработке терминов.

Основная масса этнографических и исторических сведений и материалов, приведенных в указанном сочинении К. Халиди, относится к казахам.

Во вступлении к главе, посвященной генеалогии и истории казахов, Курбангали сообщает читателю, что его побудило к написанию этой ра-

¹⁹ «Таварих-и хамса», стр. 218.

²⁰ Ч. В а л и х а н о в, Указ. раб., т. I, стр. 518.

боты отсутствие специальных сочинений по истории казахов. «В силу этих обстоятельств сей бедняк, — пишет он, — приложив большое усердие, в течение двадцати с лишним лет самоотверженно собирал сведения, имеющие отношение к данному вопросу, подбирал соответствующие литературные источники, систематизировал все это и (в конечном итоге. — Дж. К.), сняв сливки с них, поместил в этой книжке. Насколько удачным получился наш тяжкий труд — будет видно здравомыслящим после его опубликования»²¹.

В разделах книги, посвященных истории казахов, автор освещает следующие вопросы: предания об именах *алаш, узбек, казак, ногай*; о наименовании «жуз»; об уранах; о единстве и позднейшем разделении ногаев и казахов; о генеалогии казахов; об археологических и архитектурных памятниках на территории Центрального и Северного Казахстана; о Чингис-хане и его потомках; о казахских ханах; об Аблай-хане; Абульфеиз-хане; об Асан-ате и его изречениях; о выборах ханов; о тюре и туленгутах; о присоединении казахов Среднего жуза к России и основании административных округов, укреплений и городов; об истории образования этнической группы чалаказак; о деятельности в степи татарских самозванных и указных мулл и др.

Топонимический материал по Казахстану рассматривается в непосредственной связи с физической и исторической географией страны, а также с особенностями языка. Казахскому языку, поэзии, специфическим особенностям речи и т. п. в книге отведены десятки страниц.

Этнографические очерки Курбангали по казахам большей частью касаются духовной культуры (обычаев, обрядов, верований, народных знаний, поэзии и др.). Встречаются также интересные данные по материальной культуре (например, целый параграф, посвящен кумысу). В книге приведены ценные сведения об одежде, утвари, скотоводческом хозяйстве. Большой интерес представляют данные о расселении и генеалогии отдельных групп. Достойны внимания и высказывания по методике сбора исторических и этнографических полевых материалов.

Весьма подробно описан обряд сватовства и свадьбы. Это семейное празднество казахов изучалось многими этнографами до К. Халиди и после него. Естественно, что каждый из исследователей, занимавшихся этим вопросом, в своем сочинении подчеркивает те моменты, которые, с его точки зрения, заслуживают большего внимания. В частности, известный казахский просветитель, педагог и этнограф Ибрай Алтынсарин в описании как свадебного, так и погребального обряда особое внимание обращает на экономическую сторону, стремится показать отрицательные, пережиточные элементы в них. Так, сравнивая стоимость калыма и приданого, он поясняет, что стороны жениха и невесты несут почти одинаковые расходы. Однако с хозяйственной точки зрения стоимость приданого обычно ничтожна по сравнению с калымом, ибо невестка приносит в дом свекра вещи, хотя и дорогостоящие, но не имеющие первостепенного значения в повседневном быту. К тому ж почти половина этих вещей вскоре по прибытии молодой в дом свекра (мужа) переходит к родным мужа, внесшим свою долю в уплату калыма²².

К. Халиди рассматривает размеры калыма во всех вариантах, пропорциях и эквивалентах. Он обстоятельно освещает обрядовые подробности казахской свадьбы, сравнивая их со свадебными обрядами у татар, уйгур и узбеков. В «Таварих-и хамса» сказано, что у казахов «не в обычае ухаживать за женихом, оказывать ему почет и уважение и угощать его (как это свойственно татарам. — Дж. К.). Даже хуже того, если заметят со стороны жениха малейшую невежливость, то тетки невесты

²¹ «Таварих-и хамса», стр. 140.

²² И. Алтынсарин, Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отдела РГО», Казань, 1870, вып. 1, стр. 113, 116.

могут оскорбительно обругать его... и даже дать ему пощечину»²³. Далее приведено признание известного тогда Барак-батыра о том, как туго ему пришлось при первом посещении невесты: «Не трусил я, когда оставался один в окружении несметных врагов; но когда женихом ездил к невесте и увидел толпу женщин, идущих на меня, у меня сердце дрогнуло. Потому что с врагом биться можно, а перед женщинами нельзя ничего сделать, кроме как, согласно обычаю, стоять, склонив голову»²⁴.

Отмечая сущность свадьбы как сделки между родителями жениха и невесты, К. Халиди говорит: «Хотя невесту провожает каждый соответственно своему достатку — богачи по-богатому, бедные по-бедняцки, но первейшим условием у всех является отправление невесты с приданым, соответствующим полученному калыму. Если приданое окажется не соответствующим калыму, это может вызвать обиду и даже скандал»²⁵. Это свидетельство К. Халиди имеет большое значение для теоретической разработки проблемы о сущности институтов калыма и приданого. Оно показывает, что мнение о большем размере калыма (по сравнению с приданым) у кочевников, в частности у казахов²⁶, должно быть пересмотрено.

Рассматривая размеры и состав приданого у богатых невест, К. Халиди указывает, что главный предмет приданого саукеле (головной убор невесты и новобрачной) уже почти исчез; его заменяют теперь швейной машиной, самоваром и тому подобными вещами²⁷. У Алтынсарина, поскольку его сведения относятся к более раннему периоду, саукеле еще фигурирует как главная ценность в составе приданого.

На материале этих двух авторов прослеживается постепенное отмирание еще одного древнего элемента свадебного ритуала, а именно: поклонения огню, в который новобрачная подливает масла по прибытии в аул мужа и вступление в дом свекра. И. Алтынсарин пишет: «Как только она (новобрачная.— *Дж. К.*) вошла (в юрту свекра.— *Дж. К.*), — тот час же обязана сделать коленопреклонение (салем) три раза до очага затем на разложенный посередине кибитки огонь должна вылить поданный ей в эту минуту ковш сала»²⁸. К. Халиди же об этом акте говорит «В недалеком прошлом было у них в обычае подливать масло в огонь (по прибытии в дом свекра.— *Дж. К.*) и поклоняться этому огню; но в настоящее время этот безобразный обычай отпал»²⁹.

К. Халиди приводит полный цикл бытовавших в ту пору свадебных песен («Жар-жар» и «Беташар»), записанных им из уст известного акына Асета. Вслед за описанием свадьбы он рассказывает о выделении женатых сыновей с выдачей им «енши» (надела), о передаче замужним дочерям причитающихся им енши, о значении для всех детей родительского дома, который наследует самый младший сын, и особо о положении невестки в семье³⁰.

С подлинным мастерством Курбангали описывает сложные обряды похорон, проведения траурного года и поминок по умершим³¹. Эти обряды описаны многими авторами, но по всесторонности, глубине содержания и анализу материал К. Халиди уступает разве только великолепным описаниям этих обрядов в казахской художественной литературе. Курбангали отмечает древность обычая устраивать пышные поминки. Он пытается вникнуть в причины возникновения этого обычая. Он приз-

²³ «Таварих-и хамса», стр. 512.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 513.

²⁶ См. подборку материала в книге Н. А. Кислякова «Семья и брак у таджиков» (ТИЭ АН СССР, нов. сер., т. XLV, М.— Л., 1959, стр. 157—159).

²⁷ «Таварих-и хамса», стр. 514.

²⁸ И. Алтынсарин, Указ. раб., стр. 115.

²⁹ «Таварих-и хамса», стр. 519.

³⁰ Там же, стр. 514—522.

³¹ Там же, стр. 491—501, 670—672.

нает, что поминки служат как бы показателем богатства усопшего и его детей, от которых, как и от других родственников, они требуют больших затрат и усилий. Автор подробно описывает скачки, являвшиеся неизменным и самым дорогостоящим компонентом поминок по состоятельному или знатному мужчине, ибо на скачках победителям назначаются баснословно дорогие призы. Автор отмечает, что «приз большей частью назначается из девятки... Если началом девятки является жамбы (слиток серебра) или верблюд, то к нему присоединяют еще восемь голов скота или восемь вещей...»³².

К. Халиди полагает, что обычай устраивать поминки со скачками, когда собирается очень много людей, живущих разобщенно, небольшими группами, способствует их сближению, устранению раздоров и конфликтов и т. д.

Проследивая эволюцию поминок, К. Халиди отмечает, что у казахов — это строго соблюдаемый и тщательно справляемый древний обычай. Он усердно исполнялся до и после 1200 г. хиджры (1785—1786 гг.) и особенно в 1280—1300 (1863—1882) годах... Однако в конце столетия (1200 г. хиджры) и начале 1300-х годов племена аргын и алшын упразднили этот обычай; у найманов тоже после 1300 г. поминки стали устраивать все реже и реже...³³. Одной из причин изживания поминальных обрядов К. Халиди считает ослабление в ту пору сплоченности между людьми в связи с изменившимися условиями общественной жизни (борьба за власть, т. е. споры и распри за должность волостного правителя, появление конкурирующих партий и т. п.). Другую причину он видит в усилении влияния мулл, которые «впадая в алчность, стали давать заключение о недозволенности поминок и раздувать этот вопрос; всякими неуместными сравнениями и суждениями они прожужжали уши народных масс...»³⁴. Сам К. Халиди придерживается нейтральных позиций; «Обычай устраивать поминки... существует у всех народов... Так, почему же некоторые наши муллы считают недозволенным делом поминки у казахов и ничего не говорят о поминках у татар и сартов?... Их доводы и претензии бессильны сдвинуть с места вопрос и решить его с принципиальных позиций: поминки или должны быть дозволены всем или запрещены для всех. Следовательно, мы не осуждаем тех, кто устраивает поминки, и не поощряем тех, кто этого не делает, ибо и тем и другим путь открыт...»³⁵.

О том, что же побудило его написать об этом общеизвестном и повсеместно распространенном обычае, К. Халиди сообщает так: «... на протяжении последних 15—20 лет он идет к упадку и во многих местах вовсе оставлен. Основываясь на этом, можно предположить и даже ожидать, что через некоторое время он во всем Казахстане останется как особая статья обычного права, еще дальше — отойдет в область преданий и легенд и в конце концов полностью исчезнет и сотрется в памяти людей. Поэтому, ввиду очевидности такой судьбы у этих явлений, будет небесполезным оставить подобные записи старины. Умные люди, пожалуй, нас за это не осудят»³⁶.

³² В своей работе «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства», опубликованной в «Записках Оренбургского отдела РГО» (Казань, 1870, вып. 1, стр. 120), И. Алтынсарин также особо подчеркивает разорительность поминок и приводит пример: «...на поминках одного известного мне богача зарезано было до 100 лошадей и более того баранов, употреблено 30 пудов сорочинской крупы (риса) и 10 пудов кишмишу; гостей же было столько, что они помещались в 200 кибитках; кроме того, на призы при скачке: первой лошади было назначено 40 лошадей и 4 верблюда и т. д.».

³³ «Таварих-и хамса», стр. 499.

³⁴ Там же, стр. 500.

³⁵ Там же, стр. 501.

³⁶ Там же, стр. 500.

Казахскому народному календарю, теснейшим образом связанном с кочевым скотоводческим хозяйством, автор отводит 13 страниц в своей книге. Он подробно объясняет счет месяцев и наличие хозяйственно важных и «критических» дней в каждом месяце, связываемых с моментами встречи (совмещения) Луны с созвездием Плеяд («тогам») и другими небесными явлениями. Казахский календарь К. Халиди сравнивает с народным календарем других народов, он приводит предания, поговорки, отдельные выражения на казахском и персидском языках, имеющие отношение к счету месяцев.

Объем статьи вынудил нас ограничиться лишь беглым изложением содержания очерков и записей К. Халиди по этнографии казахского народа. Было бы целесообразно опубликовать их полностью в переводе на казахский и русский языки.

* * *

Изучение истории и этнографии казахского народа, где еще имеется немало белых пятен, требует выявления и исследования всех имеющихся литературных и документальных источников. Причем особо ценными могут оказаться источники, оставленные местными авторами, ибо они, как правило, содержат много фактического материала, летописных данных, генеалогических сведений. Эти сведения, как и вообще все духовное наследие прошлого, требуют, разумеется, сугубо критического отношения к себе, изучения их со строго научных, марксистских позиций. К числу таких источников и относится книга Курбангали Халиди «Очерки истории пяти восточных народов» — свод разнообразнейших данных по различным областям современной ему жизни (вторая половина XIX — начало XX в.) казахов и ряда других народов и этнических групп.

Благодаря тщательному сбору устных и письменных источников К. Халиди удалось обстоятельно осветить историю и этнографию казахского народа. Хотя автор принадлежал к сословию мусульманского духовенства, он, как историк, сумел подняться на голову выше уровня своих коллег и выйти далеко за рамки ограниченности рядовых служилей культа. При умелом использовании материалов К. Халиди хорошо подготовленный исследователь сможет извлечь из них большое количество интересных и нужных сведений.

А. В. Б л ю м

**ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ «ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
В ОЦЕНКЕ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ**

(ПО ДОКУМЕНТАМ
«КОМИТЕТА 2-го АПРЕЛЯ 1848 г.»)

«Губернские ведомости», которые начали повсеместно выходить с 1838 г. и в течение долгого времени были единственными органами провинциальной прессы, постоянно привлекали к себе внимание самых различных специалистов по истории русской культуры. Большой интерес они представляют и для этнографов и фольклористов в связи с публикацией на страницах так называемой «неофициальной части» «Губернских ведомостей» исследований местных краеведов, а также записей народных песен, сказок, легенд, пословиц, загадок. Блестящую характеристику фольклорно-этнографического материала, помещенного в первых газетах русской провинции, дал М. К. Азадовский, заметивший, что «... местные губернские ведомости явились как бы неким резервуаром местных интересов и сохранили на своих страницах ценнейшие материалы, сообщенные местными собирателями и бытописателями, тем более ценные, что часто имели уникальный характер»¹.

С «Губернскими ведомостями» произошла весьма типичная для многих правительственных мероприятий царской России трансформация. Очередная бюрократическая затея правительства, решившего «даровать временную печать» русской провинции, была использована демократическими кругами местной интеллигенции для более глубокого и всестороннего освещения жизни народа. Активнейшее участие в губернских ведомостях дореформенной России приняли многие выдающиеся деятели русской культуры — А. И. Герцен (в вятских и владимирских), М. Е. Салтыков-Щедрин (в рязанских), К. Д. Ушинский (в «Ярославских губернских ведомостях») и политические ссыльные (особенно петрашевцы в «Иркутских губернских ведомостях»).

Разумеется, такое нежелательное расширение программы «Губернских ведомостей» не могло пройти мимо внимания цензуры. За ними был учрежден тщательный и постоянный надзор. В архивах царской цензуры сохранилось довольно большое количество документов, рассказывающих о карательных мерах, направленных против публикаторской деятельности местных собирателей.

Наибольшее количество репрессий падает на эпоху печально знаменитого «Комитета 2-го апреля 1848 г.» (1848—1855), созданного Николаем I для «высшего надзора за книгопечатанием». Комитет выполнял функции карательного цензурного органа и рассматривал (уже после выхода из печати) решительно всю литературную продукцию России. Терроризированные этим, по выражению А. И. Герцена², «комитетом

¹ М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. II, М., 1963, стр. 215.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1953, стр. 447.

общественной гибели» цензоры воздвигали на пути развития общественной мысли массу трудно преодолимых преград.

Для надзора за губернскими ведомостями комитетом были выделены три специальных чиновника, обязанные регулярно подавать сведения о наиболее «криминальных», с их точки зрения, материалах, опубликованных газетами. Большая часть этих доносов касалась публикаций фольклорных записей. Первой жертвой всемогущего комитета пали «Казанские губернские ведомости», опубликовавшие в № 41 за 1848 г. наряду с описанием некоторых обрядов крестьян Казанской губернии несколько народных песен. Особое внимание цензуры привлекла песня о волжских разбойниках. Чиновник комитета заметил, что подобные материалы, «изображающие древний быт и характер народа», могли бы быть терпимы лишь в специальных научных сборниках, но никоим образом не могут помещаться в губернских ведомостях, «...обращающихся во всех, а в том числе и самом низшем сословии, доступном, при степени своего образования, всяким влияниям»³. На первый раз цензору «Казанских ведомостей» было приказано сделать «соответствующее вразумление». Примечателен тот факт, что секретный сверхцензурный комитет, действуя по принципу «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку», запрещал публиковать в местных газетах даже материалы, уже увидевшие свет в столицах. Так, цензор Родзянко нашел «неприличной» и «несовместимой с духом христианского учения»⁴ статью «Примеры предрассудков, вкоренившихся между русскими со времен язычества», опубликованную в № 35 «Оренбургских губернских ведомостей» за 1851 г., несмотря на то, что это была лишь перепечатка из книги А. В. Терещенко «Быт русского народа», вышедшей в 1848 г. в Петербурге с разрешения духовной цензуры. Министр народного просвещения Норов, приказавший объявить выговор оренбургскому цензору, заметил, что книга Терещенко «...есть сочинение ученое, назначенное для употребления людям образованным и потому допускающим большую терпимость в цензурном отношении»⁵. Эта статья была перепечатана также пензенскими и киевскими ведомостями, за что цензоры, «в связи с признанием многих приведенных в статье примеров противоречащими учению церкви»⁶, получили строгое «внушение».

Особое внимание комитета привлекла публикация на страницах неофициальной части губернских ведомостей пословиц и поговорок. В 1853 г. почти одновременно цензурным репрессиям подверглись курские и саратовские губернские ведомости. В апреле этого года министр народного просвещения получил следующее предписание комитета: «В неофициальной части «Курских губернских ведомостей» помещены материалы для описания Курской губернии. В № 11 этих ведомостей напечатана XII статья материалов под заглавием: «Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов»⁷. По мнению Комитета 2-го апреля, едва ли следует допускать без разбора, и тем более в губернских ведомостях всего, что сохранилось в изустном предании, в особенности же если им нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных»⁸.

³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 483, т. 1/3— Отношение председателя Комитета 2-го апреля от 28 января 1849 г. № 22, л. 656.

⁴ Центральный Гос. исторический архив Ленинграда (далее ЦГИАЛ), ф. 726, оп. 1, д. 14996, л. 1, 1851.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 726, оп. 1, д. 14996, л. 2, 1851.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. I, д. 2671, л. 1, 1851.

⁷ Сообщил А. Дмитриков.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3057, л. 2, 1853; см. также: Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 483, т. 1/1, лл. 120, 121.

В частности, наибольшие претензии комитета вызвали следующие загадки: «Родился — не крестился, умер не спас, богоносцем был» (осел); «На свете жил и богу служил, а умер ни в святых, ни в грешных» (то же); «Вышел дед семьдесят лет, вынес внучку старше себя» (священник с евангелием). Считая подобные загадки неприличными, комитет предложил «...принять на будущее время меры, чтобы не пропускать такие предания, которых, конечно, нет никакой пользы сохранять в народной памяти чрез печать»⁹. Вслед за этим цензура обратила внимание на поговорку «до бога высоко, до царя далеко; солдат близко, кланяйся ему низко, а не то бок «натянет»»¹⁰, приведенную в «Поговорках поселян Самарской губернии». Цензор Струйский, просматривавший этот номер ведомостей, донес комитету: «Хотя поговорка и появилась до выхода в свет распоряжения 15 апреля 1853 г. о порядке рассмотрения поговорок¹¹, ...но поговорка эта, которая объясняет обязанность повиновения исключительно чувством страха, не должна была появиться в печати. Тем более, что редакция в примечании говорит, что эти „афоризмы резко“ характеризуют народ российский и что это умные речи, переходящие из рода в род»¹².

Большой интерес представляет реакция цензуры на статью Ф. Подобеда «Богатыри»¹³. Ф. Подобед, местный краевед, анализируя белорусские предания о богатырях, сравнивает их с аналогичными памятниками русского фольклора и отмечает различия в трактовке образа богатыря в русских сказках и белорусских преданиях. По поводу отдельных мест этой статьи цензор задает ряд вопросов и среди них следующий: «Любопытно бы знать, кого подразумевает автор в тех гениях рода человеческого, которые, по его словам, родившись среди горя и несчастий, вдруг являются в мир из тесного круга и облеченные могуществом и славою, чтобы доставлять покров и защиту преследуемым, утирать слезы несчастным, отмщать злобу и неправду?»¹⁴. «Вообще статья о богатырях, — заключает цензор, — пустая, противная в приведенных местах христианской религии и, по заключению в ней о гениях, вредна в административном отношении»¹⁵. Серьезные возражения у цензора вызвала и статья Ф. Подобеда «Чаровники», помещенная в следующем (19-м) номере «Могилевских губернских ведомостей», так как в ней «...описываются суеверные понятия простого народа без доказательств о их несправедливости»¹⁶.

Систематическая публикация фольклорно-этнографических материалов на страницах первых местных газет России встретила решительное сопротивление мракобесов из «Комитета 2-го апреля». Например, «Киевские губернские ведомости» и все другие газеты, выходившие в Киевском учебном округе, в 1854 г. потеряли право местной цензуры именно фольклорного материала. До этого ведомости цензуровались на месте, одним из гимназических учителей, но 28 января 1854 г. Главное управление цензуры вынесло следующее, весьма симптоматичное решение: «Вменить в обязанность цензирующим неофициальную часть губернских ведомостей: все статьи, заключающие в себе местные предания, поверья, пословицы, песни и т. п., равно содержания исторического и вообще такие, одобрение коих может зависеть от особенных соображений, — представлять для рассмотрения в Киевский цензурный комитет»¹⁷.

⁹ В. В. Стасов, Цензура в царствование Николая I, «Русская старина», 1903, сентябрь, стр. 661.

¹⁰ «Самарские губернские ведомости», 1853, № 6.

¹¹ Цензор имеет в виду предыдущее цензурное распоряжение.

¹² ЦГИАЛ, ф. 772, он. 1, ч. 2, д. 3052, л. 2 об., 1853.

¹³ «Могилевские губернские ведомости», 1851, № 18.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 777, он. 2, д. 51, л. 89, 1851.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 38.

Очевидно, наиболее «криминальными», с точки зрения цензуры, были народные песни, публиковавшиеся в газетах. В связи с этим 24 сентября 1854 г. было дано «высочайшее повеление», объявленное комитетом: «Народные песни, предаваемые печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензуре, как и все другие произведения словесности; не должны быть пропускаемы такие, в которых воспевается разврат, порочащий и разрушающий семейный быт, ибо желательно, чтобы подобные песни, если они точно живут в народе, искоренялись в самых его преданиях, а не поддерживались и обновлялись в памяти появлением их в печати, в особенности, в губернских ведомостях»¹⁸.

Архивные документы цензуры красноречиво свидетельствуют об охранительных тенденциях «Комитета 2-го апреля 1848 г.», стремившиеся знакомить читателей лишь с дистиллированными фольклорными материалами в духе официальной народности. Царское правительство благосклонно встречало лишь те материалы, которые могли служить идеологическим обоснованием идеи незыблемости крепостнического строя в России. Все, что хоть отдаленно противоречило основным догматам официальной идеологии и триединой формуле — «самодержавие, православие, народность», подвергалось решительному запрещению.

¹⁸ «Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 год», стр. 40.

А. Ф. Некрылова, Е. Г. Арапова

**ПЕРВАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО СЕМИНАРА
МОЛОДЫХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ**

С осени 1968 г. при Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии работает семинар молодых фольклористов. В июле 1969 г. группа его участников во главе с кандидатом искусствоведения И. И. Земцовским обследовала Угличский район Ярославской области. Это была первая за многие годы попытка комплексного изучения устного народного творчества. Участники экспедиции должны были освоить методику комплексного исследования фольклора на сравнительно небольшой территории и собрать материал, на основе которого можно было бы судить о современном состоянии фольклора в районе Углича.

Экспедиция состояла из 15 человек, среди которых были музыканты, филологи, этнограф и техники. Работа велась на обоих берегах Волги — большими отрядами в 3—4 человека. Хотя собранные материалы еще обрабатываются, тем не менее уже можно подвести некоторые итоги экспедиции¹. Вот несколько цифр. Участники экспедиции произвели записи от 164 человек (среди них только 13 мужчин) в 54 населенных пунктах, включая и Углич. В процессе работы были охвачены практически все возрастные группы взрослого населения — от 20 до 80 с лишним лет. Сделано 1043 магнитофонные записи, 974 из них песенные жанры, 31 — инструментальные наигрыши, 38 — прозаический (шире — немusыкаль-ный) фольклор. Так как одни и те же песни записывались от разных исполнителей, потому что фиксировались варианты их напевов и текстов, то рядом с общим количеством песен (974) необходимо привести еще одну цифру — 659, выражающую число разных песен, собранных в районе (без вариантов и повторов).

В прошлом для Углича были характерны: обилие монастырей², значительное преобладание монастырского землевладения над помещичьим; развитая торговля, наличие больших торговых сел (Ильинское, Заозерье, Вадищево и др.), а также прочная связь с Москвой и Петербургом в основном за счет того, что большинство мужского населения занималось тхожими промыслами. В Угличе издавна существовала Петербургская (ныне Ленинградская) улица, по которой уходили на заработки в столицу.

Эти исторические особенности района во многом объясняют специфику местного фольклора — почти полное отсутствие в нем календарной эззии; пренебрежительное отношение жителей Углича и населения сружавших его сел к деревенским обычаям и нравам, песням, играм т. п.; тесную связь с городским фольклором, особенно с петербургским; заметное влияние литературы на устное творчество угличан; необычай-

¹ Подробнее см.: И. Земцовский, Современный фольклор древнего Углича, «Ловетская музыка», 1970, № 6.

² Сейчас сохранилось шесть церквей и три монастыря. В XV—XVI вв. в Угличе считывалось 150 церквей и 12 монастырей.

ный интерес к истории своего края. И тем не менее до наших дней сохранились многие древние обычаи и богатейший песенный и прозаический фольклор.

Выше уже говорилось о том, что развитых календарных песен в районе нет, хотя сами обряды, точнее некоторые из них, продолжают существовать и сейчас. До сих пор сохранились, например, обычаи гадать масленицу, рядиться на рождество, ходить с яичницей и березкой в поле на вознесенье, кататься по траве в ночь на Ивана Купалу, «да выпадает 40 целебных рос». Бытует в районе Углича и такой редкий обычай, как «выюнец» — весеннее окликание молодоженов. Но многое ушло в прошлое и живет теперь только в памяти старшего поколения. Наиболее полно и цельно представлены в наших записях святочные гадания. Среди них есть общеизвестные (кормление курицы зерном, счет тына, литье олова и т. д.) и менее распространенные (выдергивание соломы из омета); сравнительно поздние (гадание на картах) и уходящие корнями в язычество (так, ночью деревню опахивали плугом или же «запирали» ее на замок; ездили на клюке и разметали помехи на улице, чтобы привлечь чужих парней; «слушали» свою судьбу на перекрестке в полночь и т. п.).

Одна из удач экспедиции — запись сказок. Качество и количество (29) заставляют по-новому взглянуть на бытование этого жанра в Угличском районе. Еще в середине XIX в. один из первых бытописателей этого края сообщал, что сказки здесь не рассказывают, не любят и не знают их³. Мнение это позднее подтверждалось другими собирателями. Однако в настоящее время сказки пользуются большой популярностью у местных жителей, среди которых есть свои мастера-сказочники. В первую очередь это относится к И. Ф. Авторееву (1907 г. рождения из дер. Высоково Климатинского сельсовета, от которого записано 18 сказок, составляющих лишь небольшую часть его репертуара. Сказки в основном новеллистические, волшебных мало, к тому же в них обычно вводятся бытовые элементы, а также целые эпизоды из новеллистических сказок. Сказки, записанные в Угличском районе, не имеют традиционного сказочного зачина «В некотором царстве, в некотором государстве», а обычно начинаются так: «В здешнем крае», «У нас это было». Основные герои в них — солдат и барин, мужик и монах, плетущая жена, барин и работник. Интересно, что И. Ф. Автореев выводил и себя в качестве действующего лица одной из сказок.

В селе Спасском от А. В. Лубеевой (1884 г. рожд.) записано 9 быличек — рассказов о нечистой силе и колдунах. И хотя они не характерны для этих мест, тем не менее всем им присущи типичные особенности данного жанра (вера в рассказываемое, конкретные имена и топонимика, сообщение рецептов освобождения от нечистой силы и пр.).

Надо отметить, что у жителей района очень популярен устный рассказ. Многие из них живо, красочно и весьма охотно рассказывают об истории края, своего села, а также всевозможные эпизоды из личной жизни, разные происшествия и случаи, анекдоты; пересказывают прочитанные книги. Почти каждая деревня имеет такого «говоруна», который пользуется среди односельчан известным уважением. Летом погулять его собираются обычно в магазинах.

В Угличском районе развито не только рассказывание, но и сочинительство. Здесь бытует много местных песен, особенно частушек. Есть и свои признанные стихотворцы, например А. С. Козлова (1893 г. рождения из дер. Каблуково Васильевского сельсовета, которая сочиняет стихи на все события личной и общественной (преимущественно колхозной) жизни.

³ В. Николаевский, Этнографический очерк Угличского уезда, «Литературные прибавления к Журналу Министерства народного просвещения на 1852 г.», № 2, стр. 2.

Основные песенные жанры фольклора представлены в наших записях так: свадебные песни — 109 (из них: 35 лирических свадебных, 1 величальная, 21 плач, 2 благодарности девушек за угощения и похороны); лирические песни — 114; различные виды романсов — 93; баллады — 4 исконных, классических («Князь Роман жену терял», «Ехали солдаты со службы...», «Муж — разбойник», «Жена губит мужа»); частушки — 230; плясовые песни — 38; колыбельные — 42; похоронные песни — 9.

В большинстве деревень до недавнего времени свадьбу справляли по традиции, «как надо». Благодаря этому удалось записать подробно весь свадебный обряд (смотрины, сговор, девичник, пир, отводины) и многочисленные приметы и обычаи, связанные с его отдельными моментами. В Угличском районе богато представлены три группы свадебных песен: 1) лирические «горемычные», певшиеся до венца, когда совершался обряд прощания с «красотой»⁴ и расплетания косы (наиболее распространенные среди них — «Трубонька», «Красота», «Ты река ли ты река», «реченька»), 2) причитания во время девичника и 3) величальные песни, «припевания», свадебного пира (самые популярные — «Кто у нас умный», «Вокруг месяца звезды частые», «По блюду было блюдечка»).

Отметим характерные черты свадебной песенности угличан. Среди лирических свадебных песен выделяются обязательные, основанные на напеве-формуле и закреплённые за отдельными моментами первой половины свадьбы. Остальные лирические песни не столь обязательны. Очень распространен плач невесты на фоне хора подруг. Исполняются во время свадьбы и некоторые лирические (не свадебные по происхождению) песни, которые органично входят в обряд, хотя могут исполняться и в любое другое время. Это «Волюшка» (чрезвычайно распространенная здесь), «Что же ты черемушка рано расцвела», «Вы послушайте, мои подружки» и др. Интересно отметить, что напевы свадебных плачей очень сходны здесь с напевами похоронными. Но поскольку на свадьбу, ни похороны нам не удалось наблюдать в естественных условиях, то говорить об этом приходится с некоторыми оговорками. Величания отличаются большим разнообразием. Припевают всем участникам свадебного пира, как правило, обращаясь по-разному к разным людям, в зависимости от их возраста, семейного положения, той роли, которую они играют на свадьбе. Вся атмосфера этой части свадебного действа пропитана праздничным настроением.

До сих пор большой популярностью в районе Углича пользуются солдатские (16 песен), шуточные, тюремные и исторические песни. Из последних несомненный интерес представляют две песни о Степане Разине («Что не царский воевода» и «Площадь, что море в час прибоيا»), песня эпохи Петра I «Как на матушке на Неве-реке» и отрывок песни о войне с Наполеоном «Во 12-м году объявил француз войну».

Нами записано также значительное количество протяжных лирических песен. Основное ядро их составляют семейные и любовные песни —

Известность лирических песен неодинакова. Одни из них знают в районе повсеместно, их поют и люди старшего поколения, и молодежь. Это «Поле чистое турецкое», «Калина с малиною рано расцвела», «Я тебе молода-молоденька цветиков маленько» и др. Другие, перейдя в неписанный запас, исполняются редко, в основном старыми людьми. Некоторые традиционные лирические песни известны лишь единичным исполнителям. Таковы, например, изумительные старинные песни «Подуй, подуй, погодушка», «Скажите, мысли», «Вам бы цветики не морозы», «Вдоль по бережку, вдоль да по Казанке», «Ой да по морю лебедушка вывет». Все они записаны только по одному разу.

⁴ Красота — украшенная елка, символ девичества.

В репертуар всех исполнителей входят романсы. Самые распространенные из них — «Потеряла я колечко», «На Мурманской доро», «Аленький цветочек», «Эх, любовь, как ты зла», «Хас-Булат», «Сбы я корочкой питалась». Подавляющее большинство романсов посвящено одной теме — несчастной любви, загубленной молодости; по частоту, с эмоциональным подъемом.

Плясовые песни разделяются на хороводные, кадрильные и те, которые танцевали «ланец». Сейчас эти танцы отошли в прошлое еще до войны кадриль была в моде и поэтому довольно легко удалось восстановить сам танец и сопровождающие его песни.

Несколько слов о колыбельных. Нами собрано около 40 песен, так как напевы их однотипны, то на магнитофонную пленку записано только 13 песен. Слова и мелодии колыбельных песен интересны и заслуживают внимательного изучения. Древнейшие образы и предания (мотив оберега часто с пожеланием смерти ребенку) сочетаются с простотой и непритязательностью. Все это придает им высокую поэтичность.

Самый живой и современный жанр песенного фольклора Угличского района — частушки. Их исполняют все: дети и старики, мужчины и женщины; звучат они под балалайку, гармошку и без аккомпанемента. Среди них широко известные и малоизвестные, старые и совсем новые; заимствованные из песенников и радиопередач и сочиненные местными исполнителями. Без преувеличения можно сказать, что тематику частушек отражает все стороны жизни. Примерно 2/3 их — любовные частушки. Много частушек посвящено колхозной жизни. Сохранились частушки, связанные с историей страны, а также здешнего края, например, с отхожими промыслами, далеко не всегда оправдывавшим нужды крестьян.

Если говорить в целом о состоянии песенного фольклора в Угличском районе, необходимо прежде всего отметить пестроту и контрастность материала, постоянно происходящее, буквально на глазах, изменение его.

В репертуаре одного и того же исполнителя на равных правах сосуществуют традиционные лирические и свадебные песни, романсы, купеческие баллады и частушки. Одинаковым успехом пользуются местные произведения, общерусские и песни на слова русских поэтов.

Переплетение старого и нового наблюдается и в быту и в фольклоре. При этом формы отмирания старого и зарождения нового весьма разнообразны. Вот лишь некоторые примеры. Забывается исконный напев. Например, лирическая песня «Все люди живут, как цветы цветут» заменяется на мотив романса «Ах зачем эта ночь так была хороша». Очень много контаминированных текстов. Например, свадебная песня «Долго веночку на веточке висеть» переходит в свадебную же «Трубочку», лирическая «Я вечер своего милого унимала ночевать» соединяется с балладой «Муж-разбойник», песня «Изойдите девушки...» заканчивается песней «Ты не пой, соловушко» и т. д. Часто песни приурочиваются к какому-либо событию вопреки их первоначальному значению. Например, некоторые лирические стали осознаваться как свадебные; солдатская песня «Поле чистое турецкое» считается во многих деревнях масленичной или жатвенной, а лирическая «Что во поле за травонька» — веселой или сенокосной.

Новые элементы, мотивы, понятия проникают нередко в давно существующие песни, заменяя в них старое, отжившее, непонятное. Так вместо слова «царь» в известном свадебном припевании поставлено «комиссар».

Как отмечалось, церковь оказывала немалое влияние на жизнь и склад и взгляды жителей этих мест, в частности на фольклор. Влияние это было разносторонним, и остатки его прослеживаются до сих пор.

Еще сегодня здесь поют антимонастырские песни вроде «Сна монахи-ни», где воспевается все мирское, или злой пародии на церковную службу «На той горе стоял монастырь большой», а также частушки, высмеивающие попов, дьяконов, православные обряды.

Вместе с тем от некоторых певиц наряду с песнями и частушками весьма светского содержания можно услышать молитвы и духовные стихи. Женщины, которым сейчас за 60 лет, в молодости нередко пели в церковном хоре, обучались нотной грамоте, поэтому на их манере пения и мелодиях исполняемых ими песен лежит отпечаток церковного песнопения.

Несмотря на силу традиции, вариативность напевов довольно велика. Одна и та же песня звучит по-иному не только в разных деревнях, но и у людей разных возрастных групп, живущих вместе (исполнение романсов у представителей старшего поколения тяготеет, например, к обычной крестьянской лирике).

Многие контрасты устного народного творчества угличан объясняются также связью со столичными городами. Это и непосредственно привнесенный городской фольклор: фабричные песни и мещанский романс; и желание подражать Петербургу и Москве, наиболее заметное в крупных селах, жители которых сознательно отгораживали себя от деревенских обычаев; и сравнительно высокий процент грамотности населения, благодаря чему одновременно с исконно народными бытовали авторские по происхождению песни, а рядом со сказками — пересказы романов и т. п.

В районе есть не только знаменитые рассказчики, но и песельницы. Нам посчастливилось встретиться с такими подлинными мастерами своего дела, как М. М. Бурова (1887 г. рожд.) из дер. Гаврилово Климатинского сельсовета, А. А. Морозова (1897 г. рожд.) из дер. Горки Василевского сельсовета, А. И. Суровегина (1909 г. рожд.) из с. Заозерье, М. А. Сверчкова (1915 г. рожд.), живущая в г. Угличе, и 45-летняя Н. Н. Горяинова из дер. Вахутино Улейминского сельсовета. Все они ярко индивидуальны. Однако у них есть общие черты, выделяющие их среди многочисленных певиц Угличского района: большая музыкальная одаренность, обширный и разнообразный репертуар и, что не менее важно, особое отношение к песне — серьезное, бережливое, любовное. Как правило, тексты песен они знают полностью, никогда не прерывают пения, не допускают никаких сокращений и отступлений, придирчиво и самокритично относятся к собственному исполнению, ибо песня для них — не развлечение, а существенная, неотъемлемая часть жизни.

Все наши записи легли в основу только что созданного в институте Кабинета фольклора. Предстоит обработка собранных материалов, подготовка их к печати.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Басилов, В. П. Кобычев

ГАЛГАЙ — СТРАНА БАШЕН *

Мы одни в целом ауле. Лишь из бойницы ближайшей башни доносится приглушенное воркование диких голубей. Некогда здесь кипела жизнь, звучали голоса, раздавался шум работ. Порой гремели и выстрелы — тогда ингушские селения с их жилыми и боевыми башнями в мгновение ока превращались в неприступные крепости. Но сегодня старинные башни безмолвны, как и окружающие их склепы с останками строителей этих каменных твердынь...

Население давно покинуло древний Галгай — обширный район горной Ингушетии, охватывающий верхний бассейн реки Ассы. Частично покинута и долина реки Армхи. Так завершился процесс, начавшийся более двух столетий назад. Земельный голод гнал ингушей из прадедовских башен на равнину — в более удобные для жизни места. После присоединения Ингушетии к России, а особенно с установлением Советской власти на Кавказе, переселение горцев приняло массовый характер. К середине 20-х годов свыше 80% ингушей выселилось на равнину. Галгай, бывший некогда политическим и культурным центром Ингушетии, пришел в совершенное запустение. Уже на исходе 20-х годов известный советский экономист В. П. Христианович назвал его «страной предков», в которой «все в прошлом».

Человек, попавший в горную Ингушетию в наши дни, видит печальную и вместе с тем величественную картину мертвых аулов. Солнце, ветер и дожди неумолимо разрушают творения местного зодчества — древние башни и склепы, когда-то воздвигнутые ценой огромных усилий. Частые землетрясения довершают эту разрушительную работу. И очень скоро на месте всех этих селений останутся лишь груды развалин. Именно поэтому понятен тот энтузиазм и живейший интерес с которыми отправились мы в поездку по древнему Галгаю.

* Статья написана на основании полевых материалов, собранных Чечено-Ингушским отрядом Северо-Кавказской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1970 г. В экспедиции принимали участие сотрудники Института В. П. Кобычев (начальник отряда), В. Н. Басилов, Л. С. Шейнбаум, архитектор Ю. В. Стеблюк, и аспирант Чечено-Ингушского Научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики И. Магомадов. В апреле — мае 1970 г. мы посетили селения Ольгете, Нижнее Хули, Эрзи, Хамышки, Терш, Салги, Магыт, Лялах, Хени, Кязы, Пуй, Хамхи, Эгикал, Отзык, Таргим, Евлой, Пялинг, Вовнушки, Бирк, Меша, Цызды, Керби, Меллер и ряд других более мелких хуторов и старых городищ.

Горные ингушские селения в большинстве своем невелики, в них редко больше одного-двух десятков дворов¹. Немало и совсем крохотных селений, — из одной-двух башен с пристроенными к ним загонами для скота. Даже «стольный» аул Эрзи в Джерахском ущелье был известен у хевсур под названием «девятибашенного села»². Правда, некоторые источники свидетельствуют, что в Эрзи было около полусотни дворов, но здесь имеется в виду, скорее всего, целая группа сел и хуторов, связанных экономическими и родственными нитями³.

Разбросанные на расстоянии 300—600 м одно от другого на склонах ущелий, на вершинах холмов-останцев, на гребнях водораздельных хребтов, горные ингушские селения тянутся непрерывной цепью вдоль речных долин. Они полны неповторимой красоты и очарования. Недаром в литературе за ними утвердились поэтические названия «каменное чудо», «каменная сказка». При выборе места поселения важны были соображения безопасности — селились в самых труднодоступных и укромных уголках. Кроме того, из-за острой нехватки в горах плодородных земель под застройку отводились как правило непригодные для земледелия участки. Чем древнее селение, тем выше взбирается оно по склону горы, тем глубже прячется в лесах и расщелинах скал. Так, наиболее старыми аулами в Джерахском ущелье считаются Кербите, Кайрах и Магыт. Они давно заброшены. Кербите прилепилось к краю высокого хребта, круто обрывающегося к реке Армхи⁴. Кайрах притаился в глубокой ложине. Магыт словно взлетел на вершину высокой скалы. Старинные аулы служили укреплениями, защищавшими жителей от нападений врагов. Об этом говорит и их взаимное расположение: из одного села хорошо просматриваются башни другого. Если враг приближался к какому-либо селению, жители могли быстро оповестить об этом всю округу.

Основная черта ингушской архитектуры — оборонительное назначение построек. Ядро аулов составляют приземистые массивные жилые башни с плоскими крышами. К ним иногда примыкают похожие на минареты боевые башни с крышами в виде ступенчатой пирамиды и навесными балкончиками. На окраине селения обычно расположен некрополь — наземные и полуподземные склепы в виде боевых башен или маленьких домиков с двускатной крышей. Отпечаток беспокойной эпохи несет на себе и культовая архитектура: в святилище Маги-ерды, например, узкие прорезы окон обращены раструбом внутрь, как бойницы. Совокупность жилых и боевых башен образует как бы единую неприступную крепость, все подходы к которой перекрыты прямым и флангирующим огнем. Особенно показательно в этом отношении селение

¹ Об этом писали многие исследователи XIX в.: «...Ближние кистины живут на реке Кистинке в 32 аулах, самый большой из которых состоит из 20 дворов» (А. П. Берже, Чечня и чеченцы, «Кавказский календарь на 1860 г.», Тифлис, 1859, стр. 82). Аналогичные сведения сообщает Н. Ф. Грабовский: «...две-три каменные постройки, вмещающие себя несколько семейств, составляют горский аул», см.: «Сборник сведений о кавказских горцах», (далее ССКГ), вып. 3, Тифлис, 1870, стр. 2.

² А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, «Кавказский этнографический сборник» (далее КЭС), вып. 2, Тбилиси, 1968, стр. 69.

³ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. IV, Тифлис, 1870, стр. 904. Сравни у С. Броневского: «Каждое колено (в Ингушетии) разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни», С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М., 1823, стр. 157.

⁴ По сведениям, собранным Б. В. Гамкрелидзе, аулу Кербите предшествовало еще более древнее поселение Кирилт, находившееся выше его в «недоступном месте». (См. А. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, К вопросу о нахской этнонимике, КЭС, 2, Тбилиси, 1968, стр. 32).

Рис. 1. Замок в сел. Вовнушки. Фото В. П. Кобычева

Цызды, образованное девятью жилыми башнями, расположенными по кругу вплотную одна к другой.

В башнях можно было укрыться не только от внешнего врага, но и от односельчан в случае ссоры. В связи с этим любопытны две боевые башни, стоящие в северо-западной части селения Пялинг. Одна из них, построенная выше по склону, занимает более выгодное положение (и скорее всего построена позже другой: неразумно было бы возводить нижнюю башню на ее теперешнем месте, если бы верхняя уже стояла). Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, почему хозяева нижней башни позволили соседям построить верхнюю, ставившую под обстрел их крыши и дворы. Но можем догадаться, что это им не нравилось: арочное окно нижней башни, обращенное в сторону верхней, заложено камнями.

Влиятельные семьи предпочитали селиться и жить особняком, считывая в случае опасности на свои собственные силы. Об этом свидетельствуют отдельные селения хуторского типа, напоминающие феодальные замки. Значит, социальное расслоение в период возникновения башенных селений у ингушей зашло далеко.⁵ В дальнейшем этот процесс по неясным пока для нас причинам приостановился, и возможно

⁵ Подробнее об этом см.: С. П. Умаров, О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи средневековья, «Археолого-этнографический сборник», вып. 3, Грозный, 1969, стр. 174.

именно поэтому мы так и не находим в горах Ингушетии даже следов феодальных укреплений владетеля, господствовавшего над целой округой, или, наоборот, незащищенных поселений зависевшего от него крестьянства.

О чем молчат башни

Руины ингушских селений таят в себе немало загадок: Когда были воздвигнуты все эти каменные громады? Какой народ был их строителем? Чьи предки покоятся в бесчисленных склепах? На первый взгляд, здесь, кажется, все ясно: и башни, и склепы, и святилища оставили нам далекие предки ингушей. Но вот что удивительно: еще сто лет назад ингушский этнограф Чах Ахриев записал со слов стариков предания, согласно которым все эти башни были возведены какими-то мифическими «джелтами» (по мнению Чах Ахриева, греками)⁶. А по сведениям П. И. Головинского, склепы в верховьях Бамутского ущелья носят у ингушей название «могилы тиндов», неизвестного народа, обитавшего, якобы, в этих местах до прихода вейнахов⁷. О циклопической же стене возле селения Дошхакле старики говорили Л. П. Семенову как о постройке дэвов, живших в Ингушетии до легендарных нартов⁸. Пещерные погребения у селения Фуртоуг в Джерахском ущелье старики приписывают осетинам, некогда вытесненным за Терек ингушским героем Ахри⁹. Во всех этих преданиях отдельные исторические факты так тесно и причудливо переплетены с беспочвенной фантазией, что брать их за основу для гипотез нелегко. Расспросы местных жителей тоже дают мало: ведь башни и склепы давно уже стали для ингушей лишь памятниками седой старины, сооружать их перестали без малого два века назад. И хотя старики до сих пор помнят имена полулегендарных основателей селений и рассказывают о многих обычаях, связанных со строительством этих селений, на основании сообщенных ими сведений нельзя ответить на вопрос, как возникла оригинальная культура башенных поселений Галгая. Решить эту проблему можно только путем анализа самого развития ингушской архитектуры, выяснения ее истоков.

Ряд деталей в оформлении башен, строительные приемы показывают, что ингушская архитектура прошла несколько различных стадий в своем развитии. В этнографической литературе уже неоднократно, хотя и в самых общих чертах, высказывалось мнение о том, что ингушские жилые башни возникли гораздо раньше боевых. «По кладке и общей композиции,— отмечал Л. П. Семенов,— они несравненно примитивнее боевых»¹⁰. «Древнейшими из них, судя по сравнительному материалу,— пишет А. И. Робакидзе,— нам представляется жилая башня»¹¹. Это мнение не было подкреплено доводами, но его можно обосновать. Так, верхние окна боевых башен защищены навесными балкончиками без пола. Их называют «машикули». Для жилых башен машикули не характерны. Но в долине Армхи есть одна жилая башня с машикулями. Что это — случайное отступление от общего стиля? Нет, это стиль, свойственный более раннему времени. Установить это мы

⁶ Чах Ахриев, Ингуши (их предания, верования и поверья), ССКГ, вып. VIII, Тифлис, 1875, стр. 6, 7.

⁷ П. И. Головинский, Чеченцы, «Сборник сведений о Терской области», вып. I, Владикавказ, 1878, стр. 249.

⁸ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1963, стр. 72, 97, 115.

⁹ В. И. Долбежнев, Могилиник Челиш-кив, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 13, Тифлис, 1892, стр. 138—139.

¹⁰ Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 38.

¹¹ А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 43—44 и примечание 7; см. также: Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 35.

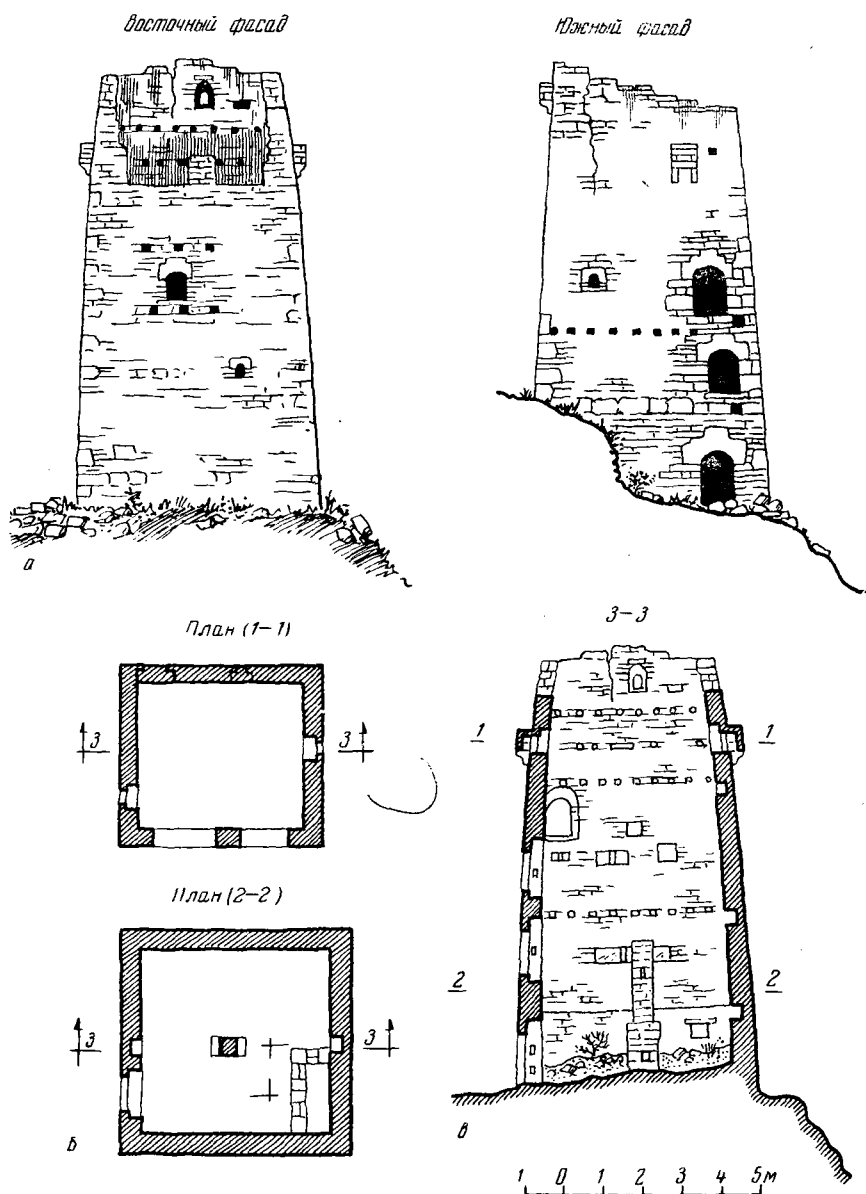

Рис. 2. Жилая пятиэтажная башня с машикулями в сел. Кяхк (рис. Ю. В. Стеблюка). а) южный и восточный фасады, б) планы первого и пятого этажей, в) разрез

смогли, изучив селения бассейна реки Ассы. Здесь жилые башни с машикулями встречаются во многих аулах. Навесной балкончик у небольшого, как бойница, окна на жилой башне ясно говорит о том, что некогда жилая башня исполняла роль и оборонительного сооружения. С появлением особых боевых башен, которые отражали усилившееся общественное расслоение, жилые башни потеряли защитные балкончики. Иными словами, поздние боевые и жилые башни восходят к единому прототипу — жилой башне с машикулями, т. е. башне с неразделенными функциями. Но и жилые башни с машикулями различаются между собой. Так, в бассейне реки Ассы встречаются руины башен со своеобразными лоджиями-чердаками, расположенными выше жилых помещений. Они близки по облику к башням соседней Хевсуретии. Труд-

но сказать, локальный ли это вариант, порожденный хевсурским влиянием, или ранний этап развития местной архитектуры.

Эволюция ингушского зодчества прослеживается и в приемах каменной кладки. Так, дверные и оконные проемы в башнях выложены, как правило, в форме полукруглой арки. Но перекрытие арки выполнено разными способами. Иногда это округлый выем, вытесанный в крупном каменном блоке (видимо, древнейший способ). В других случаях вместо одного монолита употреблены два плотно подогнанных каменных блока (очевидно, это следующий этап). А набор камней, образующих дугу арки, знаменует дальнейшее накопление строительного опыта, в итоге которого и появилась классическая арка с замком. Конечно, было бы ошибкой полагать, что по одной форме перекрытия арок можно судить о времени постройки сооружения. Нередко в одной и той же башне разные проемы перекрыты различными способами: рядом с древним монолитом соседствует классическая арка или набор камней, воспроизводящий технику ложного свода.

Самая арка — довольно позднее достижение местной архитектуры. Это следует, в частности, из того, что верх оконных и дверных проемов оформлялся в виде закругленной арки только с внешней стороны. Внутри же арка немного шире, имеет стрельчатую форму и образована посредством последовательного напуска камней. Этот способ («ложный свод») известен в горах Ингушетии очень давно — так перекрыты все склепы, в том числе самые древние. Таким образом, при строительстве внутренней, непарадной стороны арок использовался более древний строительный прием. Вообще, видимо, арка появилась здесь сравнительно поздно: лазы в склепах перекрыты массивной плитой. В силу консервативности культовой архитектуры склепы сохранили наиболее архаичные особенности местного зодчества.

Напластование в ингушских постройках различных технических приемов — от примитивных до более совершенных, к тому же генетически связанных между собой, убеждает в том, что местная архитектура развивалась преимущественно на основе накопления собственного опыта, а не под воздействием каких-то внешних влияний. Явная преемственная связь с памятниками эпохи бронзы заставляет искать истоки каменного зодчества ингушей в глубокой древности. Но такое заключение, если его оставить без оговорок, будет однобоким. Башни, выложенные из камня, несут на себе следы влияния и деревянной строительной техники.

На чем основывается такой вывод? Первый аргумент — «гурты» (ингушск. моартол), своеобразные каменные дуги, перекрещивающиеся под округлым сводом перекрытия второго этажа многих боевых башен. Иногда гурты сооружались и на внутренней стороне крыши боевой башни. Эти «крестовины» как бы поддерживают свод и, по мнению некоторых архитекторов, конструктивно необходимы. Однако наши наблюдения не подтверждают этой точки зрения. Во-первых, гурты, встречаются и под двускатной кровлей некоторых склепов (например, в окрестностях аула Бирк), хотя тут в них нет никакой конструктивной необходимости. Обычно они отсутствуют в склепах с двускатной кровлей. Во-вторых, в одной хорошо сохранившейся боевой башне аула Меши гурты как бы недостроены: они далеко не доходят до центра купола, это лишь отрезки гуртов. Следов ремонта или позднейших переделок заметно. В этом случае также трудно найти конструктивное обоснование гуртам. В-третьих, гурты встречаются и в виде украшений на круглых в плане склепах с купольным перекрытием. Два таких склепа можно и сегодня видеть в окрестностях Эрзи. Каждый из них украшен семью (международное сакральное число) гуртами, расходящимися радиально от вершины купола и заканчивающимися примерно в метре от основания склепа. Гурты здесь расположены с внешней стороны купола и могут

быть объяснены только как пережиток какой-то декоративной традиции. В-четвертых,— и это главное — отдельные полуразрушенные башни позволяют понять, как держались камни гуртов и свода. Недалеко от Эрзи высятся башня, развалившаяся так, словно сказочный богатырь рассеял ее сверху донизу своим волшебным мечом. Башня с похожим разломом есть и среди руин аула Евлой. Гурт восточной стены эрзинской башни упал, обнажив прилежавшую к нему кладку свода второго этажа. И только там, где находился прежде гурт, разлом имеет ровную плоскость. Следовательно, гурт был пристроен впритык к каменной кладке свода и не представлял собой несущую конструкцию. Он не только не поддерживал свод, но и был даже инородным телом в кладке и утяжелял купол.

В отличие от остальной части свода гурты заботливо оцементированы и побелены так, что очертания камней скрыты под обмазкой и гурт выступает как нечто целое, наподобие прямоугольной в сечении балки. А в том месте, где все четыре гурта сходятся под центром купола, строители неизменно оставляли небольшой квадратный выем — как бы для столба, подпиравшего балки перекрытия. Использование каменных гуртов в качестве декоративных деталей приводят нас к такой мысли: не восходит ли обычай украшать каменный свод изнутри гуртами к деревянным постройкам? Не воспроизводят ли каменные гурты форму деревянных балок, которые некогда поддерживали кровлю?

Тип жилища, в котором кровля держится на перекрещивающихся или соединяющихся в центре балках-жердях, в прошлом был широко распространен. Это древняя форма передвижного разборного жилища, известная у тюркских народов под названием «алачик» (алачуг, ала-сык, лочиг и др.). Такой тип жилища еще в советские годы сохранялся у кумыков, азербайджанцев и узбеков — карлуков¹². У нас нет пока данных для предположения о том, было ли подобное жилище самостоятельно изобретено в древности предками ингушей, или появилось под влиянием тюркских народов.

Второй аргумент — кровли. Канонами деревянной архитектуры определены, скорее всего, и ступенчатые кровли ингушских склепов, храмов и боевых башен. Они двух типов: двускатные (у склепов и храмов) и четырехскатные (у склепов и боевых башен). Кровля представляет собой чередование слоев каменной кладки с прослойками из черных шиферных плиток. Двускатная крыша завершается каменным коньком-гребнем, а четырехскатная (пирамидальная) — заостренным белым камнем, придавливающим верхний ряд шиферных плиток. По мнению Л. П. Семенова, ступенчатая кровля — не что иное, как декоративно оформленный простейший ложный свод¹³. Шиферные плитки при этом могли играть роль водостоков, предохранявших всю конструкцию от разрушительного действия осадков. Однако возможна и другая интерпретация. Исследователи давно уже обратили внимание на поразительное сходство общего облика покрытий ингушских склепов, храмов и боевых башен с крышами буддийских пагод Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, как известно, первоначально строились из дерева¹⁴. Кроме того, конструкция свода боевых башен и похожих на них склепов чрезвычайно близка к устройству перекрытия в жилищах типа тун — дарбази — карадам. Этот тип жилища в своей исходной форме был деревян-

¹² См. М. В. Кулиева, Кибитка на яйлагах кочевых тюрок Казахского уезда, «Изв. общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927; Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Изв. отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956; С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961, стр. 204—205.

¹³ Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 63, 64.

¹⁴ См. например, А. Дирр, В Тагаурской и Куртатинской Осетии, «Изв. Кавказского отделения Русского географического общества», т. 21, вып. 3, Тифлис, 1912, стр. 265.

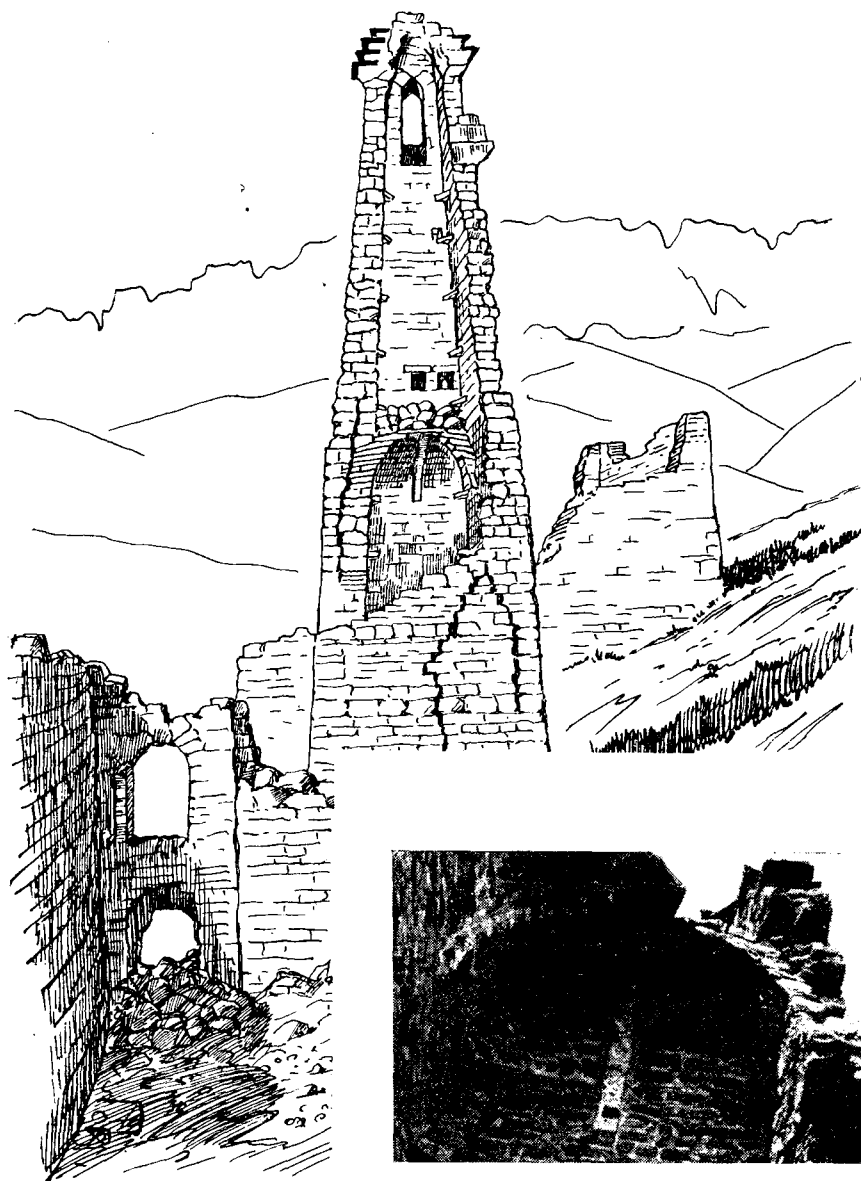

Рис. 3. Полуразвалившаяся боевая башня в сел. Евлой (рис. Ю. В. Стеблюка).
На врезке фрагмент боевой башни из сел. Хамышки (фото В. П. Кобычева)

ным¹⁵. В восточных районах Чечено-Ингушетии, в бывшем «Чаберловском обществе», сохранились жилые и хозяйственные постройки с перекрытием, выполненным способом ложного свода с последовательным перерезанием углов в каждом ярусе кладки. Близость этой формы жилища с тун — дарбази — карадамом в свое время отметил А. И. Робакидзе¹⁶. Ступенчатые и ступенчато-пирамидальные перекрытия распространены не только в Чечено-Ингушетии, но и в соседних районах Северной Осетии и горной Грузии (в Хевсуретии), а в виде рудиментов — и в неко-

¹⁵ М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, М., 1946. Срубные башни со ступенчато-пирамидальным перекрытием известны на Кавказе (в Колхиде) с первых веков н. э. (см. Витрувий, Десять книг об архитектуре, т. I, М., 1936, стр. 41—42).

¹⁶ А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 47, 48.

торых районах Дагестана. Во всех этих районах в прошлом была широко распространена деревянная архитектура, которая в ряде случаев, как например, в Дагестане, предшествовала каменному зодчеству¹⁷.

Склепы, храмы, жилища

Распространение ислама в Ингушетии не сопровождалось разрушением домусульманских культовых памятников. Эта терпимость, возможно, объясняется сложностью политической обстановки, в которой происходило внедрение новой религии в Ингушетию, одержавшей здесь окончательную победу лишь во второй половине XIX в. Воплощенные в камень свидетельства прежних верований ингушей встречаются в селениях на каждом шагу. Самые многочисленные и выразительные из них — склепы, разбросанные группами и поодиночке на окраинах селений, на ближних полях и горах. Изредка склепы можно встретить в самих аулах, рядом с жилыми домами (селения Эгикал, Хамышки). Есть склепы полуподземные и наземные. Полуподземные конструкции в основном однородны: это — низкая прямоугольная в плане камера, сложенная из камня в грунте или выбитая в скале. Все они перекрыты отлогой двускатной крышей из массивных каменных плит, положенных напуском одна на другую. Наружу выступает только часть торевой фасадной стены, в середине которой устроен небольшой четырехугольный лаз. Наземные же склепы весьма разнообразны по формам. Среди них можно выделить склепы с прямоугольным основанием и двускатной ступенчатой крышей, напоминающие небольшие домики; склепы с открытым преддверием с фасадной стороны («с лоджией»); прямоугольные в плане постройки, увенчанные гладкой двускатной крышей; «башенные» склепы, имитирующие боевую башню; «башенные» склепы с островерхими зубцами на углах; наконец, круглые в плане склепы с купольным (полусферическим) перекрытием. Наземные склепы неоднократно служили предметом исследования этнографов и археологов, но причина разнообразия форм так и не выяснена. Предполагается лишь, что наземные склепы возникли позже полуподземных, в сходящих своими традициями к эпохе бронзы и раннего железа¹⁸. Чеченские материалы, однако, опровергают и этот вывод¹⁹. К позднейшему времени, безусловно, относятся башенные склепы всех видов. Но ответить на вопрос, что более архаично — склепы с двускатной крышей или допустим, круглые в плане с купольным перекрытием — пока трудно. Круглые склепы представлены единицами, а погребальные домики ступенчатой крышей встречаются в большом количестве повсеместно. Все же сопоставление культовых памятников позволяет признать более древними прямоугольные в плане склепы с двускатной крышей (рис. 46), видимо, воспроизводящие архаический тип жилища.

Исследователи уже обратили внимание на сходство домусульманских храмов с этими склепами. Рассмотрим это более подробно на примере храма Маги-ерды, возвышающегося близ развалин древнего селения Магыт на гребне горы Заглдук. Храм, как и склепы, имеет ступенчатую двускатную крышу и основание, в плане близкое к прямоуго-

¹⁷ Г. Я. Мовчан, Камень и дерево в старинном жилище Аварии, «Сов. этнография», № 3, 1969, стр. 54—64.

¹⁸ Наиболее ранние склепы на Северном Кавказе, в том числе с перекрытием в виде ложного свода, обнаружены в Дагестане, их датируют рубежом III—II тыс. до н. э. (см. М. Гаджиев, Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи), Махачкала, 1969, стр. 103, 105). Сказанное отнюдь не означает, что ингушские склепы относятся именно к этому времени. По мнению Л. П. Семенова, полуподземные склепы в могильниках Мохде и Магыт относятся к XI—XIV вв., а наземные — XIV—XV вв. и позже (Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 64).

¹⁹ «Можно думать, — пишет В. И. Марковин, — что в древности на поверхности кладбища (речь идет о могильнике бронзового века — В. Б. и В. К.) выступали верхние камни склепов» (В. И. Марковин, Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 107).

мьнику. Он разделен арочной перегородкой на две части. Такие же перегородки встречаются и в склепах. Внутри и снаружи стены Магиды имеют небольшие ниши. Внутри здания многие из них (об этом можно судить по их симметричному расположению и очертаниям обвязки) в прошлом служили пазами для деревянных балок, девять таких балок целы и сейчас. Вне зависимости от их назначения — конструктивного, бытового или культового — подобные балки есть и в склепах, где они обычно поддерживают деревянные нары для покойников. Не все ниши Магиды предназначались для крепления балок, некоторые из них (например у дальнего от двери окна) могли использоваться как вместилища для каких-то предметов. Это ритуальное назначение ниш присуще и склепам: здесь в ниши ставили деревянные миски и глиняные кувшины с пищей для покойников. С внешней стороны стен Магиды ниши также повторяют традицию, соблюдавшуюся при строительстве склепов: в кладке многих погребальных домиков оставлены точно такие же выемы над лазом или сбоку от него. Это сходство построек, на наш взгляд, происходит от того, что ингушские святилища развились из склепов (а отнюдь не из христианских храмов, как полагают И. П. Семенов и И. П. Шеблыкин²⁰).

Этот наш вывод подтверждается существованием так называемых склепов с поминальной камерой²¹, святилищ, представляющих собой как бы переходную форму от склепов к храмам. Эти святилища похожи на прямоугольные в плане склепы с двускатной крышей, но в отличие от них имеют высокий цоколь и обширную камеру над ним, открытую со стороны фасада. Пол камеры выложен огромными плоскими плитами, вдоль стен тянутся каменные лавки. В цоколе, под камерой, находится склеп с нарами для покойников. Даже если (вслед за И. П. Семеновым) называть это сооружение «склепом с поминальной камерой», то необходимо подчеркнуть, что склеп этот необычен — уж очень роскошна в нем «поминальная камера». Очевидно, обрядам, совершавшимся здесь, придавалось более важное значение, чем простым поминкам. Особенно ясно чувствуется это в святилище селения Хамхи. Здесь половина плит пола камеры лежит на скале, и поэтому склеп очень мал — немногим более полутора метров в длину и ширину. Он занимает лишь то пространство в цоколе, куда не доходит скала. Если бы строители считали своей главной задачей сооружение усыпальницы, они продолжили бы склеп в глубь скалы, вырубив ее, или возвели бы всю постройку в другом, более удобном для этой цели месте. Больше того, по сведениям И. П. Семенова, несколько десятилетий назад склеп вообще был признан неуместным в этом святилище, и человеческие останки были перенесены из него в другое место, а цокольное помещение вычищено и заново оцементировано²¹. Этот факт прекрасно показывает, как святилище, выросшее в буквальном смысле слова из склепа, освобождается затем от погребальной камеры и становится только местом культовых церемоний. И. П. Семенов и сам склоняется к выводу, что описываемый склеп следует отнести скорее к разряду святилищ. Об этом же свидетельствуют и рассказы местных жителей. Так, столетний Шадиев Ляда (уроженец селения Хамхи) слышал в молодости рассказы стариков о ритуальных трапезах, совершавшихся в этом домусульманском капище во время языческих празднеств. Признаком святилища являются, видимо, и загадочные знаки, высеченные на одной из каменных лавок: четыре ряда черточек, с одним или двумя крестами посреди-

²⁰ И. П. Семенов, Эволюция ингушских святилищ, «Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания», РАНИОН, т. IV, М., 1928; его же, Археологические и этнографические разыскания..., стр. 40; И. П. Шеблыкин, Архитектура ингушских святилищ, «Изв. ингушского научно-исследовательского ин-та краеведения» вып. 2—3, Владикавказ, 1930, стр. 411.

²¹ И. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания..., стр. 29.

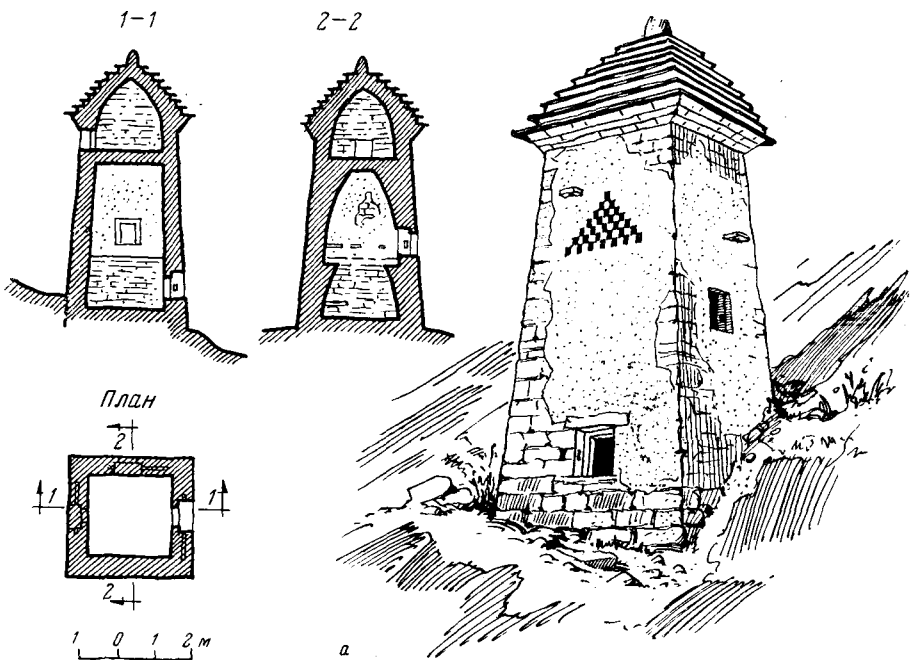

Рис. 4а. Типы ингушских склепов (таблица): а) склеп башенного типа в сел. Эгик — общий вид, план, разрезы (рис. Ю. В. Стеблюка)

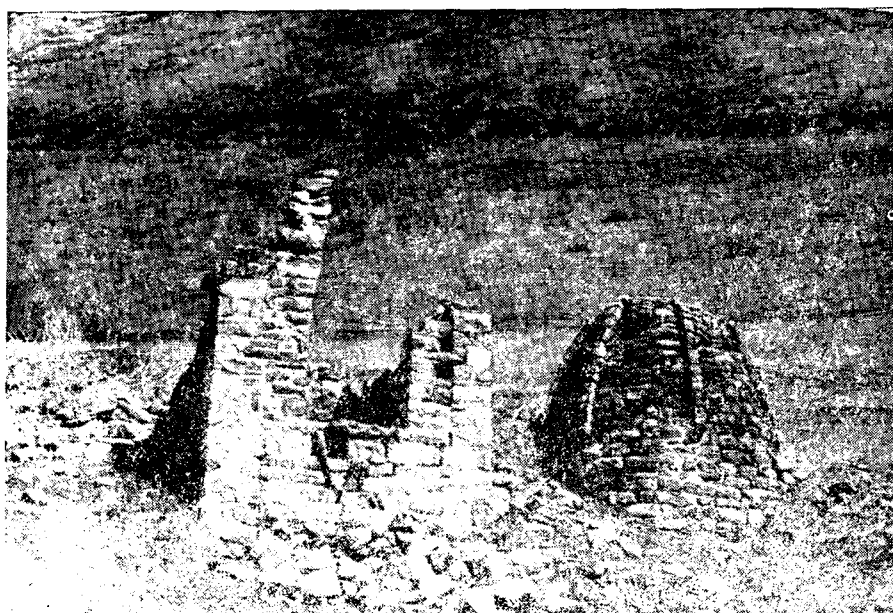
не или на одной из сторон. В святилищах аулов Эрзи и Бирк имеется по одному такому камню в лавках, а в Хамхинском — два: один в кладке лавки (на третьей плите слева от входа), а другой в кладке восточной стены. Старожилы имеют смутное представление о назначении этих знаков, считая их связанными с какой-то игрой. Однако скорее всего это календарь, составленный по непонятному пока принципу, которым пользовались для отсчета религиозных празднеств или поминальных дней. Святилища с календарем остаются еще загадкой. Мы не знаем, кому они были посвящены, и почему в них устраивали склепы. Не исключено, что в них погребали людей, которых соплеменники особенно почитали (может быть, жрецов?). Но как бы то ни было, святилища со склепами указывают на то, что у ингушей развитие культовой архитектуры шло от склепа к святилищу. Следовательно, поклонение предкам послужило почвой для формирования более развитых культов; некоторые божества выделились в свое время из среды почитаемых предков. В связи с этим укажем на ингушское предание о чародее Маго — основателе селения Магит по соседству с храмом Маги-ерды. Напрашивается толкование: «Маги-ерды» — «храм Маго»²².

Почитание предков играло важную роль в верованиях ингушей до распространения ислама. И самое убедительное доказательство этому — склепы. Одна лишь забота о душах предков, без надежды на их покровительство и поддержку, вряд ли могла породить обычай возводить огромные каменные гробницы. Расположения предков пытались добиться и приношением пищи, и различными поминальными ритуалами,

²² Любопытно, что некий культурный герой — змеборец по имени Мустафа Маго — выступает и в фольклоре черноморских шапсугов. См.: Л. И. Лавров, *Из поездки в Черноморскую Шапсугию* летом 1930 г., «Сов. этнография», № 4—5, 1936, стр. 134. Н. Я. Марр возводил божество со сходным именем, известное, в частности, в Закавказье под названием Мугни, к шумерскому мошде — «дракон ночи», см.: Н. Я. Марр, *Избр. соч.*, т. V, Л., 1935, стр. 59.

б

в

Рис. 46, в

Типы ингушских склепов: б) склепы прямоугольные в плане со ступенчатой и гладкой кровлей в сел. Бирк; в) склеп круглый в плане с «гуртами» (слева склеп-святилище с поминальной камерой) в сел. Эрзи (фото В. П. Кобычева)

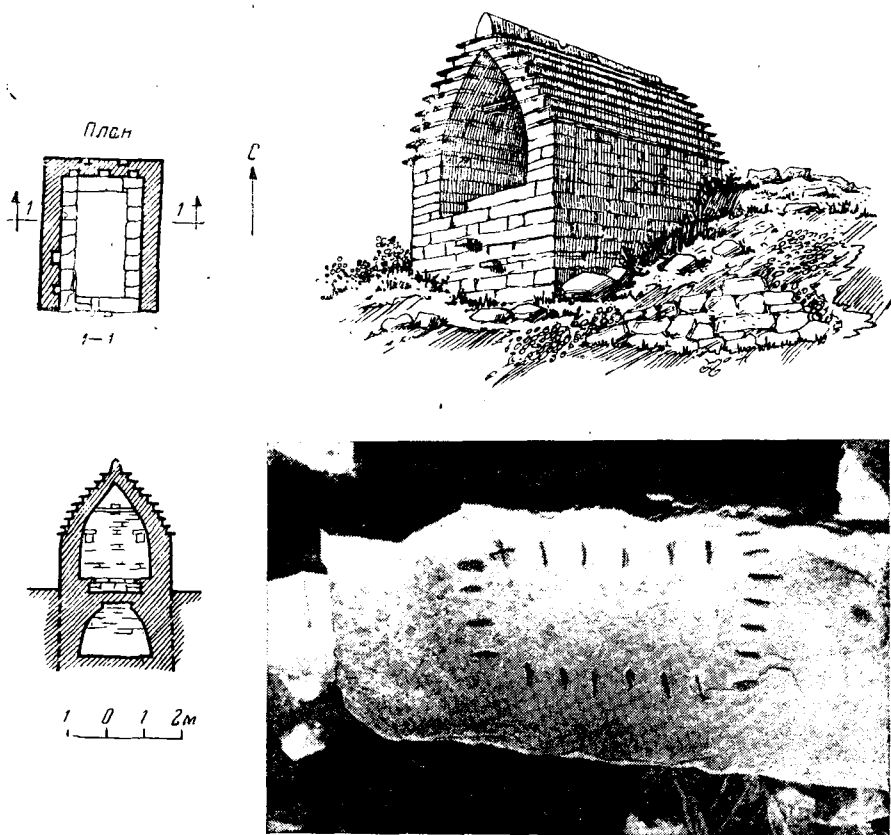

Рис. 5. Склеп-святилище с «поминальной камерой» в сел. Бирк: общий вид, план и разрез (рис. Ю. В. Стеблюка). На врезке «календарь» (фото В. П. Кобычева)

для совершения которых в кладку склепа вмазывали камень с просверленной в нем дыркой (или два камня, соединенные под углом так, что между ними оставалось отверстие).

Культовые памятники могут пролить некоторый свет и на историю христианства в Ингушетии. По наиболее распространенному мнению ингуши знали христианство, но впоследствии оно пришло у них в упадок, уступив место древним верованиям. Народные предания и такие памятники христианства, как знаменитый храм Тхаба-ерды, делают эту точку зрения весьма правдоподобной, собранные нами материалы тоже не противоречат этому. Действительно, в восточной части храма Магирерды стоит алтарь. Два расположенных один против другого выема у самой арочной перегородки, видимо, служили для крепления иконостаса или царских врат. Эти детали, как и одно из названий святилища — «Маги-джар» (джар — ингушск. 'крест'), позволяют считать храм христианским. Вместе с тем внимательное ознакомление с храмом убеждает в том, что он сооружен с учетом древних религиозных традиций ингушей. Речь идет не только о внешнем виде здания, повторяющем облик языческих святилищ. Храм построен с отклонением в 15° от линии восток — запад. Однако архитектор Ю. В. Стеблюк заметил, что стенки квадратного в плане алтаря более строго соответствуют сторонам света. Прямо на восток смотрит и окошко восточной стены, причем оконный проем в ущерб симметрии расположен не посередине стены, а несколько сбоку. Прямая линия, мысленно проведенная через середину алтаря и этот проем, имеет точное направление восток — запад. Да и за-

падная торцовая стена, где сделан вход, построена строго по линии север — юг, отчего соединение ее с боковыми стенами идет под косым углом. Все это означает, что строители хорошо знали, какую ориентацию должен иметь христианский храм, и пытались ее соблюсти. Что же мешало им быть последовательными? Скорее всего, очертания скалы. Южная стена храма возведена вдоль самой кромки обрыва и как бы продолжает скалу. Строители хотели, чтобы их постройка не нарушала, а дополняла то, что уже было создано природой. На крайне бережное отношение ингушских мастеров к участку горы, на котором они возводили храм, указывает и огромный выступ скалы, закрывающий от обзора часть западной (фасадной) стены и почти примыкающий к зданию так, что между ним и дверью храма остается проход размером меньше метра. И внутри храма, в восточной части, мы видим скалу нетронутой. Она выпирает снизу небольшой грядой сразу же за арочной перегородкой и поднимается так, что у восточной стены превышает уровень нынешней поверхности алтаря. Не стесав неровность скалы в алтарной части святилища, строители опять-таки нарушили архитектурные нормы (дальнее от входа окно значительно выше уровня остальных окон храма). Если вспомнить, что при строительстве склепов и жилых сооружений ингуши нередко вырубали большие участки скал, стремление зодчих сохранить каменное окружение и основание храма Маги-ерды покажется необычным. Видимо, скала, на которой возводили храм, была окружена некогда почитанием. Короче, христианский храм построили на языческом священном месте.

О былом распространении христианства в горах Галгая рассказывают и каменные узоры, украшающие стены некоторых жилых и боевых башен и склепов. На боевых башнях чаще всего встречается так называемый крест с «голгофой», широко распространенный в христианской эмблематике средневековья. Однако ингушский крест, обозначенный выемами в кладке, своеобразен — он напоминает фигуру человека с широко раскинутыми руками и ногами. Опираясь на это сходство, отдельные исследователи усматривали в изображении некий антропоморфный языческий символ. Но такая трактовка противоречит народным воззрениям на него, как на «крест» («джор»). А целый ряд изображений обладает особенностями, которые никак нельзя объяснить подобным толкованием. Так, И. М. Попов в статье «Ичкерия» приводит прорисовку одного такого знака на могильной стеле из восточной части Чечни: «ноги» обозначены плавными изогнутыми линиями, соединенными между собой.

На склепах преобладают кресты несколько иных очертаний — с «плечиками», т.е. с опущенными вниз концами верхней перекладины (без «ног» и без «голгофы»). Есть мнение, что это изображение арбалета, но такое толкование вряд ли удачно: арбалет логичнее было бы изображать на боевой башне, а не на склепе. Главное же, что среди крестов с «плечиками» встречаются и соединенные с голгофой. Именно такой крест есть в храме Маги-ерды, что уже само по себе исключает иные объяснения. Крест-«арбалет», так же как и крест с «голгофой» — типичные христианские символы, используемые в качестве оберегов. Как раз поэтому они нанесены на те стены культовых сооружений, которые обращены в сторону важнейших дорог и речных долин.

На ряде жилых и боевых башен, на склепах нередко можно видеть декор, выполненный тем же выемочным способом, но имеющий вид квадратов или ромбов. Обычно он образован четырьмя небольшими нишами, расположенными по сторонам квадратного камня кладки. Если мысленно соединить противоположные ниши между собой, то вновь получится изображение креста, как мы и склонны интерпретировать это украшение. Правомерность нашего толкования подтверждается и тем, что в ряде случаев такой узор повторяется на плоскости стены четырежды, причем таким образом, что возникает изображение еще одного — боль-

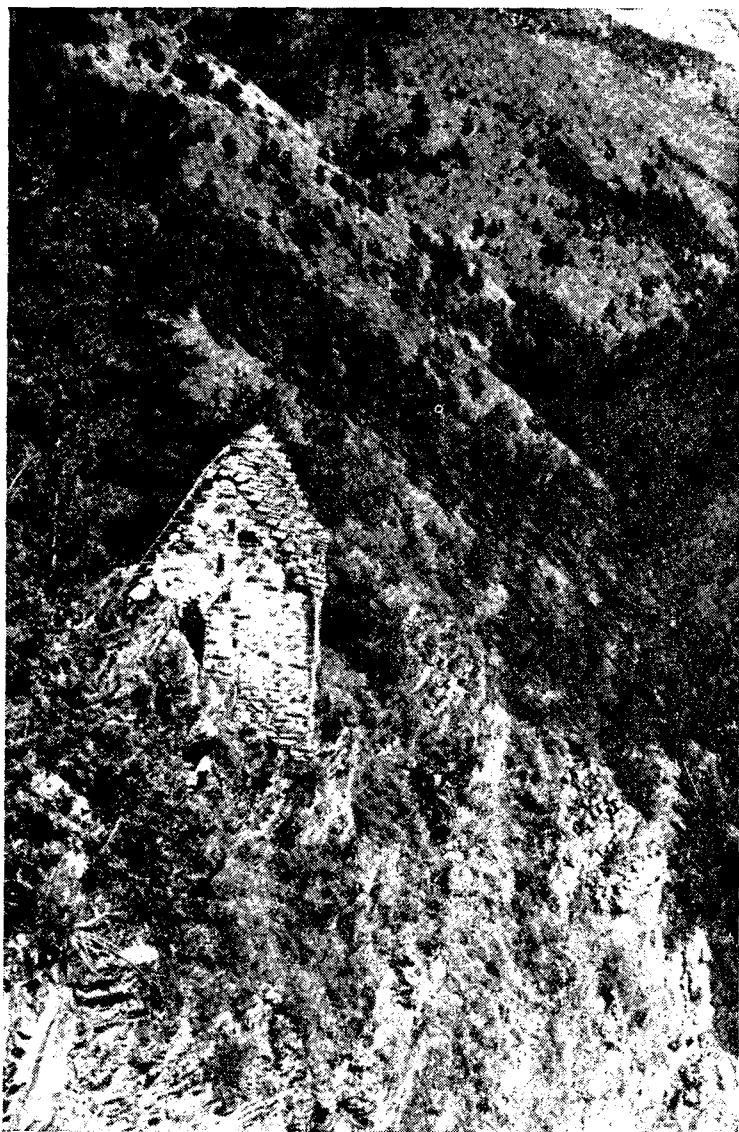

Рис. 6. Храм Маги-ерды в сел. Магыт (Маглт) (фото В. П. Кобычева)

шего — креста, образованного его меньшими подобиями (ср. кресты с поперечными перекладинами на концах в христианской эмблематике). Из других видов орнамента, встречающегося на боевых башнях и склепах, следует упомянуть «ромбы» или «горки» из 9, 10 и 21 клеток. Это в своей основе опять-таки не что иное, как тот же крест, превратившийся в «ромб», и «голгофа», лишенная креста и ставшая треугольником, «горкой». Любопытно, что на двух склепах в селениях Таргим и Цызды «ромб» соединен с «горкой» в сочетании, образующем уже знакомый нам крест с «голгофой». Подобные украшения, состоящие из разрозненных частей некогда единого символа, свидетельствуют о том, что в период строительства сооружений, на которых они встречаются, христианство у ингушей находилось в глубоком упадке и семантика используемых знаков была ими уже забыта.

Более раннюю ступень религиозного мышления отражают петроглифы, выбитые на камнях кладки ряда ингушских жилых и боевых башен. Число их крайне незначительно и заметно уменьшается по мере движения с востока на запад. Так, в долине Армхи нам встретился всего один петроглиф в ауле Эрзи. Рисунок — три дуги, отходящие от круга, — был нанесен на большой каменный блок, перекрывавший вход в жилую башню. Но уже в долине реки Ассы число петроглифов оказалось значительно большим. В селении Таргим на основании одной из боевых башен И. Магомадов обнаружил превосходно выполненный рисунок сдвоенной спирали с концами, закрученными в противоположные стороны. Другое изображение спирали он нашел на камне среди руин селения Евлой. В селении Хамхи был открыт целый ряд петроглифов — спаренные завитки рогов барана, схематическое изображение козла и некоторые другие фигуры, в том числе, выполненные в технике горельефа. Еще более разнообразные знаки можно увидеть на камнях построек в долине Меши-хи. Здесь встречаются тамгообразные символы, стилизованные изображения «пахотных полей», узоры, состоящие из двух концентрических кругов, соединенных между собой двадцатью двумя наклонно расположенными черточками, с крестиком посередине (сравни с календарем в святилищах со склепами). Имеются и еще более сложные рисунки, где изображены космогонические символы, геометрические фигуры и т. п.

Ингуши давно забыли смысл петроглифов, высеченных на камнях их построек. Камни с рисунками встречаются в самых неожиданных местах — в основаниях башен, в их каменной кладке, на углах и т. д.; т. е. вторичное их использование несомненно. Очевидно, ко времени сооружения сохранившихся башен обычай выбивать знаки уже умер. Что способствовало забвению прежней традиции? Идеологическая борьба, связанная с проникновением христианства? Мы готовы принять такое объяснение, считая, что утвердившийся сравнительно поздно обычай обмазывать стены зданий известковым раствором мог поощряться христианским духовенством. Не случайно декор еще целых сегодня башен и склепов состоит только из узоров, возникших на основе креста.

* * *

В опустевших горах, среди заброшенных развалин становится условной грань между археологом и этнографом. Мы не производили раскопок, но, как и археологи, оказались наедине с безмолвными памятниками седой старины и должны были сами разгадать тот своеобразный язык, которым создания рук человеческих повествуют о своих творцах. Некоторые сведения, запечатленные в особенностях внешнего облика зданий или строительных приемов, поддались расшифровке. Однако до сих пор понятны лишь отдельные указания того уникального исторического документа, который представляют собой в совокупности архитектурные памятники Галгая. И тот, кто извлечет из этого документа новые данные, сделает это не за письменным столом, а на заросших горных тропах, когда он будет идти от одного мертвого селения к другому, чтобы вновь остановиться в восхищении перед величественными творениями ингушских зодчих.

СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ГЕНЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В МАРИЙСКУЮ АССР В 1970 ГОДУ

Совместная советско-финская экспедиция 1970 г. в Марийскую АССР является продолжением начатого еще в 1967 г. в Финляндии долголетнего советско-финского сотрудничества в области антропологии, которое осуществляется через Межправительственную Советско-Финляндскую Комиссию по научно-техническому сотрудничеству.

В составе экспедиции работало 12 научных сотрудников — шесть человек от Советского Союза (из Института этнографии АН СССР) и столько же от Финляндии. Начальником советской группы специалистов была Н. В. Шлыгина, научным консультантом — А. А. Зубов. Отдельные разделы программы выполняли И. М. Золотарева, Н. И. Халдеева, аспиранты отдела антропологии ленинградской части Института этнографии А. Г. Козинцев и А. В. Шевченко.

От различных научных учреждений Финляндии в экспедиции принимали участие: из Глазной клиники Университета в г. Оулу профессор-офтальмолог Х. Форсиус и специалист-фотограф по антропологической и офтальмологической фотографии Х. Ниemi-нен. От Института «Фолькхэлсан» («Народное здоровье») в Хельсинки — заведующий лабораторией популяционной генетики А. В. Эрикссон, лаборант-гематолог К. Партанен, лаборант-биохимик М. Кирьяринта. Возглавлял группу финских исследователей д-р П. Кайанойа.

Целью данной экспедиции, как и трех предыдущих советско-финских экспедиций, работавших на территории Финляндии, было углубленное антропо-генетическое исследование угро-финских народов. Оно было предпринято в связи с рассмотрением проблем этногенеза, а также в связи с широко изучаемой во всем мире проблемой адаптации человека к различным географическим (в частности климатическим) условиям и вопросами микроэволюции человеческих популяций.

Программа работы экспедиции была составлена с учетом этих задач и включала общепринятые элементы Международной биологической программы, а в некоторых разделах была шире последней. Было намечено обследование трех локальных групп марийцев: двух луговых и одной — горных.

Экспедиция начала работу в г. Волжске, где проработала с 12 по 17 июня, затем продолжила свои исследования в г. Звенигове — с 17 по 25 июня и в г. Козьмодемьянске с 26 по 30 июня. Группы, обследованные в Волжске и Звенигове, принадлежат к луговым мари; группа из окрестностей Козьмодемьянска — к горным мари. Обследовалось взрослое мужское население. Всего было обследовано 362 человека.

Согласно заранее достигнутой договоренности с местными организациями, для обследования были выбраны только люди марийского происхождения (насколько это было возможно установить путем опроса).

Научная программа начиналась с регистрации сведений о самом исследуемом (фамилии, точного возраста, места рождения, национальности). Собирались по возможности полные сведения о национальности и месте рождения родителей и родителей отца и матери, т. е. составлялась генеалогическая анкета. К сбору описательных признаков генетического раздела анкеты относилось также фиксирование функционального соотношения между правой и левой руками (ответы на вопросы о предпочтительном использовании одной или другой руки при еде, письме, бросании), доминирования правой или левой руки (при складывании их на груди), положения больших пальцев (при соединении кистей вместе). Далее, фиксировались показания о наследственных болезнях в семье, продолжительном приеме каких-либо лекарств, количестве употребляемых в сутки сигарет. Эти вопросы выяснялись в связи с возможным влиянием такого рода факторов на результаты физиологических показателей. Опрос и заполнение соответствующей анкеты проводил А. Г. Козинцев.

Дальнейшее генетическое обследование продолжалось уже в лаборатории. Оно состояло из двух частей; сначала А. Эрикссон брал у обследуемого кровь из вены в шесть пробирок, три из которых содержали глюкоз-цитрат; в трех других получали

две составные части крови — плазму и эритроцитарную массу. Затем измерялось кровяное давление, а также определялись некоторые внешние особенности генетического характера: вид ушной серы, число волосков и волосяных фолликулов на второй фаланге пальцев обеих рук; брались образцы волос с затылочной части головы.

Вследствие недостатка времени и необходимых лабораторных условий во время самой экспедиции были выполнены лишь некоторые разделы обширной гематологической программы. Определялась групповая принадлежность крови по очень широкому спектру анти-сывороток: ABO (с разделением на A_1 и A_2), MNSs P, Lewis, Rhesus, Duffy, Diego, lutheran, Kell. Эту часть программы выполняли К. Партанен и И. М. Золотарева.

В настоящее время в Финляндии в лаборатории популяционной генетики под руководством А. В. Эрикссона продолжают обрабатывать образцы крови. Будут получены данные по формам гемоглобина, гаптоглобинов, трансферринов, липопротейна, энзимов, а также результаты качественного изучения эритроцитов. Консервация и длительное хранение образцов крови были возможно благодаря наличию холодильников глубокого холода (t° от -20° до -30°).

Еще одна генетическая характеристика изученных популяций получалась д-ром П. Кайанойа, определявшим порог чувствительности к фенилтиокарбамиду (РТС). Работа велась на 14 растворах пропорционально возрастающей концентрации.

Раздел антропометрического обследования включал снятие размерных признаков головы и лица (в несколько меньшем объеме, чем обычно в практике советских исследователей), длину тела в положении стоя и сидя. Эту часть программы выполнял также П. Кайанойа.

Описательные признаки по бланку Института этнографии АН СССР определяла И. М. Золотарева.

Одонтологические исследования проводил А. А. Зубов по принятой в СССР программе, которая используется при изучении народов Советского Союза и которая применялась в работе на территории Финляндии в 1969 г. Эта программа значительно шире соответствующего раздела Международной биологической программы и содержит набор признаков, применяемых в этнической антропологии при установлении генетического родства между этническими группами, а также позволяет судить о состоянии зубной системы и ее микроэволюции в данных географических условиях. У марийцев в группах луговых мари (Волжск и Звенигово) зубы оказались лучшей сохранности, и все признаки можно было определить у взрослых. В группе горных мари был отмечен более высокий процент поражения кариесом, и материал, собранный во взрослой группе, оказался недостаточным. Была предоставлена возможность собрать недостающий материал среди школьников села Вилотово (откуда были родом многие пациенты). Была собрана группа в 70 человек, составившая вместе с исследованным взрослым населением достаточно представительную выборку. Некоторые предварительные подсчеты показывают, что эти данные, впервые полученные с этой территории, представляют большой интерес (выявляются различия в примеси восточного компонента у горных и луговых мари; очень интересна картина распределения частот бугорка Карабелли у луговых мари).

Офтальмологическую программу вел Х. Форсиус (совместно с Х. Ниеминеном и сотрудницей Ин-та этнографии Н. И. Халдеевой). Первая часть программы включала определение цветовой слепоты. При этом использовались хроматические таблицы Бострема-Кугельберга, разработанные в Швеции, полихроматические таблицы Рабкина, разработанные в СССР, и японские таблицы Ишихара. Обнаруженные аномалии цветового зрения затем более точно диагностировались с помощью аномалоскопа Пикфорда и полихроматических фишек, система которых разработана в лаборатории проф. Х. Форсиуса.

Вторая часть программы офтальмологической лаборатории состояла в изучении различных структур глаза. Измерялись радиус и толщина роговицы глаза, глубина передней камеры, фокусное расстояние хрусталика, размер зрачка, определялась острота зрения. Цвет радужины определялся по шкале Мартина — Заллера. Исследовалось и фотографировалось глазное дно.

Особо следует отметить сбор многообразных фотографических материалов, включающих антропологическую стереофотографию головы и лица в нескольких нормах, а также специальные офтальмологические фотографии деталей строения глаза. Качество всех этих фотографических операций очень высоко, и все материалы предназначены для проведения последующих измерений с большой степенью точности.

Еще один раздел выполненной программы — дерматоглифический. Брались отпечатки ладоней и отдельных пальцев у всех исследованных лиц. Эту часть программы выполнял А. В. Шевченко.

В настоящее время все материалы находятся в обработке — лабораторной и статистической. В Институте этнографии будут полностью обработаны материалы по одонтологии и дерматоглифике. Институт располагает также материалами по описательным признакам расово-диагностического характера. Биохимическая обработка образцов крови, слюны и описательных признаков генетического характера будет проведена в Финляндии. Однако все материалы экспедиции по имеющейся договоренности будут доступны для обеих сторон, и первые результаты намечено обсудить на совместном совещании членов экспедиции в апреле 1971 г. в Москве.

Таким образом, за сравнительно короткий срок (в течение трех недель) была выполнена чрезвычайно обширная программа генетико-антропологического изучения трех групп марийцев, которые в результате оказались одной из наиболее полно изученных групп населения СССР. Опыт проведения советско-финской экспедиции 1970 года показал неотложную необходимость выполнения таких разносторонних исследований среди различных этнических групп Советского Союза. Некоторые разделы экспедиционной программы обычно проводятся в СССР в более широком объеме (например, антропометрический, одонтологический и дерматоглифический). Однако гематологический и особенно собственно генетический разделы проводятся в более узком масштабе, что намного сокращает антропogenетическую информацию о популяции.

Трудность и часто невозможность осуществления этой программы связана прежде всего с недостатком соответствующего лабораторного оборудования и сывороток для работы с кровью. Часть перечисленных выше сывороток производится в Советском Союзе и используется во время советско-финских экспедиций уже несколько лет (в частности анти-Le^a, анти-Le^b, анти-R получили самую высокую оценку со стороны финских специалистов). Однако ряда сывороток мы не получаем для проведения массовых популяционных исследований. Это обстоятельство во многом тормозит работу, а полученные результаты без сравнительных материалов в значительной мере теряют свою ценность. Демонстративен пример изучения марийцев. По большинству генетических и собственно гематологических характеристик мы не располагаем необходимыми данными даже по соседним этническим группам, что очень обеднит интерпретацию данных экспедиции. Отмеченные интересные факты распределения групп крови (например, сравнительно высокая частота Di+ > 2%) пока занимают обособленное положение из-за отсутствия сравнительного материала. Такое положение нуждается в скорейшем изменении.

Следует отметить большую заслугу местных советских организаций в успешном выполнении исследовательского плана экспедиции. Подготовка помещений для лабораторий и размещения сотрудников экспедиции, выбор контингентов для обследования и четкая доставка людей к месту работы, связь с местными медицинскими работниками, которые оказывали посильную помощь — все это в значительной мере способствовало обеспечению выполнения весьма трудоемкой и сложной программы в сравнительно короткий срок.

И. М. Золотарева, А. А. Зубов

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МОНГОЛОВЕДОВ

В сентябре 1970 г. в Улан-Баторе состоялся II международный конгресс монголоведов. Одиннадцать лет назад, в 1959 г. в Улан-Баторе собрался I монголоведческий конгресс, в котором приняли участие 35 ученых из 15 стран¹. На нынешний конгресс прибыли уже более 150 ученых из 26 стран мира. Прошедшие годы ознаменовались интенсивным развитием монголоведческой науки в таких странах, как СССР, США, ФРГ, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Польша, и выделением монголоведения в самостоятельную отрасль науки во Франции, Индии, на Кубе, в Афганистане.

Наибольшее число докладов представили делегации Академии наук МНР (43 доклада), СССР (16 докладов), ГДР (8 докладов), Польши (6 докладов), Венгрии (5 докладов). По 4 доклада представили научные центры США, ФРГ, Японии. На конгрессе присутствовали ведущие монголоведы и алтаисты мира: П. Аалто (Финляндия), Ц. Дамдинсурэн (МНР), О. Латтимор (США), Л. Лигети (Венгрия), Б. Ринчен (МНР), Г. Д. Санжеев (СССР), В. Хайсиг (ФРГ), Ш. Хаттори (Япония) и др.

На конгрессе работали 2 секции: филологии и лингвистики, истории и экономики, на которых в общей сложности было заслушано 106 докладов. Проблематика этих докладов, разумеется, была намного шире тематических рамок секций. Доклады, представляющие интерес с этнографической точки зрения, можно объединить в несколько небольших групп.

Этническим процессам, происходившим на территории Монголии с древнейших времен до наших дней, были посвящены доклады четырех монгольских ученых. Г. Сухэ-Батор в докладе «К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби» приводит данные китайских источников о дуально-брачных отношениях между хунну и сяньби, представлявших собой этнические родственные группы. Именно этим автор объясняет легкость, с какой хунну после разгрома их державы слились с сяньби и приняли их имя. Вслед за К. Сиратори он считает, что ядром смешанного хунну-сяньбийского этнического образования были монгольские племена.

¹ См.: Ю. Н. Рерих, Первый международный съезд монголоведов-филологов. «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.

Ц. Хандсүрэн посвятила свой доклад вопросу о происхождении жужаней и местонахождении их столицы Мумо-чэн. Она привела данные китайских источников по этому поводу и рассказала, что летом 1970 г. в этом районе (на территории нынешнего Арахангайского района МНР) была произведена археологическая разведка, правда, пока не давшая никаких результатов.

Д. Гонгор рассказал об этапах формирования халхасской народности, составляющей ныне основное ядро монгольской нации.

В докладе С. Бадамхатана «Современные этнические процессы в МНР» подведен своеобразный итог всем предшествующим выступлениям, отмечен тот исторический вклад, который внесли в этногенез монголов все народы, обитавшие издревле на территории Монголии. Докладчик осветил те процессы, которые характеризуют монгольскую этническую общность на современном этапе: формирование единой монгольской нации, слияние малых этнических групп в составе более крупных народов с последними, и в свою очередь сближение малых народов (дэрбэтов, захчин, олетов и др.) с халха — основным ядром монгольской нации. Отмечена роль экономического, культурного и языкового факторов в происходящей национальной консолидации.

Доклады советских археологов А. П. Окладникова «Новые данные по первобытной истории Монголии», В. В. Волкова «Некоторые вопросы бронзового и ранне-железного века в Монголии» и Э. А. Новгородовой «Оленные камни Монголии и их место в культуре Центральной Азии» построены на материале, собранном в последние годы советско-монгольской историко-культурной экспедицией. В докладах дана периодизация новых находок и указано их место в истории культуры народов данного региона.

Особую группу образуют доклады, посвященные социологическому анализу современных и традиционных форм быта монголов. Современный быт освещен в докладах четырех сотрудников Института истории материальной культуры Польской Академии наук, в 1963—1968 гг. проводивших интересные полевые исследования в Баян-сомоне Центрального района МНР. В. Е. Дыновский в докладе «Новая и новейшая культура аратов» отметил общие тенденции, характерные для современной культуры сельского и городского населения Монголии. С. Соколевич в докладе «Этнографическое исследование культуры рабочего класса» ознакомила членов конгресса с методикой работы Польской социологической экспедиции. Д. Марковска посвятила свой доклад внедрению черт городского быта в традиционную культуру аратов, а С. Шинкевич в докладе «Семейные бюджеты как источник исследования изменений в жизни зрательской семьи» сопоставил бюджеты монгольской семьи в прошлом и настоящем, выявил статьи расхода, появившиеся в последние годы, рассмотрев их с точки зрения социальных показателей, характеризующих монгольскую семью.

Близок к вышеупомянутым докладом по своей проблематике и доклад Г. Цэрэнханд (МНР) «Современная монгольская семья», где семья рассмотрена как экономическая, социальная, культурная ячейка современного монгольского общества, отмечено изменение понятия «главы семьи» в современных условиях в связи с экономическим уравнением в правах мужа и жены.

В докладе С. Мягмаржава (МНР) «Кочевки скотоводов — как метод использования пастбищных ресурсов» отмечен рациональный характер традиционной формы ведения скотоводческого хозяйства — кочевания и необходимость ее использования в современных условиях наряду с новыми формами интенсификации скотоводства.

Доклад Р. Аймайон (Франция) «Обычай обмена табакерками у монголов» посвящен сохранившейся до наших дней детали древнего обычая гостеприимства.

«Традиционные ремесла и промыслы Монголии» — тема доклада В. П. Дарбаковой (СССР). Доклад был посвящен этапам формирования и современным формам бытования металлообрабатывающего, деревообделочного и кожевенного производства у монголов.

Отдельную группу составили источниковедческие доклады.

Совместный доклад В. А. Лившица и С. Г. Кляшторного (СССР) «Согдийская надпись из Бугута» был посвящен истории находки стелы, переводу и историческому комментарию ее текста, относящемуся ко времени Первого тюркского каганата. Надпись сообщает много новых интересных сведений по истории Центральной Азии VI в.

М. Гадамба (МНР) выделил популярные образы монгольского фольклора, нашедшие отражение в «Сокровенном сказании».

С. Калужинский (Польша) посвятил свой доклад ряду терминов линейного и коллатерального родства, встречающихся в тексте «Сокровенного сказания», и их дальнейшей эволюции вплоть до наших дней.

Традиционные образы монгольской мифологии и их отражение в современном фольклоре послужили основой доклада Л. Леринца (Венгрия). А. Рона-Таш (Венгрия) в докладе «Марзан Шарав — великий художник и этнограф монгольского народа» проанализировал произведения художника с точки зрения их использования в качестве этнографического источника и предложил составить словарь монгольской этнографической терминологии, проиллюстрировав его отдельными сценами и деталями, взятыми с полотен Марзан Шаравы.

О. Латтимор (США) в своем сообщении «Деревянный футляр монгольской пайцзы» подчеркнул значение подобных старинных экспонатов в качестве источника

для изучения обычаев и технических знаний монголов эпохи средневековья. В докладе Ц. Шугэра (МНР) «Новые данные о ксилографическом способе книгопечатания в Монголии» разбирались история и технология создания памятников монгольской ксилографической литературы.

Три доклада были посвящены проблемам ономастики. И. Шуберт (ГДР), возглавлявший несколько лет назад экспедицию, занимавшуюся поисками могилы Чингисхана, в докладе «Ритуалы горных божеств Бурхан-халдун и Хэнтей-хан» доказывал идентичность наименования горы Бурхан-халдун как предполагаемого места погребения Чингисхана (согласно Рашид-ад-Дину) с современным оронимом Хэнтей-хан. Выводы докладчика базируются не только на чисто географических и топографических сопоставлениях современных объектов с теми, что описаны в «Сокровенном сказании» и у Рашид-ад-Дина, но и на сопоставлении современных и средневековых ритуалов совершавшихся в честь божеств той и другой горы. На основании всего этого докладчик локализует могилу Чингисхана в районе современной горы Хэнтей-хан. Дж. Бой (Англия) провел аналогичную идентификацию территорий, связанных с монгольской империей XIII в. с современными топонимами МНР. В докладе Т. А. Гуриева (вслед за В. И. Абаевым, выдвинувшим четверть века назад теорию о монгольских заимствованиях в нарском эпосе), этимологизируется ряд имен героического эпоса осетин и монгольского языка.

Большая группа докладов представляла собой историографические обзоры монголоведческих исследований в различных странах на современном этапе. Уже простой перечень этих докладов свидетельствует как о возрастании интереса к Монголии во всем мире, так и о расширении самого понятия монголоведение, под которым еще начале XX в. понималась лишь классическая филология. Вот эти доклады: Д. Д. Лутсанов (СССР) «Монголоведение в Бурятии», И. К. Илишкин (СССР) «Монголоведение в Калмыцкой АССР», Р. Рахул (Индия) «Монголоведение в Индии», С. С.-Ш. Хомам (Афганистан) «Монголоведение в Афганистане», Д. Синор (США) «Историография Монголии в Европе», Б. Ширэндыб (МНР) «Место и значение народной революции в истории Монголии», Ш. Нацагдорж (МНР) «Историческая наука в МНР», Ш. Бира (МНР) «К изучению истории монгольской культуры», Н. Сэр-Оджав (МНР) «Археологические исследования в МНР», Ч. Жугдэр (МНР) «Общественно-политическая и философская жизнь Монголии в XIX в.».

На заключительном пленарном заседании выступили главы всех делегаций, представленных на конгрессе. Все они оценили прошедший конгресс как значительный вклад в монголоведческую науку. Был избран Постоянный комитет Международного конгресса монголоведов в составе Б. Ширэндыба (МНР), Л. Лигети (ВНР), А. П. Окладникова (СССР), Ф. Бурхарда (США), Ш. Хаттори (Япония), О. Латтимора (США), С. Д. Дылыкова (СССР), К. Губера (ГДР). Секретарем Комитета избран С. Лувсандан (МНР).

Конгресс в целом продемонстрировал высокий уровень современного развития монголоведческой науки как в самой Монголии, так и за ее пределами.

Н. Л. Жуковская

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

**БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЗА 1900—1962 гг. И ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

В наши дни, когда количество выпускаемой научной литературы непрерывно увеличивается, библиографические работы становятся все более необходимыми. Недаром библиографов называют лоцманами книжного океана. Выпущенная Библиотекой Академии наук СССР и Институтом этнографии АН СССР «Библиография трудов Института этнографии» включает все публикации этого института и Музея антропологии и этнографии, на базе которого в 1933 г. был создан Институт этнографии АН СССР¹. Библиография, объемом около 30 а. л., включает свыше 5 тыс. работ, вышедших с 1900 по 1962 г.² По типу библиография принадлежит к числу ведомственно-отраслевых, так как в нее включены только издания Института этнографии АН СССР.

Однако в отличие от других ведомственных библиографий (например, от недавно изданной библиографии трудов Института истории АН СССР)³, рассматриваемая библиография несравненно более представительна именно как отраслевая, т. е. представляющая целую научную дисциплину. Во-первых, она охватывает большой период времени (в библиографии Института истории учтены лишь работы с 1936 по 1965 г.), а во-вторых, в ней представлена значительная часть этнографических и антропологических работ, опубликованных в стране за 62 года. Известно, что количество работ по этнографии и антропологии, выпускаемых помимо Института этнографии, т. е. публикуемых другими центральными институтами и издательствами, а также местными (республиканскими, краевыми, областными и городскими) учреждениями и издательствами, относительно невелико, если сравнивать их, например, с выпускаемыми на местах же работами по истории, современному положению и т. п. (мы имеем в виду работы научного характера). Что касается числа этнографических работ в абсолютных

¹ «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1900—1962». Составители О. В. Бунакова, Р. В. Каменецкая, Л., 1967, 281 стр. (В росписи некоторых изданий участвовала Н. И. Дерябина).

² В работе расписаны все издания названных учреждений, а именно: 1) журналы «Этнография» (М.—Л., 1926—1930, всего 12 номеров, считая и сдвоенные), 2) «Советская этнография» (М., 1931—1937, 38 номеров, включая сдвоенные, и 1946—1962, 80 номеров), 3) сборники статей «Советская этнография» (М.—Л., 1938—1947, 7 номеров), 4) «Краткие сообщения Института этнографии» (М., 1946—1962, 37 выпусков), 5) «Сборники Музея антропологии и этнографии» (СПб., Пг., Л., 1900—1961, 20 томов, тома 1 и 2 составлены из 20 выпусков), 6) серия «Народы мира» (10 тт., вышедших в 1954—1962 гг.), 7) «Труды Института антропологии и этнографии» (Л., 1934—1937, тт. 1—16, за исключением невышедших 5, 6, 11 и 13 томов), 8) «Труды Института этнографии. Новая серия» (М., 1947—1962, 80 томов), а также 9) «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции» (М., 1956—1960, 4 тома), 10) «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» (М.—Л., 1960), 11) «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (М., 1952—1959, 4 тома), 12) «Материалы Хорезмской экспедиции» (М., 1959—1961, 5 томов). В библиографию вошли также отдельные монографии, выпущенные в институте, авторефераты защищенных в нем диссертаций и тезисы докладов, подготовленных для международных, всесоюзных и иных съездов, конференций и т. п. при участии сотрудников института. Расписаны почти все работы; нами обнаружено лишь несколько пропусков на пять с лишним тысяч названий! Работы по археологии, опубликованные в изданиях института, в данную библиографию вошли лишь в той мере, в какой они связаны с этнографией; основная же их масса включена в трехтомную библиографию археологических работ (см. сноску 5).

³ Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина, Труды Института истории АН СССР. 1936—1965. Библиография, вып. I—IV, М., 1968 (см. рец. Г. Д. Алексеевой на эту библиографию в журн. «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 155—156).

цифрах, то указать точное процентное соотношение этнографических работ, изданных институтом в сравнении с другими учреждениями, сейчас, до публикации сводной библиографии советских этнографических и антропологических работ, не представляется возможным.

Кроме того, как явствует из предисловия редакторов, «в изданиях института печатали свои работы и сотрудники других учреждений, как центральных, так и республиканских, а также некоторые прогрессивные зарубежные ученые. Таким образом, публикуемая «Библиография трудов Института этнографии АН СССР» представляет собою сводку работ обширного авторского коллектива, деятельность которого на протяжении многих лет была тесно связана с задачами Института и Музея» (стр. 5).

Необходимо отметить также, что в изданиях института публиковались работы содержащие наиболее ценные теоретические положения и интересный фактический материал. Мы без колебаний можем сказать, что эти издания, с одной стороны, отражают состояние этнографической науки в СССР, а с другой — определяют развитие этой науки. Следовательно, можно отметить, что данная библиография, употребляя современную социологическую терминологию, является вполне представительной и исчерпывающей выборкой.

С выходом в свет рецензируемой работы заполняется существенный пробел в нашей гуманитарной науке, ибо до недавнего времени этнография была среди других исторических дисциплин на положении Золушки и, в отличие, например, от истории⁴, археологии⁵ и фольклористики⁶, не имела даже своего «послужного списка», т. е. библиографии.

Действительно, после капитального труда Д. К. Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России», в котором были расписаны работы с 1700 по 1910 г. (8847 названий)⁷, и написанного им же библиографического «Обзора советской этнографической литературы за 15 лет», где были учтены работы за периоды с 1917 по 1932 г. включительно⁸, литература за весь последующий период не была сведена в общую библиографию, что доставляло немало огорчений и прямых неудобств всем, кто так или иначе соприкасался с этнографией.

Естественно, что рецензируемая библиография вызвала самый живой интерес среди специалистов и была моментально раскуплена, чему способствовал и явно заниженный тираж (1800 экземпляров). Работа вызвала большой интерес и за рубежом, о чем свидетельствуют, например, рецензии Адама Пранды в словацком этнографическом журнале «Словенски народopis», Збигнева Ясевича в польском журнале «Люд»⁹.

В книге пять крупных частей, внутри которых материал четко распределен по разделам — в основном в соответствии с системой, разработанной советскими этнографами для серии «Народы мира». Не перечисляя всех рубрик (ибо для знакомства с ними достаточно прочесть оглавление), отметим среди них лишь основные. Укажем также количество работ в каждой из отмеченных рубрик, чтобы дать представление о соотношении между отдельными участками этнографических исследований.

Знакомство с основными рубриками библиографии и подсчет процентного отношения числа работ, включенных в ту или иную рубрику, к общему объему работ позволяют увидеть, какие разделы этнографической науки разработаны лучше и какие хуже.

Рассмотрим теперь основные разделы справочника. В первой его части, озаглавленной «Работы общего характера», исследователь найдет материалы по организации этнографической науки в СССР и за рубежом, по истории этнографических знаний и критике этнографических теорий, по методике этнографической работы, по музейному делу и краеведению. Эта часть включает 1088 названий (т. е. 21% включенных в библиографию работ).

Вторая часть «Общие и теоретические работы по этнографии» невелика по объему — здесь всего 320 названий (т. е. 6,1% общего объема). В этой части объединены труды по общей этнографии, истории первобытного общества и его периодизации, этногенезу и этнической истории, проблемам общественного строя (включая семейно-брачные отношения), по ряду вопросов истории культуры — как общих, так и конкретных (в том числе по языку и письменности, народному искусству, религии), наконец, по национальному и колониальному вопросам.

⁴ Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина, Указ. раб.; кроме того, был также опубликован целый ряд тематических и иных библиографий по истории.

⁵ Советская археологическая литература. Библиография [1918—1962]. В трех томах. Сост. Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская [и др.], М.—Л., 1959—1969.

⁶ «Русский фольклор. Библиографический указатель» [1917—1965]. В трех томах. Составила М. Я. Мельц, Л., 1961—1967.

⁷ Д. К. Зеленин, Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910, СПб., 1913, 775 стр.

⁸ Д. К. Зеленин, Обзор советской этнографической литературы за 15 лет, «Сов. этнография», 1932, № 5—6, стр. 234—267.

⁹ A. Pranda, in: «Slovenský národopis», roč. XVI, 1968, čís. 4, str. 649—652; Z. Jasiewicz, in: «Lud», t. 53, 1969, str. 348—349.

Наибольший объем в работе занимают материалы по этнографии народов СССР зарубежных стран. Часть библиографии, посвященная этнографии народов СССР, составляет 2318 названий (44,6% всех работ). Работы общего характера (всего 3 работы или 7,5% от числа работ, включенных в данную часть) выделены особо¹⁰. Они, в свою очередь, разбиты на рубрики по принятой в издании системе. Остальной материал: работы по крупным регионам Европейской части РСФСР (420 названий, 1%), Уралу, Сибири, Дальнему Востоку (620 работ, 26,6%), Украине, Молдавии и Белоруссии (128 работ, 5,6%), Кавказу (343 работы, 15%), Средней Азии и Казахстану (41 работа, 23%), Прибалтике (101 работа, 4,3%).

Часть библиографии, посвященная этнографии народов зарубежных стран, насчитывает 1140 названий (22% всех работ). В отдельных разделах этой части объединены работы, относящиеся к той или иной части света: Европе (147 работ, 13%), Азии (351 работа, 31%), Африке (221 работа, 19%), Австралии и Океании (159 работ, 14%), Америке (262 работы, 23%).

Последняя часть библиографического справочника — «Антропология». Здесь отмечено 329 работ (т. е. лишь 6,3% всех расписанных работ).

Помимо систематизированного перечня опубликованных трудов, составители библиографии приводят также переводы работ советских авторов на иностранные языки и дают указатель рецензий на советские работы — как в советских, так и в зарубежных изданиях. Это, с одной стороны, дает возможность увидеть, какие проблемы в наибольшей степени волнуют советских этнографов, а с другой — позволяет в той или иной мере судить о степени знакомства с советскими исследованиями за рубежом.

Очень полезны для специалистов разделы «Personalia» и «Краткие сведения об ученых», помещенные в журнале «Советская этнография» за 1920—1930 гг. В первую включено 129 имен, во вторую — многие десятки.

Библиография снабжена надежными указателями: этнических названий (около 700 этнонимов), «Авторов и редакторов книг, статей и рецензий» (свыше 1700 имен), «Авторов рецензий и переводчиков» (более 100 имен; правильнее было бы назвать этот указатель «Авторы рецензий на советские издания и переводчики»), «Авторов и редакторов рецензированных книг» (около 370 имен на русском языке и почти 300 — на иностранных).

Опубликованная библиография является большим подспорьем для историков этнографической науки в России и СССР, в частности помогает выделить основные направления развития этнографии, выяснить интенсивность выхода работ по отдельным проблемам в определенные периоды, определить сильные и слабые места этнографической и антропологической науки (например, степень изученности того или иного народа, региона, этнографического явления). Она показывает, какое количество специалистов было занято на определенных участках этнологических исследований, демонстрирует степень интенсивности, с которой работают те или иные представители этнографической науки, и т. д. Подробный анализ опубликованной библиографии в названных аспектах — задача особая. Мы ограничимся лишь тем, что отметим основные моменты в развитии этнографической науки в СССР.

Прежде всего, рассматриваемая библиография ярко демонстрирует интенсификацию этнографических исследований в нашей стране после 1917 г.¹¹ Правда, следует отметить, что до 1917 г. фактически все этнографические публикации осуществлял не Музей антропологии и этнографии, а Этнографическое отделение Императорского Русского географического общества, научные общества и частные издательства. Тем не менее их общее количество с учетом всех этих публикаций значительно уступает тому, которое мы имеем после 1917 г., особенно если учесть публикации на местах. Что касается собственно Музея, то им с 1900 по 1917 г. было опубликовано в 20 выпусках «Сборников МАЭ» всего около 40 работ.

Особенно интенсивно выходят работы после Второй мировой войны. Так, в послевоенный период вышли 80 томов «Трудов Института этнографии АН СССР», 11 томов «Сборников МАЭ», серия «Трудов» и «Материалов» нескольких экспедиций, наконец, 80 номеров журнала «Советская этнография». Многие из приведенных публикаций, в

¹⁰ Здесь и далее процент работ, приходящихся на отдельные разделы внутри основных частей, дан по отношению к соответствующей части; процент работ, включенных в отдельные части, дан по отношению к общему числу работ, учтенных в библиографии.

¹¹ Характеристику развития этнографии и антропологии в СССР в целом см. в работах: Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1; А. И. Першиц и Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1967, № 5; А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, СЭ, 1964, № 4; В. П. Алексеев, Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет, СЭ, 1967, № 5; его же, Антропологические исследования в СССР, СЭ, 1964, № 4; В. К. Соколова, Советская фольклористика к 50-летию Октября, СЭ, 1967, № 5; В. Н. Путилов, В. К. Соколова, Основные проблемы советской фольклористики, СЭ, 1964, № 4. Авторы указанных работ касаются и нерешенных задач, которые стоят перед советской этнографией, особенно интересна в этом отношении статья Ю. В. Бромлея.

особенности монографического характера, написаны на основе материалов, собранных в экспедициях в разных районах Советского Союза на протяжении 1920—1930-х годов, т. е. в годы становления советской этнографии. Именно с середины 1920-х годов первые выпускники кафедр этнографии и антропологии ЛГУ и МГУ начали изучать жизнь и быт народов в разных концах Советского Союза.

Необходимо сказать, что библиография существенно дополняет некоторые наши юбилейные статьи, посвященные этапам развития советской этнографии. В этих статьях обычно достаточно тщательно учитываются недавно опубликованные работы, но не освещаются ранние периоды в развитии советской этнографии¹².

Ознакомившись с рецензируемой работой, мы можем выявить проблемы, которые привлекали особое внимание советских антропологов и этнографов. Это проблемы этногенеза и этнической истории, истории первобытного общества и его периодизации, проблемы преобразования культуры ранее отсталых народов СССР, этнической картографии, этнографии народов СССР, наконец, проблемы фольклористики. Из библиографии с особой отчетливостью становится очевидным, что советские ученые создали ценные работы, посвященные малым народам Советского Союза, а также работы, в которых анализируются некоторые этнографические особенности крупных народов, в первую очередь особенности материальной культуры. Этот материал имеет большое значение не только для этнографии, но и для истории.

Библиография позволяет также отметить, что некоторые проблемы освещены в наших работах еще недостаточно. Это прежде всего история и развитие этнографических знаний (в соответствующей рубрике всего 55 названий), критика этнографических теорий (всего 64 названия, включая 14 рецензий на зарубежные издания). В работе недостаточно отражены исследования в области религиоведения. Исходя из включенных в библиографию работ, можно подумать, что до 1963 г. советские этнографы вопросами «больших религий» вообще не занимались.

Слабо также представлено направление, связанное с изучением этнических аспектов национального вопроса в странах зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки. Не изучались достаточно и некоторые народы СССР. Неудовлетворительно было представлено и изучение этнографии таких крупных народов страны, как русские, украинцы и белорусы. Недостаточно полно представлены работы, посвященные экологии человека в разные эпохи, нет в списке и позитивных работ по этнопсихологии, отсутствуют работы по общим проблемам истории культуры, по обычному праву различных народов (юридическая этнография). О недостаточном внимании к африканскому фольклору, т. е. устному народному творчеству многих и многих десятков народов целого континента, можно судить по тому, что на страницах библиографии обнаружилась всего одна работа в 10 страничек (№ 4363)!

Как явствует из приведенных выше цифр, антропология представлена меньшим количеством работ, чем этнография: всего 329 названий. Естественно, в работе не были отражены публикации наших антропологов в медицинских журналах, в изданиях МГУ и в других изданиях. Тем не менее список в 329 названий представляет все же достаточно большую выборку, чтобы судить об основных направлениях работы антропологов. К тому же этот список можно значительно увеличить за счет работ антропологов по этногенезу и этнической истории, вошедших в соответствующие этнографические разделы. Можно заметить, что темы, связанные с этногенезом и антропогенезом, представлены достаточно широко. Хуже обстоит дело с физической антропологией: если краниология занимает подобающее ей место, то соматология и особенно серология — явно отстающие участки. Так, по серологии в библиографии отмечено лишь несколько работ: две из них написаны М. Г. Левиным (№ 4932 и 4933), одна Я. Я. Рогинским (№ 5169), одна — Е. М. Семеновой (№ 4938). Совсем нет работ по онтологии.

Составители справочника проделали огромный труд, систематизировав большой и весьма разнородный материал. Уже сама по себе эта систематизация — существенный вклад в библиографию этнографической науки, равно как и в библиографию гуманитарных наук вообще. Вместе с тем можно сделать ряд замечаний библиографического характера, которые составители данной библиографии, возможно, учтут в своей дальнейшей работе. Так, безусловно удачная в целом рубрикация может быть уточнена. Прежде всего, на наш взгляд, названия двух первых «общих» частей не вполне удачны, тавтологичны: «Работы общего характера» и «Общие теоретические работы по этнографии». По-видимому, более удачными были бы такие названия: «Организация, история этнографической науки» — для первой части, «Работы по общей этнографии» — для второй.

¹² Сошлемся для примера на указанную выше статью А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова о развитии советской этнографии с 1917 по 1967 г. В этой в целом интересной статье развитие советской этнографии показано практически лишь с послевоенного периода, а дела и люди 1920—1930-х годов упомянуты только вскользь. В статье не названы имена многих видных советских этнографов старшего поколения, внесших большой вклад в развитие науки, например Е. Э. Бломквист, Г. М. Василевич, Н. В. Кюнера и др.; имена же таких ученых, стоявших у истоков советской этнографии, как Д. К. Зеленин, В. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Н. Я. Марр и др., упомянуты лишь раз, и то мельком. Тем не менее статья названа «Полвека советской этнографии»!

Сами составители предупреждают, что «некоторые разделы систематической классификации охватывают более широкий круг работ, чем это предполагает их название» (стр. 6). Действительно, в раздел «Этническая история» включены не только работы по собственно этнической истории, но и труды по расселению, численности населения, атласы, карты, частично исторические работы; в раздел «Народное искусство» попали и работы по художественным ремеслам и т. д. Для современной этнографии, охватывающей очень широкий круг проблем, подобное выделение более общих разделов часто просто необходимо — часто, но не всегда. На наш взгляд, вряд ли чем-нибудь можно оправдать отсутствие самостоятельной рубрики «Демография», куда вошли бы соответствующие работы. Это тем более важно, что эта наука в наши дни приобретает все большее значение; к тому же в составе Института этнографии имеется продуктивно работающая лаборатория этнической статистики и картографии.

Нам представляется также, что рубрики «Домашние промыслы и ремесла» и «Народное искусство» следовало бы разбить на подрубрики в соответствии с видами промыслов, ремесел и искусств. Неточна рубрика «Религия» (Верования, обряды, культы); ее следовало бы разбить на следующие подрубрики: «Общие работы» и «Пережитки, верования, культы, обряды». Конечно, в этой рубрике необходима и подрубрика «Большие религии», но, как отмечено выше, она оказалась бы пустой — обстоятельство, которое советским этнографам следует учесть в дальнейшей работе.

В разделе «Общественный строй» не нашлось места для рубрики «Община» с подрубриками «Сельская (соседская) община» и «Семейная община». Поэтому, например, работы Р. Л. Харадзе о грузинской семейной общине № 2936, 2938, 2977 попали в раздел «Общественный строй», и в рубрику этого раздела «Формы собственности», тогда как они — и другие аналогичные работы — могли быть выделены в рубрику «Община». Ввиду того, что имеются специальные разделы «Материальная культура», «Религия», «Фольклор» и некоторые другие, касающиеся различных элементов культуры, в общий раздел «История культуры» помещены преимущественно работы общего характера, а также работы археологические и исторические. Поэтому раздел «История культуры» следовало бы снабдить подзаголовком «Общие работы. Археология. История».

Вероятно, рубрики «Этногенез» и «Этническая история» следует объединить, ибо, как правило, для первой из них остается очень мало работ: даже в таком разделе, как «Украина, Молдавия и Белоруссия», данная рубрика имеет всего три работы, из них две — с отсылкой в другую рубрику за полным описанием (стр. 118).

Материал рубрики «Национальный и колониальный вопросы» перемежается с материалами рубрик «Формирование и консолидация наций» и «Национально-освободительное движение и борьба с колониализмом». Материалы этих глав отработаны недостаточно, в результате чего встречаются курьезы. Так, в рубрике «Национальный и колониальный вопросы» раздела «СССР. Этнография» оказалось всего две работы, но какие (!): Е. Кравец и А. Куницкий «Нерушимая дружба двух братских народов» и В. В. Мавродин «К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации» (стр. 72). Об очевидной неприемлемости принятого соподчинения рубрики «Формирование и консолидация наций» более крупной рубрике «Национальный и колониальный вопросы» можно судить по тому, что, например, работа П. Г. Тадыева «Прогресс национальной консолидации алтайцев в условиях социализма», включенная в первую рубрику, оказалась в соподчинении у второй (№ 2612). Но о каком «колониальном вопросе» можно говорить при упоминании подобной работы? Работы, включенные в эти большие рубрики, взаимно не исключают друг друга, а трактуют о различных аспектах широкой проблемы — «Формирование и консолидация наций». Эту — основную для этнографического издания — проблему следовало бы выделить, а другие соподчинить ей, включая рубрику «Национально-колониальный вопрос», хотя она может быть отдельно. На наш взгляд, нужно было бы иметь рубрику «Межнациональные отношения», а в некоторых случаях (там, где число подобных работ достаточно) — и рубрики, включающие работы по межнациональным отношениям конкретных народов (например: «Русско-украинские связи», куда вошли бы № 427, 1514, 1601 и ряд других). В самостоятельную рубрику следует выделить работы по колониальному вопросу; сюда же следует включить и работы, где данный сюжет так или иначе освещается, но с отсылкой к основной рубрике за детальным описанием.

Большая дробность рубрикации в некоторых случаях была бы полезна и потому, что в рецензируемом издании нет предметного указателя. При наличии же достаточно подробной рубрикации и системы отсылки предметный указатель становится неизбежным. Если для данного издания укрупненная рубрикация еще не ощущается как неудобство (и тем самым как недостаток), то в дальнейшем при составлении сводной библиографии всех этнографических и антропологических работ, опубликованных в России и СССР, например за тот же период, необходимо будет предусмотреть более мелкие рубрики¹³.

¹³ В этой связи обращаем внимание на рубрикацию, которую ввел Д. К. Зеленин для своего «Библиографического указателя русской этнографической литературы». Оглавление в этой книге занимает 30 страниц при 8847 названиях, в рецензируемой нами книге — неполные 6 при 5195 названиях. На одну страницу оглавления у Д. К. Зеленина приходится 295 названий, у О. В. Бунаковой и Р. В. Каменецкой — 866. Таким образом, рубрикация у Д. К. Зеленина почти в три раза подробнее, хотя его библиография посвящена только «внешнему быту народов России».

Несомненно удачно то, что работы с многоплановой тематикой описаны в основном разделе, но в то же время названы и в других рубриках с отсылкой за полным описанием к основному разделу. Это облегчает пользование библиографией.

Принятый в справочнике принцип алфавитного расположения в рубрике работ одного автора нам представляется наиболее подходящим для данного типа издания (так сказать, более «библиографичен»), и здесь мы возразим А. Пранде, который считает, что такой порядок нарушает хронологическую последовательность выхода работ данного автора¹⁴. Нам кажется, что принцип, о котором пишет А. Пранда, приемлем и желателен при составлении персональных списков трудов и не очень удобен при составлении библиографических справочников.

В ряде случаев работы разнесены по рубрикам недостаточно точно, спорен нередко и выбор основной рубрики для той или иной статьи. В частности, это касается статьи историко-этнографического характера (например, работ из 30-го тома «Трудов Института», вышедшего под заглавием «Очерки истории русской этнографии и фольклористики», и других подобных изданий). Вот несколько иллюстраций. Так, статья С. А. Ткарева «Основные этапы развития дореволюционной и советской этнографии» из рубрики «История и развитие этнографических знаний» (№ 443) упомянута также в разделе «СССР. Этнография» (стр. 65), а статья «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку» из той же рубрики (№ 442) — нет. Работа В. К. Соколовой «Проблемы этнографии и народного творчества в последней трети XVIII в.» (№ 1507) упомянута только в рубрике «СССР. Фольклор», но не названа ни в рубрике «СССР. Этнография», ни в рубрике «История и развитие этнографических знаний» (стр. 24); в то же время статья этого же автора «Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя» (№ 1513) упомянута и в рубрике «СССР. Этнография». Статья Б. А. Липшица «Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в.» (№ 1111) представлена почему-то только в общей части раздела «Общие и теоретические работы по этнографии». Работа Ю. П. Аверкиевой «Франс Боас» (№ 1090) имеет большее право быть в рубриках «История и развитие этнографических знаний» или «Критика этнографических теорий», где нет даже ссылок на нее, чем в рубрике «Этнография» раздела «Общие и теоретические работы по этнографии». То же относится и к рецензиям Ю. П. Аверкиевой и Н. А. Бутинова на теоретические работы американских авторов (№ 1039—1043). Работы Г. М. Бонгард-Левина (№ 4043 и 4044) относятся скорее к рубрике «Этногенез» или «Этническая история», чем к рубрике «История культур», в последней было бы достаточно отсылки на них.

К сожалению, некоторые работы помещены только в одной, основной, рубрике, а не стоило бы расписать в нескольких. Так, статья В. Е. Гусева «Герцен — этнограф и фольклорист» (№ 1409), помещенная в рубрику «СССР. Этнография», безусловно должна быть также помещена с отсылкой и в рубрике «История этнографических знаний». В ответе Я. В. Чекановского Г. Ф. Дебецу (№ 4902) опущена отсылка на статью трех других авторов, также рассматривавших работы школы Чекановского (№ 4893).

Несколько замечаний можно сделать и по указателям. В указателе «Авторы и редакторы рецензированных книг» отсутствуют многие имена: Б. О. Долгих — редактора книги «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера» (№ 2589), В. К. Соколовой — редактора книги В. И. Чичерова «Зимний период русского земледельческого календаря» (№ 1561), Т. А. Жданко, редактировавшей вместе с С. П. Толстовым первый «Среднеазиатский этнографический сборник» (№ 3122; при этом у фамилии Толстова в данном указателе номер издания также не проставлен) и т. д. В некоторых случаях рядом с фамилией ученого указаны не все отрецензированные им и получившие рецензии работы. Так, С. А. Токарев был редактором имевшего три рецензии «Восточнославянского этнографического сборника» (№ 1755), однако это издание не указано против его фамилии в соответствующем указателе (стр. 266). Есть также некоторая нелогичность в том, что рецензии на одно и то же издание, написанные советскими и зарубежными авторами, разнесены по двум указателям.

Огорчает, что нет отдельного указателя этнографических карт и атласов, в который следовало бы включить не только отдельные издания, но и карты, вошедшие в тома серии «Народы мира». Существенное значение имел бы и отдельный индекс защищенных в институте кандидатских и докторских диссертаций по этнографии и антропологии. Следовало бы также материалы, содержащиеся в разделе «Библиография» (стр. 47—51) распределить по крайней мере по трем подразделам: «Общие работы», «Народы СССР» и «Зарубежные народы». Вероятно, целесообразно было бы ввести и еще одну рубрику: «Авторы и редакторы переведенных книг и статей», с помощью которой читатели получили бы более полное представление о распространении советских этнографических и антропологических работ за рубежом. Жалко, что составители не указали годы жизни авторов ни в авторских индексах, ни в разделе «Personalia» в тексте (стр. 38—47)¹⁵.

¹⁴ А. Pranda, Указ. раб., стр. 650.

¹⁵ Между прочим, в работе Н. Я. Крайневой и П. В. Прониной «Труды Института истории АН СССР», 4-й выпуск («Указатели»), в именном указателе даны годы рождения сотрудников этого института, что позволяет делать существенные социологические выводы о возрастном составе сотрудников института за определенные периоды; необходимы эти данные и для развивающейся сейчас новой дисциплины — науковедения.

Несмотря на тщательную вычитку, в издание вкрались опечатки, неточности. Вот два примера. Статья Л. И. Лаврова названа «Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1960 гг.» (№ 2863); в то же время указано, что статья вышла в 1953 г.; по-видимому, речь идет о разведке 1950 г. Автор одной англоязычной работы, фамилия которого Brown, транскрибирован рецензентом как Броун (№ 3967), тогда как следует читать Браун. Вероятно, в том случае, когда в издании, включенном в библиографию, допущена ошибка или опечатки в заглавии работы, целесообразно хотя бы в квадратных скобках давать правильное чтение, дату и т. п.

Разумеется, все замечания библиографического характера не снижают общей, весьма высокой оценки работы, проделанной составителями.

Выпущенный труд можно рассматривать как удачное начало большой работы по составлению полной библиографии русских и советских этнографических исследований. На повестке дня стоит вопрос о библиографии этнографических работ, выпущенных в СССР после 1962 г., причем не только Институтом этнографии АН СССР и издательством «Наука», но и другими учреждениями и издательствами страны. Важность такой библиографии определяется тем, что после VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (1964 г.), явившегося смотра достижений советской науки (в его работе приняло участие более 2000 советских ученых, представивших свыше 400 докладов), советская этнография и антропология подошли к решению новых задач и проблем. В нашей науке стали развиваться новые крупные направления — этносоциология, этноантропология, расширились и углубились исследования этнических процессов, фольклора; в антропологии успешно развиваются серологические и одонтологические исследования. Получили значительное развитие исследования отдельных регионов — например, Юго-Восточной Азии, Африки, — ранее бывшие вне сферы пристального внимания советских этнографов.

Работы по составлению библиографии всех трудов, вышедших в СССР после 1962 г., ведутся сотрудниками библиотеки Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР уже давно. Так, с 1955 г. в Париж, в ЮНЕСКО, регулярно направляются списки литературы по этнографии и антропологии, вышедшие в СССР за очередной минувший год (составитель О. В. Бунакова). Эти списки включают также книги и статьи по смежным дисциплинам, содержащие этнографический материал. В каждый такой список входит от 2500 до 3000 работ, значительная их часть публикуется в «Международной библиографии по социальной и культурной антропологии» (в 1970 г. вышел 14-й том этой библиографии)¹⁶. В журнале «Советская этнография» в 1967—1969 гг. было опубликовано 14 списков новой литературы по народам СССР (составитель Р. В. Каменецкая), куда было включено до 3000 названий, т. е. почти половина того количества, что вошло в рассматриваемую нами библиографию. Последнее обстоятельство говорит о том, что за последнее десятилетие выпуск литературы по этнографии, по сравнению с предыдущими годами, намного увеличился. Кроме того, после выхода в свет «Библиографии трудов Института», коллектив библиотеки подбирает материал для издания полной библиографии этнографических и антропологических работ за 1963—1970 гг.

Перед библиографами стоит и другая задача — составление библиографии всех работ, вышедших после 1917 г. Имеющиеся библиографии, обзоры и списки, содержащие данные об этнографических работах по отдельным республикам или странам, по отдельным проблемам, лишь в небольшой степени удовлетворяют эту насущную потребность: как правило, эти справочные издания составлены по небольшому региону, либо охватывают сравнительно короткий отрезок времени, либо имеют узкую тематику¹⁷. Самое же главное в том, что и взятые вместе, они не дают достаточно полной картины этнографических исследований в СССР за истекшие годы, проводившихся в самых уда-

¹⁶ «International bibliography of social and cultural anthropology», published by UNESCO, vol. I (works of 1955) — Paris, 1958; vol. XIV (works of 1968) — London—Chicago, 1970. Список советских работ, посланных, например, в 14-й том, насчитывал 2634 названия, из них в издание включено около 900, что составило почти четверть всех работ данного тома (общее их число в томе 3790).

¹⁷ Вот наиболее характерные примеры таких изданий: «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Среднеазиатских республик». Составлены Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским, Л., 1927; «Библиография Киргизии» в 4-х томах, вышедшая во Фрунзе в 1960-х годах; изданные Институтом востоковедения АН СССР при участии некоторых других академических учреждений библиографии русских работ по зарубежным странам, имеющие специальные рубрики по этнографии и антропологии (с 1959 по 1969 г. выпущены библиографии по Индии — два издания, Турции, Японии, Китаю, Юго-Восточной Азии, Монгольской Народной Республике, Афганистану, Африке); А. А. Попов, Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов, Л., 1932; Н. В. Здобнов, Указатель статей, заметок и иллюстраций, помещенных в журнале «Советская Азия» за первое пятилетие его существования (1925—1929 гг.), М., 1931, и др. Совершенно очевидно, что материалы этих и других, не упомянутых здесь, изданий могут быть использованы для составления подобной сводной библиографии советских этнографических и антропологических работ.

ленных уголках страны как силами этнографов и других специалистов, прибывавших в центр, так и силами местных ученых и энтузиастов¹⁸.

Наконец, библиографам предстоит решить третью сложную задачу — составить полную библиографию работ по антропологии и этнографии, вышедших в России до 1900 года, включая работы, опубликованные на национальных языках. Имеющийся в распоряжении специалистов «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России» Д. К. Зеленина должен быть дополнен работами освещающими «внутренний быт», т. е. сферу духовной культуры. Кроме того, необходимо учесть литературу на национальных языках народов СССР, материалы, появившиеся до 1900 г. как о «внешнем», так и о «внутреннем» быте народов России, включая и уникальные летописные своды. Кроме того, следует заполнить пропуски, имеющиеся в фундаментальном труде Д. К. Зеленина. Наконец, весьма заманчива идея отразить библиографии художественные произведения, имеющие важный этнографический материал. А ведь во многих из них он рассыпан столь щедро, что трудно иной раз сказать, имеем ли мы перед собой художественное произведение или этнографический очерк; столько вспомнить работы П. И. Мельникова (А. Печерского) или Н. С. Лескова! Однако стоит так называемая этнографическая беллетристика — жанр, почти забытый в настоящее время, но успешно развивавшийся в недавнем прошлом (например, В. Г. Горазом, писавшим под псевдонимом Тан)¹⁹.

При подготовке такой сводной библиографии будут использованы библиографии отдельных регионов или по частным проблемам. Некоторые из них содержат материалы как по одному определенному периоду, так и всю имеющуюся на русском языке литературу по какому-нибудь региону или проблеме²⁰. Большую пользу могут принести библиографии этнографических библиографий²¹.

Надо сказать, что решить вторую и третью задачи силами сотрудников библиотек Ленинградского отделения Института этнографии вряд ли возможно. Видимо, для их решения потребуются кооперация усилий библиографов нескольких библиотек, включая центральные, а также квалифицированная помощь со стороны Института этнографии и других учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, занимающихся этнографией и антропологией. Перечисленные нами выше некоторые библиографические пособия, а также солидный их перечень в рубрике «Библиография» рассмотренной «Библиографии трудов Института этнографии» показывают, что есть достаточно прочная основа для осуществления подобной работы.

Создание «Библиографического свода этнографических и антропологических работ», в который вошла бы соответствующая литература по всем народам России на протяжении максимально большого периода времени и на всех языках народов СССР, задача сложная, но решить ее необходимо. Создание такого «Свода» — одно из условий дальнейшего успешного развития этнографической и антропологической науки в СССР, ибо чем полнее круг использованной при исследовании литературы, тем надежнее ее выводы. Кроме того, такой «Свод» даст ясное представление о степени изученности отдельных народов и конкретных проблем.

По-видимому, назрела необходимость в созыве широкого совещания под эгидой Института этнографии АН СССР по проблемам библиографической работы в области этнографии и антропологии. На этом совещании должны быть представлены заинтересованные этнографические учреждения — центральные, республиканские и местные крупные библиотеки, а также отдельные ведущие этнографы. Такое совещание не только помогло бы выработать основные направления библиографической работы, но и позволило бы определить круг конкретных исполнителей, а также сроки работы.

«Библиография трудов Института этнографии за 1900—1962 гг.» — важный этап на пути к созданию общей библиографии работ по этнографии и антропологии, вышедшей в дореволюционной России и в СССР. Этот труд подводит определенные итоги и следованиям сотрудников Института этнографии, этнографов и антропологов всего Советского Союза по 1962 г. включительно.

Ю. В. Маретин

¹⁸ Сошлемся для примера на упомянутый уже «Обзор советской этнографической литературы за 15 лет» Д. К. Зеленина. В этом обзоре приведено около 700 основных работ, причем большинство из них издано учреждениями и издательствами, не связанными с Институтом этнографии АН СССР.

¹⁹ В. Г. Богораз, Этнографическая беллетристика, «Сов. этнография», 1931, № 3—4. В этом жанре иногда выступают этнограф Р. Ф. Итс (Цветок лотоса, М., 1962; его же, Последний аргиз, М., 1964), а также писатель, в прошлом археолог, В. Берестов (Меч в золотых ножнах, М., 1964).

²⁰ Приведенные в списке 18 библиографии литературы на русском языке по странам зарубежного Востока являются примером широкой региональной библиографии. Примером широкой тематической библиографии является работа Д. К. Зеленина «Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода» («Труды Института этнографии», т. 4, 1936, стр. 913—960).

²¹ М. О. Косвен, Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР, «Сов. этнография», 1947, № 1; З. Д. Титова, Этнография. Библиография русских библиографий по этнографии народов СССР (1851—1969), М., 1970.

В последнее время все чаще обсуждаются вопросы организации научно-информационной и библиографической работы, так как только правильная ее постановка может своевременно дать информацию хорошего качества о новой и старой литературе, поможет избежать дублирования научных тем, выявит недостаточно разработанные проблемы, даст возможность развернуть дискуссии в печати, а также, что особенно существенно, облегчит разработку планов на будущее. Роль научно-информационной и библиографической работы возрастает не только в связи с новыми задачами, стоящими перед наукой, но и в связи с непрерывно увеличивающимся потоком выходящей в свет литературы. В наше время трудно себе представить ученого, не использующего в работе библиографических пособий и не знакомого в той или иной степени с основами библиографических знаний.

Увеличивается роль не только учетно-регистрационной библиографии, осуществляемой в государственных масштабах (в Советском Союзе — Всесоюзной Книжной Палатой), но и отраслевой библиографии, которая создается главным образом в универсальных и специальных библиотеках. Отраслевая библиография — это вид библиографической работы, теснейшим образом связанный с научной работой. Существует целый ряд форм отраслевой библиографии, которые в основном разрабатываются учеными — представителями той или иной отрасли науки.

Работы, написанные на основе разработки материала в области отраслевой библиографии, публикуются обычно в отраслевых журналах (как показал опыт, это наиболее подходящий орган для публикации подобных работ), в данном случае в журнале «Советская этнография». Однако библиографическая работа, проводимая отраслевыми журналами, не была в достаточной степени отражена в печати, хотя от того, как поставлена работа раздела «Критика и библиография», каковы его традиции и планы, от того, как используется накопленный опыт, в значительной степени зависит качество журнала, интерес к нему со стороны читателей.

Автор статьи попытался систематизировать критико-библиографические материалы журнала с точки зрения теории и практики библиографии. Представлялось интересным показать, какие виды библиографических работ использовались журналом, дать характеристику каждому из них, обратить внимание на применявшиеся ранее, а затем незаслуженно забытые формы работы. Возможно, что результаты такого подхода к библиографическому материалу окажутся полезными для дальнейшей деятельности журнала.

Просмотр и анализ материалов позволил выделить следующие виды библиографических работ: библиографии библиографий; библиографии; списки литературы; аннотированные списки литературы; указатели статей и материалов, опубликованных журналом; обзоры; рецензии; персоналии; статьи и заметки информационного характера.

Перечисленные выше виды работ можно разделить на две большие группы¹. В первую входят библиографии библиографий, библиографии и списки литературы. Эти виды библиографических работ, возникшие издавна и совершенствовавшиеся с развитием книгопечатания, составляют основу библиографической работы вообще. Библиографические работы, помещенные в специальном журнале, имеют своеобразную «журнальную» форму, выражающуюся в целом ряде ограничений. Прежде всего, они невелики по объему, так как зависят от общего объема журнала, также небольшого. Кроме того, поскольку журнал отраслевой, виды библиографических работ ограничиваются конкретными проблемами, темами, регионами, народами и т. п. Следует также отметить, что все они ограничиваются во времени, которое в них освещается. Из перечисленных ограничений вытекают еще одна особенность «журнальной» формы основных видов библиографических работ — отсутствие каких-либо вспомогательных указателей. Авторами работ первой группы могут быть как библиографы, так и этнографы.

Ко второй группе нами отнесены обзоры, рецензии и персоналии. Эти виды библиографических работ появляются на страницах журналов с выделением последних в качестве самостоятельной печатной единицы и имеют форму слитного литературного текста. В количественном отношении они преобладают над всеми прочими видами и выполняются главным образом этнографами.

Таковы некоторые особенности выделенных групп. Перейдем теперь к характеристике каждого вида библиографической работы.

Библиографии библиографий или библиографии второй степени представлены в «Советской этнографии» тремя работами. Две из них посвящены библиографии библиографий регионов (Средняя Азия и Кавказ)², одна — библиографии библиографий

* Под этим названием учтены материалы журнала «Этнография» (1926—1930), «Советская этнография» (1931—1937; 1946—1970), а также сборников «Советская этнография» (1938—1947); статья написана по материалам доклада, прочитанного на годичной научной сессии ЛОИЭ в мае 1968 г.

¹ В выделенные группы не входят «Указатели статей и материалов, опубликованных журналом» и «Статьи и заметки информационного характера».

² И. М. Пульнер и Я. Б. Добрин, Материалы для библиографии Средней Азии. (Библиографические указатели историко-этнографической литературы и смежных дисциплин), «Сов. этнография», 1935, № 6, стр. 146—165; И. М. Пульнер, Материалы для библиографии библиографий Кавказа, «Сов. этнография», 1936, № 4—5, стр. 230—270.

литературы по этнографии народов СССР³. Последняя из работ подготовлена известным советским этнографом М. О. Косвен. Необходимо отметить, что М. О. Косвен превосходно понимавший значение библиографической работы, конечно, не случайно опубликовал этот указатель в 1947. Только что закончилась Великая Отечественная война, унесшая жизни многих исследователей. Им на смену должна была прийти молодёжь, которую необходимо было ввести в науку. Несомненно, работа М. О. Косвена принесла в этом отношении существенную пользу. Его «Указатель» состоит из шести разделов:

1. Общие библиографические пособия.
2. Общие указатели и обзоры этнографической литературы по СССР.
3. Тематические указатели (община, обычное право, внешний быт и т. п.).
4. Указатели по районам.
5. Отдельные народы СССР.
6. Указатели содержания периодических изданий.

Со времени опубликования работы М. О. Косвена прошло более 20 лет. За это время были изданы самые разнообразные библиографии, указатели и обзоры как по этнографии, так и по смежным отраслям науки. Жизнь поставила перед этнографами новые проблемы: анализ этнических процессов в СССР, изучение современного быта народов СССР и многие другие. Требуют разрешения проблемы, находящиеся на стыке с другими науками,— антропологией, социологией и т. п. Указатель М. О. Косвена ждет свое продолжения.

Однако библиографии второй степени нужны не только общие. Ощущается потребность и в библиографиях библиографий, посвященных отдельным конкретным проблемам (например, общине, семье, материальной культуре). И эти работы должны создаваться в первую очередь специалистами-этнографами, так как только специалист, работающий в течение многих лет литературу по той или иной теме, может дать наиболее полный указатель просмотренных им библиографических изданий.

Библиографии. Этот вид библиографической работы журнала более многочислен, чем предыдущий. На него также распространяются все ограничения, связанные с «журнальной» формой, и в силу этого библиографии внешне ничем не отличаются от списков литературы. Отличия, очевидно, должны быть в качественном отношении: работы, названные которых включает слово «библиография», должны как можно полнее учитывать литературу по избранной теме. Библиографии посвящаются либо народу⁴, либо стране или региону⁵, либо определенной проблеме⁶.

В 1965 г. «Советская этнография» опубликовала три библиографии по прибалтийским республикам⁷. Ученная в них литература дается с библиографическими описаниями на двух языках — одном из прибалтийских и русском. Было бы полезно печатать подобные библиографии и по другим республикам, обращая особенное внимание на литературу, вышедшую только на местном языке. Безусловно, что такая работа требует определенной периодичности. Например, подобные библиографии можно публиковать раз в пять лет.

Списки литературы, в том числе и аннотированные, публикуемые журналом, отражают обычно новую литературу и так же, как и библиографии, посвящаются самым различным вопросам. «Советской этнографией» публиковались списки новой литературы советской и зарубежной, списки литературы по регионам, по отдельным проблемам. Публикация подобных работ необходима, так как далеко не все специалисты успевают просматривать не только литературу, но и библиографические справочники учетно-регистрационного характера — такие, как «Книжная» и «Журнальная» летописи, «Летописи рецензий» и т. п. Еще труднее следить за летописями, издающимися в союзных республиках, а также за новейшей зарубежной литературой. Поэтому публикация списков литературы крайне необходима. В отличие от всех остальных видов библиографических работ она должна вестись непрерывно, ибо списки литературы прежде всего служат информационным целям.

Следует отметить, что работа журнала над списками литературы в последнее время несколько изменилась. В конце 20—начале 30-х годов такие списки публиковались почти каждый год⁸, над ними работал коллектив авторов, они учитывали литературу общего

³ М. О. Косвен, Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 242—248.

⁴ Е. Бинкевич, Лужичане (Материал к библиографии), сб. «Сов. этнография» 1947, № 6—7, стр. 277—284.

⁵ Е. В. Таланова, Библиография по Абиссинии, «Сов. этнография», 1936, № 1 стр. 168—176; № 2, стр. 144—151.

⁶ Ф. К. Борисович, Библиографический указатель русской литературы по народной ветеринарии с 1827 по 1.Х.1930. (Опыт), «Этнография», 1930, № 4, стр. 87—95.

⁷ В. Милюс, Библиография литовской этнографии за 1947—1964 гг., «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 166—174; А. Б. Германис и З. Я. Шакаре, Библиография латышской антропологии и этнографии за 1960—1964 гг., «Сов. этнография», 1965, № 6, стр. 157—165; Л. Феоктистова, Библиография эстонской этнографии за 1961—1965 гг., «Сов. этнография», 1965, № 6, стр. 165—168.

⁸ «Этнография», 1928, № 1, стр. 150—188; 1930, № 4, стр. 96—104; «Сов. этнография», 1932, № 3, стр. 124—129; 1932, № 5—6, стр. 267—297; 1933, № 1, стр. 190—203; 1935, № 2, стр. 183—186.

характера по многим странам, иногда в них давались даже подзаголовки: библиография, методология, общие сочинения, музееведение, преподавание. С конца 50-х годов списки литературы посвящаются чаще всего какой-либо отдельной стране или региону. Очевидно, что в журнале полезнее всего печатать как те, так и другие виды списков.

С 1967 г. «Советская этнография» приступила к публикации списков по регионам СССР⁹. Ценность подобного опыта будет очевидна, когда по каждому из регионов будет опубликовано несколько списков, что даст более или менее полную сводку литературы за какой-то период времени.

Аннотированные списки литературы публиковались «Советской этнографией» на протяжении всего времени существования журнала и составлялись, как правило, специалистами¹⁰. В списки включаются работы, вышедшие в свет за 2—3 года до момента публикации списка.

В отличие от многих гуманитарных журналов «Советская этнография» выпускает отдельными книжками указатели статей и материалов, опубликованных журналом за несколько лет. В 1956 г. вышел первый из них, содержащий материал за десять лет — с 1946 по 1955 г. Второй указатель был опубликован в 1961 г., третий — в 1966 г.¹¹, четвертый готовится к печати и будет издан в 1971 г. Схема указателей отличается простотой и четкостью: фамилии авторов работ даны в алфавитном порядке, каждое описание имеет порядковый номер. Вспомогательный аппарат состоит из систематического и двух именных указателей. Именные указатели представляют собой списки авторов защищенных диссертаций и авторов (или редакторов) рецензированных работ.

Указатель, систематически выпускаемый к журналу, — это ключ ко всем имеющимся в нем материалам. Особенно ценен он для специалистов, работающих на местах.

Кроме того, в каждом шестом номере журнала редакция дает алфавитный указатель работ, опубликованных за год. Материал в указателях распределен по тем же разделам, что и в журнале; внутри разделов он был расположен до 1969 г. в хронологическом порядке, с 1969 г. — в алфавитном.

Обзоры литературы — наиболее удобная форма библиографической работы на страницах журнала. Во-первых, обзор менее связан внешними формальными требованиями, предъявляемыми к библиографическому указателю или списку литературы. В обзоре на первом плане стоят раскрытие содержания статьи или книги, определение ее места среди других, критическое изучение. Формальное, чисто библиографическое описание отодвигается на второй план; оно или помещается в тексте или выносится в подстрочные примечания. Во-вторых, при подготовке обзора книги изучаются значительно глубже, чем при составлении библиографических указателей и списков литературы. В-третьих, в обзоре описание книг и их аннотация сливаются воедино, принимая форму литературного целого, предназначенного уже не для справок, а для чтения.

В журнале «Советская этнография» обзоры по количеству занимают второе место после рецензий. Такое положение вполне естественно, так как подбор и критическое изучение литературы — необходимый этап научной работы. Каждый специалист, после завершения работы над определенной темой, может составить обзор использованной литературы, с помощью которого можно яснее увидеть, что сделано по той или иной проблеме.

Предметом обзоров являются самые разнообразные материалы. Это позволяет разбить их на несколько групп:

- 1) обзор литературы по определенной теме (проблеме);
- 2) обзор литературы по определенному народу;
- 3) обзор литературы по определенной стране;
- 4) обзор литературы по отдельному региону;
- 5) обзор литературы, изданной каким-либо учреждением;
- 6) обзор статей, помещенных в каком-либо журнале¹².

⁹ Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. Сост. Р. В. Каменецкая, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 195—202, и т. д.

¹⁰ Например: Е. Г. Кагаров, Аннотации к иностранной этнографической литературе, «Сов. этнография», 1932, № 3, стр. 124—129; Т. Ф. Аристова, Аннотированный список литературы по этнографии Закавказья, опубликованный в 1964 году, «Сов. этнография», 1966, № 2, стр. 168—177.

¹¹ «Сов. этнография. Указатель статей и материалов, опубликованных в 1946—1955 гг.», М., 1956, 44 стр.; «Сов. этнография. Указатель статей и материалов, опубликованных в 1956—1960 гг.», М., 1961, 32 стр.; «Советская этнография, Указатель статей и материалов, опубликованных в 1961—1965 гг.», М., 1966, 41 стр.

¹² Ниже приводится по одному примеру для каждой из перечисленных групп: 1) Г. И. Анохин, К историографии норвежской соседской общины, «Сов. этнография», 1963, № 6, стр. 157—166; 2) Н. Г. Борозна, Этнографическое изучение узбеков даштикипчакского происхождения. (Обзор литературы), «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 147—153; 3) Е. Г. Кагаров, Современная греческая этнография, «Сов. этнография», 1934, № 5, стр. 109, 110; 4) Н. Н. Диков, Историко-этнографические исследования на Северо-Востоке СССР (1955—1969 гг.), «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 169—175; 5) Д. А. Ольдерогге, Работы по этнографии, лингвистике и археологии Африки, изданные Институтом этнологии при Парижском университете за время с 1926 по 1933 г., «Сов. этнография», 1934, № 3, стр. 111—114; 6) С. А. Арутюнов, Новый французский этнографический журнал, «Сов. этнография», 1963, № 5, стр. 177—179.

Каждый из обзоров в этих группах ограничен во времени, что обычно оговаривается автором.

Среди обзоров, опубликованных «Советской этнографией», есть два, которые имеют особое значение и заслуживают того, чтобы остановиться на них более подробно. Первый из них — «Обзор советской этнографической литературы за 15 лет (1917—1932 гг.)» Д. К. Зеленина¹³ — был опубликован в 1932 г. Перед Д. К. Зелениным стояла сложная задача — в сравнительно короткой статье дать обзор этнографической литературы за первые 15 лет после Великой Октябрьской революции. Им была принята своеобразная форма изложения. Весь обзор состоит из 45 параграфов. Три из них — первый и два последних — посвящены общим вопросам. В параграфе первом автор отмечает работы имеющие методическое значение. В параграфе 44 перечислены библиографические работы по этнографии, параграф 45 является заключением. Остальные параграфы посвящены деятельности этнографических и краеведческих учреждений и музеев в центре и на местах (последние объединяются по географическому принципу), а также работам, изданным этими учреждениями. Почти каждому упоминаемому учреждению Д. К. Зеленин предпосылает справку, в которой рассказывается о том, в какое время и при каких обстоятельствах оно создавалось. Автор, кроме того, обязательно указывает дату основания периодических и серийных изданий. Экономия места, Д. К. Зеленин упоминает только одну-две наиболее интересные статьи из сборника или другого издания и, таким образом, отсылает читателя ко всем остальным материалам источника.

Работа, выполненная Д. К. Зелениным, значительно шире поставленной им задачи. Она, по существу, дает представление о развитии этнографии за первые 15 лет после революции. Однако ценность работы несколько снижается из-за того, что материалы обзора трудно использовать для справок. Слитный текст, напечатанный петитом, содержит около 700 названий. Было бы очень полезно дополнить эту работу алфавитным указателем авторов и заглавий, так как за период с 1917 по 1932 г. указатели литературы по этнографии отсутствуют.

Вторая работа, выделенная нами в группе обзоров, принадлежит В. Г. Богоразу¹⁴. Это очень интересный и, к сожалению, единственный обзор этнографической беллетристики. Обзор построен следующим образом: 1) небольшое вступление, в котором объясняются причины появления работы (интерес широких масс к жизни народов страны, значительное количество «этно-беллетристических» произведений с большим количеством ошибок в них); 2) ретроспективный взгляд на развитие русской и зарубежной «этно-беллетристики» и попытка ее периодизации; 3) собственно обзор — критический разбор и оценка произведений конца 20 — начала 30-х годов; 4) заключительная часть с перечислением проблем («вех»), «...одинаково относящихся и к научному описанию данного общества и к его художественному отображению»¹⁵.

Из приведенной выше структуры обзора видно, что В. Г. Богораз, кроме разбора художественных произведений, их оценки и критики (зачастую суровой), останавливается и на проблемах, с точки зрения которых необходимо привлекать этнографический материал. Обращение одного из крупнейших этнографов своего времени к подобной теме свидетельствует о том, что он придавал большое значение пропаганде этнографических знаний среди широких читательских масс.

В наше время интерес к жизни народов СССР и зарубежных стран возрос еще более, повысился и культурный уровень советского читателя. Поэтому вполне естественно ожидать, что он будет обращаться к журналу «Советская этнография» для того, чтобы правильно оценить содержащийся в художественном произведении этнографический материал. Еще более закономерно обращение к журналу писателей и журналистов. Однако приходится с сожалением констатировать, что после работы В. Г. Богораза журнал подобных обзоров не публиковал. Появляющиеся время от времени рецензии на отдельные художественные произведения, использующие этнографические материалы, не могут заменить сводного критического обзора.

Среди обзоров следует назвать также работу М. К. Азадовского «Этнография в краевых библиографических указателях. 1918—1925 гг.»¹⁶. Она представляет собой образец обзора библиографии литературы по этнографии.

Хочется сказать несколько слов и о тех обзорах, которые могли бы появиться на страницах «Советской этнографии», но которых до сих пор нет. Прежде всего, ни разу не публиковался обзор литературы по теории этнографии. Нет также обзоров литературы учебной, вводящей в науку. Такие обзоры были бы очень полезны для тех исследователей, которые пришли в этнографию, не получив этнографической подготовки в вузе. Они помогли бы молодым специалистам самостоятельно ориентироваться в учебной и теоретической литературе.

¹³ Д. К. Зеленин, Обзор советской этнографической литературы за 15 лет (1917—1932 гг.), «Сов. этнография», 1932, № 5—6, стр. 234—267.

¹⁴ В. Г. Богораз, Этнографическая беллетристика, «Сов. этнография», 1931, № 3—4, стр. 136—155.

¹⁵ Там же, стр. 155.

¹⁶ М. К. Азадовский, Этнография в краевых библиографических указателях. 1918—1925 гг., «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 247—257.

Рецензии чаще других видов библиографической работы встречаются на страницах журнала. Объектом рецензии обычно является одна или несколько книг или журнал (несколько номеров, чаще всего годовой комплект). Авторы рецензий ставят перед собой задачу разобрать рецензируемое произведение и дать ему критическую оценку. Каждая рецензия несет в себе целый ряд ценных библиографических сведений. В некоторых случаях в рецензиях оценивается или хотя бы оговаривается имеющийся в книге вспомогательный аппарат — библиография и различного рода указатели. В тексте рецензии иногда приводятся отдельные сведения об авторе, говорится об обстоятельствах выхода в свет рецензируемого произведения, упоминаются другие произведения того же автора. Особо следует выделить группу рецензий на библиографии по этнографии и ее частным проблемам или смежным дисциплинам. Эти рецензии в отличие от остальных отсылают читателя не к одной, а к значительному количеству книг.

Материалы критического отдела журнала очень разнообразны. Рецензируются как отечественные, так и зарубежные издания, посвященные различным народам мира, теоретическим проблемам этнографии и смежных наук. Однако, к сожалению, далеко не всегда соблюдаются следующие очень важные для рецензии моменты: 1) тщательное библиографическое описание рецензируемого издания (автор, заглавие, выходные данные, пагинация, наличие иллюстраций, карт, схем, а также вспомогательного аппарата — библиографий, указателей); 2) максимальное сокращение разрыва во времени между выходом в свет книги и рецензией на нее. Приходится сожалеть также о малом количестве рецензий на библиографические работы, содержащие этнографический материал.

Раздел «Персоналии» в последние десятилетия состоял в журнале из статей о крупных этнографах по случаю юбилейных дат и некрологов. А в последних номерах журнала этот раздел вовсе отсутствует. Некрологи помещают на последних страницах журнала, юбилейные статьи — в разделе «Хроника». До начала 30-х годов персоналиям уделялось значительно большее внимание. Так, в нескольких номерах журнала «Этнография» в рубрике под названием «Personalia»¹⁷ публиковались сведения о советских этнографах. Материал раздела располагался по следующей схеме: 1) фамилия, имя и отчество (полностью); 2) город (иногда домашний или служебный адрес); 3) место работы и занимаемая должность (о крупных этнографах — должности, занимаемые в течение ряда лет); 4) круг научных интересов; 5) перечисление основных опубликованных работ; 6) перечисление завершенных, но еще не опубликованных работ. Ценность подобного рода сведений очевидна. Более того, с течением времени она все более возрастает.

Несмотря на возросшие возможности общения (увеличение количества различных съездов, конференций и числа их участников, ежегодные сессии институтов археологии и этнографии АН СССР, увеличение печатной продукции этнографических учреждений), расширение раздела «Персоналии» на страницах ведущего этнографического журнала было бы большим и полезным делом. В печати неоднократно ставился вопрос и о необходимости изданий типа «Кто есть кто?» В частности, об этом косвенно говорится и в заключительной части статьи «Журнал советских этнографов», написанной А. Арциховским в соавторстве с другими учеными¹⁸. Кстати, в последнее время ряд журналов («Вопросы истории», «Вопросы философии», «Природа» и др.) начал регулярно публиковать сведения об авторах статей.

Журналом «Советская этнография» публиковались статьи и заметки информационного характера о библиографической работе по этнографии. В 1946 г. было напечатано небольшое сообщение Н. В. Старикова под названием «Работа библиотеки Московского государственного университета по библиографии этнографии»¹⁹. В 1947 г. журнал опубликовал заметку Н. Листовой об организации библиографической группы в Институте этнографии АН СССР и о ее работе по созданию картотек этнографической литературы²⁰. В 1957 г. была опубликована также небольшая статья Е. А. Мильштейна «Библиография работ по этнографии в Государственной Публичной библиотеке»²¹. В статье был сделан обзор каталогов и картотек ГПБ, содержащих этнографический материал. В ней также говорилось о начатой библиографической работе по составлению указателя литературы по этнографии народов СССР, который должен стать продолжением указателя Д. К. Зеленина²². Со времени публикации этой статьи прошло более

¹⁷ «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 314—352; 1927, № 2, стр. 386—402; 1930, № 1—2, стр. 134—145.

¹⁸ А. Арциховский, Н. Воробьев, Д. Гусев и С. Смирнов, Журнал советских этнографов, «Коммунист», 1963, № 5, стр. 124—127. Перепечатано в журн. «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 180—182.

¹⁹ Н. В. Стариков, Работа библиотеки Московского государственного университета по библиографии этнографии, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 214, 215.

²⁰ Н. Листова, Библиографическая группа Института этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 197, 198.

²¹ Е. Мильштейн, Библиография работ по этнографии в Государственной Публичной библиотеке, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 179—181.

²² Д. К. Зеленин, Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг., СПб., 1913, XXXIX, 733 стр.

десяти лет, однако указатель, с таким нетерпением ожидаемый, до сих пор не издан. Была приостановлена и работа над библиографиями по истории этнографии в МГУ и Институте этнографии АН СССР. Очевидно, и эти планы осуществить не удалось. Трудно винить библиотеки и библиографические группы в том, что они не смогли, каждая в отдельности, довести до конца начатую работу. Вероятнее всего, для создания библиографии по этнографии народов СССР нужны объединенные усилия библиотек и научных центров.

Статьи и заметки информационного характера о работе специальных библиотек без условно нужны в отраслевом журнале. Но, очевидно, в этих статьях следует приводить сведения о каталогах, картотеках, о новой литературе, о наиболее ценных и редких книгах и периодических изданиях, т. е. давать информацию, в той или иной степени характеризующую фонды библиотек.

Таковы виды библиографических публикаций журнала «Советская этнография». Следует отметить, однако, что они не являются специфичными только для этого журнала, а носят скорее универсальный характер, т. е. характерны для любого отраслевого журнала.

В результате просмотра библиографических материалов журнала за большой период времени, их классификации и характеристики мы можем сделать два замечания общего порядка, относящиеся ко всему разделу «Критика и библиография». Этот раздел является равноправным среди других разделов журнала. Библиографические работы нельзя рассматривать как нечто второстепенное, хотя они и помещены в самом конце журнала, напечатаны мелким шрифтом и имеют своеобразную форму изложения.

Нельзя также забывать о том, что всякое исследование начинается с подбора литературы, т. е. с работы над библиографией. Но библиографией также и завершается исследование, так как исследователь, располагая собранной литературой, может сравнительно легко выполнить и очень важную для науки библиографическую работу. Именно поэтому к работе раздела «Критика и библиография» необходимо шире привлекать крупных советских этнографов. Не случайно в конце 20 — начале 30-х годов в библиографическом разделе часто помещались работы М. К. Азадовского, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, Б. М. Соколова.

Р. В. Каменецкая

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография. Выпуск 5, 1968, 200 стр.

В рецензируемом сборнике, к сожалению, нет систематического обзора трудов Отделения этнографии Географического общества СССР. Опубликованные доклады прочитаны в разные годы: в 1961, 1964, 1965 и в 1967. По какому принципу отобраны доклады, не совсем ясно. Представляется, что сборник составлен тематически — большая часть статей посвящена культуре народов Дальнего Востока. Но этот принцип тоже не выдержан — в сборник включены исследования другой тематики.

Работа А. А. Шенникова называется «Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX в. в Европейской России». Вопреки общепринятому у этнографов взгляду об устойчивости и традиционности крестьянского жилища и усадьбы, автор на основании письменных источников доказывает, что в XVIII и начале XIX в. крестьянская усадьба быстро и интенсивно изменялась и утратила этнические черты. Основными предпосылками перемен А. А. Шенников считает изменение экономических условий, в частности переход к содержанию домашнего скота зимой в хлевах, в то время как раньше он содержался в открытых дворах. Можно соглашаться или не соглашаться с этой теорией, но нельзя не признать, что новая точка зрения обычно плодотворна для науки, она будит мысль.

В статье И. Н. Ухановой «Некоторые замечания о резном дереве Северного края» (заметим, кстати, что уже в заглавии следовало указать, что речь идет о Северном крае Европейской части России) использованы письменные источники, а также материалы экспедиции, организованной Государственным Эрмитажем в Каргопольский район Архангельской области для изучения народного прикладного искусства. Под народным искусством автор подразумевает искусство ремесленников, поставляющих свои изделия на ярмарки в торговые центры края. О художественном оформлении предметов домашней утвари, сделанной для собственного потребления, в статье не упоминается. Между тем именно они представляются наиболее интересными для этнографов. Туеса и прялки в XIX в. крестьяне делали большей частью сами, их не покупали. Но автора интересует рыночное распространение вещей: «...считается установленным, что именно мастера с Ваги, Северной Двины, Пинеги поставляли на рынки

лубяные и берестяные коробья и туеса, резные деревянные игрушки, ковши, расписные чаши и многое другое», — пишет И. Н. Уханова (стр. 19). «Активная распродажа прялок происходила на Благовещенской ярмарке в Устьянском районе. Местные старожилы называют центром изготовления таких расписных прялок селения Родвино и Глубокое Полонаволоцкого сельсовета» (стр. 21). Вопрос о том, какая часть населения покупала прялки и велик ли процент покупок вещей по отношению к самодельным, в статье не рассматривается. Между тем самодельные прялки имели всеобщее распространение — каждая женщина и девушка в деревне имела свою прялку. Этнографам при этом известна традиция: «дроля», ухажер, дарил девушке прялку собственного изготовления, а девушка дарила ему в ответ вышитый платок или кисет. По этим-то массовым, а не ремесленным вещам необходимо оценивать художественность и стиль народного прикладного искусства. Конечно, интересна приведенная И. Н. Ухановой выписка из Таможенных книг Московского государства XVII в.: «Вологодского уезда села Кубены Петр Петров Лобанов приплыл в лодке, явя 6100 ложек, 36 солониц, 35 ковшей березовых, 20 зыбок, 46 сит». Но этот факт скорее относится к торговле в Московском государстве, чем к народному искусству.

Мы встречаем в статье И. Н. Ухановой не совсем верное, с нашей точки зрения, истолкование наблюдавшихся во время экспедиции явлений. Так, во дворе дома У. А. Григорьевой был обнаружен колодец: «...в землю вогнан необычайно объемистый полый ствол дерева, скрепленный металлическими обручами» (стр. 20). Этот колодец автор считает образцом долбленной посуды. Более правдоподобно, что это не долбленный, а дупленный ствол, потому он и скреплен металлическими обручами. Единичное остроемное использование дупла, конечно, не может служить примером традиции производства долбленных вещей. Этнография требует массовости фактов при анализе быта. В этом отличие этнографического описания от искусствоведческого. Искусствовед интересуется единичным, наиболее совершенным в художественном отношении предметом, этнограф занимается массовым народным творчеством. Историк искусства изучает шедевры иконописи. Это правомерно, но это не исследование народного искусства. Описание развития художественных ремесел в Северном крае еще не является исследованием народного прикладного искусства.

Статья В. А. Белявского «Землевладение дома Эгиби» посвящена росту крупного землевладения в Вавилонии в VII — VI вв. до н. э. Она не имеет к этнографии никакого отношения. Представляется, что работа такого профиля должна была увидеть свет на страницах журнала «Вестник древней истории», а не в сборнике этнографических работ.

Все остальные статьи рецензируемого издания тематически подобраны. Статья С. И. Руденко «Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки» географически относится к Западной Сибири, но перекликается с основной тематикой сборника. В ней говорится о связи саяно-алтайских динлиней с динлиями китайских источников. В этой работе, по существу чисто археологической, дается четкая классификация культур Минусинского края у разных исследователей и приводится более точная датировка этих культур, полученная методом радиоуглеродного анализа.

В лингвистическом исследовании Г. А. Меновщикова «Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов» разобраны названия месяцев в эскимосских диалектах. Автор не нашел в них прямой связи с астрономическими месяцами. Эти названия обозначают циклы года, явления природы, а также отражают характер эскимосских представлений о пространстве и времени. Лингвистические исследования вообще могут оказаться полезными при изучении представлений эскимосов.

В кратком сообщении Н. В. Кочешкова «Новые материалы по этнографии и народному творчеству монголов МНР» добросовестно освещены большие, но слабо изученные коллекции по быту монголов, собранные художником Ядамсурэном. Автор приводит также записанные им три монгольские легенды.

Л. Н. Гумилев попытался решить огромную и сложную проблему древнемонгольской религии в статье объемом в 9 страниц. Одну страницу Л. Н. Гумилев отводит опровержению взглядов на монгольскую религию Дорджи Банзарова. Далее в нескольких словах сообщается о сведениях, собранных Вильямом Рубруком и Плано Карпини. О последнем Л. Н. Гумилев отзывается так: «Плано Карпини, хотя и не замечен в сознательной лжи, но требует осторожного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка, трудно провозвести исчерпывающие наблюдения» (стр. 33). Учитывая все это, по-видимому, нельзя, опираясь на наблюдения Плано Карпини, выдвигать смелую гипотезу о двоебожии в монгольской религии и об отсутствии в ней связи с шаманизмом, как это делает Л. Н. Гумилев.

Определение в статье Л. Н. Гумилева шаманизма, с нашей точки зрения, неправильно. Он пишет: «...по стройной философии шаманизма мир состоит из верхнего, среднего, в котором живут люди, и нижнего; мы бы сказали макромир, мезомир и микромир...». И дальше: «мировое дерево», прорастающее через все три мира — образ, который в переводе на современный язык означает имманентность инобытия не только в шаманизме. Утверждение, что шаманизм не участвовал в создании монгольской религии, аргументировано неубедительно. Вообще большим недостатком статьи является отсутствие достаточно обоснованных развернутых доказательств, подтверждающих гипотезы автора.

Представляется, что на девяти страницах вообще невозможно решить такую сложную проблему, как определение конкретной религии и установление ее связей с другими религиозными концепциями.

Вторая статья Л. Н. Гумилева, «Троецарствие в Китае», страдает теми же недостатками.

Этнографии народов Индокитая посвящены две интересные статьи А. М. Решетова, насыщенные фактическим материалом и личными наблюдениями автора.

В первой статье, «Дулун и ну», рассматривается культура двух близко связанных по быту и языку этнических групп. Принадлежность их к определенной языковой ветви окончательно в науке не установлена. Одни ученые относят их к тибетской ветви, другие — к бирманской, третьи предлагают выделить в особую языковую группу. Ну и дулун живут в труднодоступных горных районах, поэтому их культура мало изучена. А. М. Решетов останавливается на географических условиях обитания рассматриваемых этнических групп и анализирует, как эти условия влияли на формирование культуры, в основном земледельческой. Наряду с земледелием у ну и дулун бытовали охота и собирательство диких растений. Различия между дулун и ну сложились в ходе социально-экономического развития: у дулун сохранялись черты первобытнообщинного строя, а для сельских общин ну были уже характерны раннефеодальные черты.

А. М. Решетов приходит к выводу: к концу первой половины XX в. дулуны и ну еще не сформировались в народность: у них еще нет четко выраженного этнического самосознания. Этнографические материалы указывают, что эти группы близки по происхождению и что возможна их дальнейшая консолидация.

Вторая статья А. М. Решетова, «Народное творчество бун», тоже основывается на личных наблюдениях автора. Буи принадлежат к тайской лингвистической группе. Их численность превышает 1270 тысяч человек. Вместе с мяо буи образуют Цяньнанский автономный национальный округ. Они сохранили свои традиционные особенности, которые ярко проявляются в народном изобразительном искусстве: украшениях одежды художественных аппликациях, вышивках, искусном плетении вещей из цветной рисовой соломки и расщепленного бамбука, резьбе по дереву.

Автор описывает интересный способ окрашивать ткани «батикованием». При «батиковании» отдельные участки ткани покрываются воском, затем ткань опускается в краску, в результате чего на ней получаются узоры. Это, несомненно, очень древний способ окрашивания; изучение его у разных народов юго-востока Азии может привести к интересным выводам.

В обзорной статье Е. В. Ивановой, «Изучение древнейших культур на территории Таиланда» приведена обширная литература об археологических исследованиях в этом районе, начиная с 30-х годов нынешнего столетия и до настоящего времени. Автор обзора сообщает об экспедициях, проведенных учеными разных стран в Таиланде, и приводит различные точки зрения на существование в Таиланде культуры нижне- и среднепалеолитического типа.

Б. Я. Ставиский в статье «Средняя Азия и Древняя Индия» рассматривает древние взаимовлияния и связи различных культур. Он приводит не только археологические, но и письменно-исторические источники, указывающие на эллинистические и среднеазиатские элементы в памятниках Индии и на распространение буддизма из Индии в Среднюю Азию. По-видимому, остатки древних связей нашли отражение и в этнографических материалах этих стран, но этнографии автор, к сожалению, не касается.

Составитель и редактор сборника М. В. Воробьев поместил в нем четыре статьи. «Городища чжурчжэней, как фортификационные сооружения», «Система пяти столиц чжурчжэней», «Язык и письменность чжурчжэней (культурно-историческая характеристика)», «Словарный состав чжурчжэньского языка, как этнографический источник». Автор обнаруживает осведомленность в языке и истории государства чжурчжэней, но его работы не имеют этнографического характера.

К сожалению, проблемы этнографии вообще занимают мало места в рецензируемом издании.

Хотелось бы, чтобы в публикациях Отделения этнографии Географического общества СССР преобладали работы, анализирующие культуру и быт народов. Кроме того, Географическое общество всегда занималось проблемами связи жизни народа с географическими условиями региона, в котором обитает этот народ. Эту тенденцию, несомненно, следует поддерживать.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы редколлегия сборника предоставляла возможность публиковать свои работы более широкому кругу членов Отделения, непосредственно занятых вопросами этнографии.

Н. И. Гаген-Торн

И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969; 439 стр. с илл.

Имя И. А. Худякова, революционера-демократа и талантливого фольклориста, павшего жертвой царского самодержавия, хорошо известно не только специалистам, но и широкой общественности. За свою короткую жизнь И. А. Худяков успел внести значительный вклад как в русскую фольклористику, так и в изучение далекой и тогда мало известной Якутии.

Находясь в бессрочной якутской ссылке, он нашел в себе силы для того, чтобы изучить язык якутов, записать образцы их устного народного творчества и собрать громадный материал об образе жизни этого народа в Верхоянском округе.

При жизни И. А. Худякова ни одна из его работ, посвященных якутам, не увидела света. Только в 1890 г., через 14 лет после смерти исследователя, в Иркутске был опубликован «Верхоянский сборник» — перевод текстов устного народного творчества якутов, записанных И. А. Худяковым. Эта работа впервые познакомила как специалистов, так и широкие круги читателей с замечательными якутскими фольклорными произведениями и была высоко оценена критикой.

Более ста лет оставалась неизвестной якутоведам другая большая работа И. А. Худякова — «Краткое описание Верхоянского округа». Издание ее, предпринятое Институтом русской литературы (Пушкинский дом) и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, представляет значительное событие в сибиреведении.

Рецензируемая работа — первое подробное описание якутов, созданное за три десятилетия до опубликования знаменитого труда В. Л. Сорошевского «Якуты». С появлением на свет этой работы, являющейся важным этнографическим источником, созданным в результате длительного стационарного изучения верхоянских якутов, изменились наши представления об истории этнографического изучения якутов. Важно и то, что наблюдения производились не просто любителем, а опытным фольклористом-исследователем.

Труд И. А. Худякова состоит из 16 глав. Первые две посвящены физико-географическим условиям, растительности и животному миру Верхоянского округа; две последние — жизни русского населения и ламутов (эвенов). Материал основной части глав — это этнографическое описание якутов, преимущественно описание их духовной культуры.

Характеристика верхоянских якутов в работе начата с изложения записанных автором исторических преданий (гл. V), свидетельствующих о том, что якуты проникли в верховья Яны одновременно с приходом русских на Лену и что между якутскими родами Верхояны происходили кровавые распри, прекратившиеся после того, как край вошел в состав Русского государства.

В главе VI рассказано о нормах обычного права якутов: о системе наследования и правилах передела общинных сенокосов, об использовании охотничьих рыболовецких угодий, об уравнительном распределении охотничьей добычи (мяса) и об обычаях гостеприимства и т. д. Из приведенных в книге материалов можно сделать вывод о широком бытовании у якутов в середине XIX в. общинных порядков.

Описывая общественную жизнь якутов, И. А. Худяков остановился на системе сбора ясака, лихоимстве местной русской администрации, взяточничестве, злоупотреблениях, на крайне низкой оплате труда батраков.

Глава VII посвящена якутским играм. Из их описания видно, что подвижные игры представляли собой подражания движениям животных, птиц; были распространены также и игры, заимствованные у русских.

Сватовство, выплата калыма, церемония переезда невесты к мужу и обряд возжигания ею огня в его доме, свадебный пир, свадебные благословения подробно описаны в VIII главе.

Большой материал о семье и родильных обрядах, изложенный в IX главе знакомит нас с бытом якутов середины XIX в. Правдивое описание нищенской одежды рядовых якутов, антисанитарных условий, в которых они жили, позволило автору нарисовать яркую картину бедственного положения населения. Собирая сведения со слов рассказчиков, И. А. Худяков пришел к заключению о крайне жестоком, граничащем с изуверством обращении мужей с женами, о скупости глав семей, обделяющих пищей своих детей. Следует, однако, отметить, что семейный быт якутов представлен в работе в излишне мрачном виде. Видимо, это произошло потому, что единичные случаи были приняты автором «Описания» за правило. В то же время в главе серьезно аргументировано положение об общем приниженном положении женщин, приведены многочисленные примеры запретов для невесток и ограничений для беременных женщин и т. д.

Автор собрал также большой и ценный материал об обстановке, в которой проходили роды, о родильных обрядах — встрече и проводах покровительницы родов,

богини Айыыхыт, об оберегах от черта для детей, о воспитании детей (как известно, имеющиеся в литературе сведения об этом крайне скудны).

В главе X сосредоточен материал о якутских юртах, хотонах (хлевах), камельках (каминах), летних и зимних поселениях. Однако автора, видимо, не столько интересовали конструктивные особенности якутских жилых и хозяйственных построек, сколько связанные с ними обряды и обычаи. В главе детально изложены обряды, совершавшиеся при переезде в новую юрту, представления о духах-хранителях жилища.

Круг вопросов, связанных с охотой и рыболовством, освещен в главе XI. И. А. Худяков лишь бегло коснулся самой техники промысла, но тщательно описал все обряды, связанные с охотой: заклинания огня, призывания духа леса Байаная, а также благодарственные обряды, выполняющиеся после добычи ценных пушных зверей, и т. д.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в охотничьих обычаях верховянки якутов запечатлелось больше архаических черт, чем в соответствующих обычаях других групп якутов. Автор отметил также, что отправляясь на промысел, верховянки якуты-охотники заменяли общераспространенные слова особыми с тем, чтобы их действия не были заблаговременно распознаны зверем; в работе приведен большой список таких эвфемизмов. Многочисленные магические правила соблюдались при рыбной ловле. Интересны обряды, устраивавшиеся при добыче лоса (голову, горло и сердце при разделке туши не отделяли, кости сохатого не бросали в огонь). Возможно, эти правила были заимствованы верховянками якутами у ламут, так как в других группах якутского населения такой обряд не зафиксирован.

Обширные материалы были собраны автором об обычаях и верованиях, связанных с рогатым скотом и лошадьми (гл. XII). Заслуживают внимания выявленные И. А. Худяковым детали праздника кумыса — «ысыах» (гл. XIII). Религиозная сущность этого праздника в конце XIX в. была в основном забыта. Имеющиеся описания праздника, как правило, фрагментарны, и материалы И. А. Худякова весьма ценны для изучения этой древней церемонии.

Важные сведения о якутских религиозных представлениях, ныне также в значительной мере забытых, содержатся в главе XIV. И. А. Худяков обратил внимание на то, что каждый род верховянок якутов имел своего покровителя из мира животных. Как ему удалось выяснить, якуты Эгинского наслега считали своим божеством ястреба, Эльгатовского — лебедя, Байдунского — мордушку, Батулинского — орла, Юсальского — «сивожелезного» жеребца и т. д. Они почитали своих покровителей особым образом и, что интересно, устраивали в их честь специальные церемонии. Тотемизм, как форма религии, в середине XIX в. еще не был изучен и, столкнувшись с этим явлением, И. А. Худяков попытался объяснить его в духе мифологической школы (стр. 270).

Хотя автор не всегда разграничивает сказочные материалы и верования, несомненную ценность представляют собранные им сведения об «обожании» природы — почитании грома, молнии, небесных светил и т. д.

В разделе этой главы «„Поклоняемые“ боги» приведена характеристика якутского пантеона, способов почитания божеств. Эти данные, так же как и материалы, сконцентрированные в разделе «Дьяволы и покойники», проливают свет на космологические представления якутов.

Приведенный в этой работе обширный список запретных действий (стр. 231—240),-slotирования, описание способов гаданий, предзнаменований (стр. 397—400) дают богатый материал для понимания особенностей якутских магических верований. Отметим И. А. Худяков также, что на религиозные верования якутов оказали влияние некоторые демонологические представления русских. Например, якуты, так же как и русские, рисовали себе духа оспы в образе бродящей босой русской женщины в красном сарафане.

Для истории религии особый интерес представляет глава XV, в которой рассказывается о колдовстве и шаманстве у якутов. В ней приводятся малоизвестные сведения об этой пока еще слабо изученной форме религии. Отметим прежде всего материалы о посвящении в шаманы, о «воспитании» души будущего шамана, о мучениях, которые он принимает, готовясь стать избранником, о связи шаманства с психическими заболеваниями.

Сведения, собранные И. А. Худяковым о посвящении в шаманы, своеобразной духовной инициации, не только подтверждают, но и дополняют яркие материалы по этому вопросу, опубликованные В. Г. Ксенофонтовым и получившие широкую известность в научных кругах. Не меньшую ценность представляют описания шаманских камланий и соответствующих текстов заклинаний — призываний духов. Запись И. А. Худякова — самая ранняя и пока самая полная из опубликованных шаманских мистерий.

Большая часть заключительной, XVI главы книги посвящена характеристике устного народного творчества якутов. Эта тема, естественно, была особенно близка И. А. Худякову. Способность якутских сказителей запоминать и исполнять произведения, по величине и обилию подробностей не уступавшие Илиаде и Одиссее, поразила исследователя. Изучение творчества якутских песенников позволило автору сделать следующее заключение: «Якутские песни суть постоянно новые импровизации на всевозможные темы и свидетельствуют о больших поэтических способностях этого народа» (стр. 368).

Много внимания автор уделит рассмотрению якутских героических сказаний олонхо. Особый интерес представляют его наблюдения над исполнением этих произведений (их рассказывали вечером, лежа в постели). При этом большое значение имело подбадривание сказителя слушателями.

И. А. Худяков подчеркнул, что якуты в его время рассматривали сказки (так он называл произведения героического эпоса) как повествования об исторических событиях. Действительно, олонхо, наряду с мифами, служило якутам источником для объяснения многих явлений жизни. И. А. Худяков показал, что в олонхо имеются некоторые элементы народной оперы. В связи с этим он остановился на особенностях исполнения олонхохотами песен отдельных персонажей: витязей, их врагов из нижнего мира, волшебниц, женщин-героинь и т. д., осветил традиционные приемы зачина песен. Внимание исследователя привлекла и система якутских поэтических приемов для выражения радости, испуга, гнева, а также сведения о якутских загадках, пословицах, мифах. Материалы, характеризующие якутский фольклор, содержатся и в других главах. Так, тексты напутствий — благословений и проклятий — приводятся в VI главе, заклинаний — в X и XI главах, загадок — в XII. Внимание к этим второстепенным видам фольклора свидетельствует о стремлении Худякова к всеобщему познанию духовной культуры якутов.

Автор затронул и вопрос о влиянии русского фольклора на якутский, показав, что принесенные русскими представления оказались разрушающее воздействие на архаические якутские религиозные верования (стр. 375, 377).

XVI глава привлекает к себе внимание особой публицистической заостренностью. Подчеркнув природную одаренность и любознательность якутов, их наблюдательность и способность к творчеству, автор отметил «отсутствие в Верхоянске какой бы то ни было школы». Он писал о том, что поголовная неграмотность способствовала распространению невежественных представлений и нелепых слухов, появлению духовидцев и боговидцев. «Если уничтожение суеверий, уничтожение шаманства желательно в возможно скором времени, — писал он, — то надо позаботиться прежде всего о распространении между ними (якутами. — И. Г.) реальных знаний и реальных искусств» (стр. 391).

И. А. Худяков отметил беспомощность якутов перед лицом болезней и для оздоровления быта, освобождения «от гнетущей бедности и от удручающих суеверий» предложил при каждом улусе иметь постоянную больницу, где бы каждый больной имел и медицинскую помощь и временный приют на время болезни (стр. 395), учредить ветеринарные пункты, подготовив из среды самих якутов улусных лекарей.

Пламенным призывом к общественности — облегчить тяжелое положение якутского народа, развернуть борьбу за его просвещение — завершается книга.

«Описанию» предпослано небольшое авторское предисловие, где он указывает, «...что его труд нельзя рассматривать, как что-нибудь законченное, полное»; в качестве дополнений приложены представляющие бесспорный интерес для исследователей Якутии «биографии» знаменитых шаманов, список якутских божеств и духов, список прозвищ животных и людей.

В целом работа содержит огромный уникальный познавательный материал о культуре, быте и верованиях якутов XIX в., когда их традиционная духовная культура еще сохраняла много архаических черт.

Не менее ценно и то, что описание построено на основе верхоянской группы якутского народа. В связи с этим работа И. А. Худякова может быть использована и для изучения некоторых вопросов этногенеза якутов. Как известно, по географическим, экономическим и этнографическим признакам якуты подразделялись на ряд групп: амгино-ленскую (центральную), олекминскую, вилкойскую, северо-западную (оленьеско-нижнеленскую) верхоянскую и колымскую. С историей образования этих этнографических подразделений якутов связаны как проблема формирования якутского этноса, так и вопрос о том, представляло ли переселение предков якутов в Ленский край единовременный акт или протекало в виде отдельных волн.

Благодаря собранным И. А. Худяковым материалам можно сравнить культуру наиболее многочисленной группы якутов, амгино-ленских, с культурой верхоянских и в какой-то степени прояснить вопрос об историческом соотношении этих групп. Хотя детальное сравнение должно стать предметом особой работы, нельзя не отметить, что материалы И. А. Худякова указывают на значительную близость культуры верхоянских якутов с культурой основной массы якутского народа. Этот факт свидетельствует, по нашему мнению, не только о сравнительно недавнем отделении верхоянцев, но и о древней монолитности якутской культуры.

В заключении отметим большую работу, проведенную О. Б. Алексеевой по текстологической подготовке рукописи к печати, а также работу редакторов якутских текстов Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова и П. Е. Ефремова. Они не только провели выверку якутских и эвенских текстов, записанных И. А. Худяковым, снабдили их необходимыми примечаниями, но и перевели якутские и эвенские тексты на современную транскрипцию, облегчив читателю пользование этим материалом.

Книге предпослано краткое предисловие «От редактора», посвященное судьбе рукописи И. А. Худякова и ее археографической характеристике. Содержательная вступительная статья «И. А. Худяков и его „Краткое описание Верхоянского округа“», написанная В. Г. Базановым и Н. В. Емельяновым, знакомит читателя с революционной

и научной деятельностью автора книги, его трагической биографией. В статье справедливо подчеркнуты публицистическая направленность «Описания», глубокое сочувствие автора к задавленному нуждой якутскому народу. Отметим также, что в книгу помещена и автобиография И. А. Худякова, написанная им по требованию следственной комиссии.

Рецензируемая книга представляет интерес и для специалистов и для читателей интересующихся этнографией Якутии, и заслуживает высокой оценки.

И. С. Гурви

К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, 218 стр.

Рецензируемая книга принадлежит перу одного из известных советских этнографов — К. В. Вяткиной, знатоку быта и культуры бурятского и монгольского народа. Владея языком бурят и монголов, К. В. Вяткина хорошо знает их жизнь, обычаи, психологию. Она в полной мере знакома с обширной литературой о бурятах и монголах, а также с архивными источниками.

Монография К. В. Вяткиной «Очерки культуры и быта бурят» посвящена зарождению и развитию новых форм культуры и быта этого народа в эпоху построения социализма и развернутого строительства коммунизма. Она состоит из «Предисловия», «Заключения» и пяти основных очерков. «Послесловие» к работе написано редактором монографии, доктором исторических наук профессором Л. П. Потаповым. Правильно объективно оценить достижения бурят в области экономического и культурного развития за годы Советской власти можно только путем сравнения с их жизнью в 1917 г. Поэтому автор дает несколько очерков, кратко характеризующих происхождение бурят, их культуру и быт накануне Великой Октябрьской социалистической революции. В этих разделах К. В. Вяткина решает ряд важных проблем: этногенез бурятского народа, их социальный строй, общественно-политические отношения внутри бурятского общества.

Так, в очерке «Некоторые вопросы этногенеза бурят» автор, используя археологические и этнографические материалы, приходит к выводу, что этнический состав бурят не был однороден. В течение многих веков в основной компонент бурятского народа включались как поздние монгольские элементы, так и тюркские, тунгусские, возможно, также самодийские. В книге убедительно показано наличие общих элементов духовной и материальной культуры у бурят, западных монголов и южных алтайцев.

Большой интерес в очерке «Черты родовых отношений у бурят в дореволюционный период» представляет характеристика родовых традиций в семейно-брачных отношениях, сохранившихся до конца прошлого столетия. К ним относятся: экзогамия, калым, существенная роль сородичей в свадебных обрядах, пережитки материнского рода и др. Анализируя свадебные обряды, К. В. Вяткина приходит к выводу, что все формы вознаграждения за будущего ребенка со стороны отца у бурят и монголов, которые проявляются в калыме и подарках патрилинейной родни, отражают собой компенсацию не только за женщину, но и за ее потомство. Это, по существу, выкуп детей у рода матери, выкуп у тотема матери, что подтверждает такой обряд у бурят, как леялангут и др. У монголов уплата калыма имела важное юридическое значение: без него родившиеся в браке дети считались незаконными и принадлежали только матери.

В очерке «Занятия и материальная культура бурят в XIX и начале XX в.» дается представление о жизни бурят в условиях кочевого и полукочевого образа жизни. В этом разделе приведены хорошие цветные снимки, характеризующие традиционную одежду бурят.

Вышеупомянутые «Очерки» представляют собой самостоятельное исследование. Редактор книги Л. П. Потапов в «Послесловии» отметил, что очерки по совокупности «представляют собой первую обобщенную этнографическую работу о бурятах, написанную с позиций советской исторической науки». К. В. Вяткина сумела глубоко осветить большинство затронутых вопросов благодаря использованию материалов, собранных лично с 1925 г. в разных районах Бурятии. Однако наиболее ценным и оригинальным вкладом в этнографию бурятского народа является исследование К. В. Вяткиной его жизни и быта в советское время.

Центральная тема в этой части работы — становление новых черт в жизни бурят. Советскому периоду посвящены два очерка: «Социалистическое строительство в Бурятской АССР» и «Хозяйство и культура бурятского колхозного крестьянства».

Рост промышленности на территории Бурятии, как показывает автор, способствовал появлению национальных рабочих кадров, развитию новых путей сообщения, возникновению новых городов и поселков, новых культурных центров, стимулировал развитие сельскохозяйственного производства. С переходом крестьян к оседлости, с укреплением колхозов, механизацией сельского хозяйства, с ростом производительности труда, возникла прочная база для сплочения бурятского сельского населения, а также сближения села с городом.

Экономическое развитие Бурятской АССР было тесно связано с развитием культуры бурятского народа. Автор подробно останавливается на этапах эволюции нацио-

нальной культуры, показывает процесс сближения культурной жизни бурят с культурами других народов СССР. Хорошо известно, что благодаря братскому сотрудничеству народов СССР, постоянному обмену материальными и духовными ценностями между советскими республиками постепенно развиваются общие коммунистические черты культуры, быта, морали, укрепляется дружба между народами, усиливается социальная однородность наций. В книге К. В. Вяткиной затронута также важная проблема некапиталистического пути развития ранее отсталых народов, основой хозяйства которых до недавнего времени было кочевое и полукочевое скотоводство. Материалы, приведенные в книге, на примере развития бурят подтверждают плодотворность ленинской национальной политики в СССР, положительный опыт Советского государства в решении проблемы кочевничества у такого немногочисленного народа, как буряты. В этом плане книга К. В. Вяткиной, в которой содержатся доказательства успеха исторического опыта Советского государства в решении проблемы кочевничества, заинтересует широкий круг специалистов, в том числе тех, кто занимается проблемой кочевничества в странах Среднего Востока и Северной Африки. Нужно отметить, что эта проблема имеет большое научное и политическое значение. Бывшие и современные исконные кочевники в настоящее время привлекают внимание ряда международных организаций.

Чрезвычайно интересно отражено в труде К. В. Вяткиной развитие старых прогрессивных традиций у бурят, борьба за сохранение у них древнего полезного наследства, в литературе, в языке и в искусстве. Наряду с ними существуют традиции, требующие преодоления; в первую очередь, это — пережитки шаманской древней религии, буддизма, а также патриархально-родового быта. Разумеется, чтобы правильно вести борьбу с наследием такого рода, нужно его хорошо понимать. Автору удалось удачно показать диалектику реальной жизни. Думаем, что книга К. В. Вяткиной принесет пользу практическим работникам в Бурятии: научит их уважению к хорошим традициям своего народа и вместе с тем поможет им находить пути к преодолению вредных традиций.

Одним словом, «Очерки» К. В. Вяткиной — ценная и в полном смысле этого слова актуальная работа.

В предисловии указано, что рецензируемая работа в основном посвящена исследованию культуры бурят в советский период. Однако этим проблемам посвящена лишь половина книги. Поэтому, конечно, многие вопросы, затронутые К. В. Вяткиной, нуждаются в более глубоком освещении. В одном исследовании невозможно исчерпывающее освещение затронутой темы. Естественно, что многие вопросы будут в дальнейшем разработаны в фундаментальных исследованиях бурятских ученых, посвященных современной социалистической культуре и быту, где будет шире привлечена отечественная и зарубежная литература о быте бурят на разных этапах исторического развития. В книге К. В. Вяткиной имеются и отдельные мелкие недочеты, которые не снижают ее общей положительной оценки. Она найдет широкий круг читателей не только среди специалистов-этнографов, археологов, но и среди студентов, учащихся и рядовых читателей, которые интересуются историей Советской Бурятии.

А. П. Окладников, Ч. М. Таксами

С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970, 295 стр., 268 рис.

Книга представляет собой третью монографию в серии работ С. В. Иванова об изобразительном искусстве народов Сибири¹. В отличие от первых двух книг, в рецензируемом издании рассматривается скульптура только северной части Сибири. Скульптуре же Центральной и Южной Сибири автор, видимо, посвятит специальную работу.

Исследование построено на громадном материале коллекций музеев Ленинграда и Москвы, крупных и мелких музеев Сибири и Дальнего Востока (список музеев приложен к тексту). Учтены также предметы, хранящиеся в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Ленинград), в Институте народов Севера (Ленинград), в музейных фондах Всесоюзного комитета по делам искусств.

Книга состоит из четырех глав, введения и заключения. В первых трех главах дана характеристика скульптуры отдельных народностей, в четвертой рассматривается современная скульптура работы студентов северного факультета Ленинградского восточного института и Института народов Севера. Три основные главы написаны по одной схеме: 1) Скульптура бытового назначения; игрушка, 2) Скульптура религиозного назначения. Первая глава посвящена скульптуре обских ургов, вторая — скульп-

¹ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX века. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости, М.—Л., 1954; его же, Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963.

туре самодийской группы и кетов, третья — скульптуре эвенков и долганов. Следует отметить значительный удельный вес раздела, посвященного эвенкам. Это, вероятно, объясняется тем, что искусство эвенков лучше изучено, а также обилием материалов по этой проблеме. В эту главу включено описание нескольких шаманских костюмов.

Специального историографического раздела в рецензируемом издании нет. Вопросам, связанным с историографией, уделено внимание во всех главах, особенно в главе, посвященной народам самодийской группы, и в главе, где рассматриваются эвенкийские и долганские материалы. Не так легко решить, какая композиция удачнее. На наш взгляд, более целесообразно было бы ввести специальную историографическую главу, которая, с одной стороны, познакомила бы читателя с кругом проблем возникающих при изучении скульптуры народов Севера Сибири, а с другой стороны резче выявила бы роль автора книги в решении многих серьезных вопросов.

Анализ скульптуры разных видов: мелкой, монументальной, бытовой и культовой — позволяет автору высказать ряд обобщающих идей. На наш взгляд, большое значение имеют выводы, сделанные С. В. Ивановым в связи с проблемой шаманства. Он считает, что шаманство является «исторически поздним комплексом религиозных представлений и действий и поэтому не может рассматриваться как древнейшая и общая для всех народов Севера форма религиозных верований и обрядов» (стр. 282). Автору удалось выделить целые серии культовых предметов, не имеющих прямого отношения к шаманству и связанных с более ранними в историко-культурном смысле идеологическими представлениями. К скульптурам подобного рода, как пишет С. В. Иванов, относятся изображения хозяев огня, духов природы, творцов и хозяев животных, некоторых тотемных животных, изображения умерших, в том числе и предков — покровителей семьи и рода, женских духов, облегчающих роды и охраняющих детей, скульптуры промысловых животных, которые должны были помочь охоте, и др. (стр. 282).

Изучение скульптуры некоторых районов позволило автору сделать ряд выводов об этногенетических процессах, которые привели к образованию отдельных современных народов. Так, С. В. Иванов высказывает мысль о двуслойности культуры кетов. Данные, полученные на основании анализа кетской скульптуры, хорошо совпадают с результатами анализа языка (В. В. Иванов, В. Н. Топоров) и некоторых этнографических явлений (С. И. Вайнштейн). Интересен также вывод о консервативности форм культовой скульптуры обских угров (стр. 61, 62). От себя добавим, что такая же консервативность проявляется и в скульптурном оформлении бытовых вещей и игрушек этой группы. Это можно отчетливо проследить, сравнивая современные и археологические предметы; некоторые из них можно с уверенностью отнести к раннему железу и даже к эпохе бронзы.

Особо следует отметить удачную классификацию антропоморфных изображений. С. В. Иванов разделяет их на пять типов: 1) северосибирский, 2) западноарктический, 3) первый уральский, 4) второй уральский, 5) западносибирский. Некоторые типы, по наблюдениям автора, оказываются весьма устойчивыми, например оба уральских, восходящие к изображениям Шигирского и Горбуновского торфяников Зауралья (стр. 284, 285). Выделенные типы антропоморфных изображений имеют различные ареалы и разную степень распространенности. Сопоставление данных об этих ареалах с другими материалами, особенно археологическими, позволит сделать известные этногенетические и историко-культурные выводы, касающиеся связей древних и современных культур. К сожалению, в книге нет карты, которая помогла бы наглядно представить эти связи. Составление такой карты, видимо, — дело будущего, хотя материал для нее собран и значительная его часть уже содержится в работе.

Книга С. В. Иванова богато иллюстрирована, но в полиграфическом отношении она могла бы быть значительно лучше. Недостаточно хорошая бумага и низкое качество клише особенно бросаются в глаза при сравнении ее с другими изданиями такого рода, например с книгой J. Meldgaard «Eskoimo sculpture» (London, 1960) и «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker» (Budapest, 1963).

К редакторским погрешностям следует отнести известный разбой в написании терминов и названий, происходящих из местных языков: в одних случаях они даны в транскрипции, принятой в мировой этнографической и лингвистической литературе (стр. 21, 38), в других — русскими буквами; в большинстве случаев название выделяется курсивом, однако это также делается не везде (стр. 189, 205, 216).

Вместе с тем следует сказать, что все эти мелкие и в большинстве своем не зависящие от автора недостатки в оформлении книги не могут испортить общего весьма благоприятного впечатления от нее. Это не только безукоризненная сводка громадного материала, но и ценное исследование по истории духовной культуры народов Севера Сибири. Для археологов же это — бесценный свод хорошо документированного и классифицированного материала, который позволит глубже проникнуть в духовную культуру древнего населения Севера Сибири.

В. И. Мошинская

Выход в свет капитального труда Г. М. Василевич — отрадное и примечательное явление в советской этнографии. Работа посвящена самой крупной народности Севера — эвенкам, расселенным на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока. Автор книги — крупнейший ученый-эвеновед, с обширными знаниями в области этнографии и лингвистики; эти знания позволили автору глубоко проникнуть в материальную и духовную жизнь народа.

Собранные Г. М. Василевич материалы уникальны. В 20—30-х годах XX в. она наблюдала обряды, о которых современное поколение эвенков не имеет представления.

При написании данного труда автор использовала как свои полевые материалы, собиравшиеся около 50 лет, так и огромную этнографическую, историческую, лингвистическую литературу (свыше 300 названий на русском и около 50 на иностранных языках), а также материалы этнографических музеев. Книга является частью большой работы Г. М. Василевич «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов», опубликованной еще не полностью.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех разделов, подразделяющихся на главы, заключения, приложения, карт, рисунков и списка использованной литературы.

В обширном «Введении» автор затрагивает различные вопросы, связанные с расселением, численностью, названием и самоназванием различных групп эвенков с XVII в. до настоящего времени, а также анализирует материал, связанный с историей проблемы этногенеза тунгусов. Приведены четыре карты-схемы, на которых показано расселение эвенков в XVII, XVIII, XIX и нач. XX вв.¹

При разборе вопроса о названиях и самоназваниях различных групп эвенков, к сожалению, не всегда ясно, где речь идет о названиях, а где о самоназваниях; по-видимому, это касается прежде всего терминов *орочен* и *хундысал*. На наш взгляд, *хундысал* («собачья», «хозяева собак») — это скорее не самоназвание, а название, дававшееся соседями какой-то группе, утерявшей оленей и пользовавшейся собаками для транспортировки грузов, в противоположность группам оленеводов.

Говоря о численности тунгусов, автор допускает ошибку, утверждая, что в работе Б. О. Долгих приводятся две разные цифры для XVII в. — 36 135 и 17 513. В действительности эти две цифры показывают численность тунгусов в разное время: первая — в XVII в., а вторая — в 1926 г. по данным Приполярной переписи², во время которой были учтены не все эвенки, что и дало столь большую разницу (общая численность тунгусов по переписи 1926 г. — 37 546 чел.).

Большой интерес представляют «Историко-археологическая справка», «Краткая история изучения тунгусов» и резюме, посвященные проблемам этногенеза, но, к сожалению, в этих разделах встречаются некоторые недочеты и спорные моменты³.

Первый раздел книги «Хозяйство и материальная культура» представляет большой интерес. Следует отметить, что трудности, с которыми пришлось столкнуться автору при написании этого раздела, были велики, ибо у эвенков на всей огромной территории их расселения хозяйство было чрезвычайно многогранным.

Раздел состоит из девяти глав. Большую ценность представляет собранный автором материал об эвенкском календаре; этот материал позволяет наметить хозяйственные периоды у тринадцати групп эвенков, живущих от Енисея до Охотского моря. Такая сводка по календарю эвенков появляется в печати впервые. Поэтому особенно обидно, что некоторые места текста противоречат материалам, содержащимся в самом календаре. Так, в начале главы «Календарь и хозяйственный год» автор говорит, что «у всех тунгусоязычных народов, насколько позволяют судить источники, основным занятием являлась охота» (стр. 42). Это приписывается даже группам, живущим по Нижнему Амуру. В итоге же главы делается иной вывод: «У сидячих, позже, „пеших“, а также у малооленных групп существовало комплексное охотничье-рыболовецкое хо-

¹ Четвертая карта, по-видимому, вопреки подписи к ней, отражает современное расселение эвенков.

² Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 13, 14.

³ Так на стр. 16 и 17 автор, останавливаясь на проблеме формирования населения Приамурья — Забайкалья в VII в., утверждает, что мохэ жили в нижней половине бассейна Амура, хотя из старой восточноведческой литературы известно, что этот народ в основном жил по среднему течению Амура; из новых работ отметим: А. П. Окладников и А. П. Деревянко, Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области, «Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири», вып. 2. — «Древняя Сибирь», Новосибирск, 1966; Е. И. Деревянко, Мохэское городище на р. Завитой, «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, 1969, № 11, вып. 3.

зяйство» (стр. 53). Исходный тезис опровергается и на стр. 76 в главе «Оленеводство», где говорится, что у всех эвенков с эвенкийским типом оленеводства «рыболовство имело немалое значение». На стр. 42 автор пишет: «Оленеводство и рыболовство мы нашли отражения в календаре у эвенков». А в примечании к этому утверждению читаем: «За исключением групп, живущих в районах озер к северу и западу от истоков Вилюя, на Охотском побережье и в истоках Витима». Исключений, как видим, довольно много. Кроме того, при более внимательном рассмотрении приведенного материала видно, что в календаре амуро-бурейских эвенков существовал «период нереста». Нашло отражение в календаре и оленеводство: в календаре 8 из 13 рассматриваемых автором групп эвенков отмечен «месяц отела»; имеется также период «оркор» — «спаривания оленей» (мы считаем возможным относить эти термины к домашним оленям, тем более, что автор нигде не говорит, что они относятся к диким). Думается, что нет оснований говорить о ведущей роли охоты в хозяйственных занятиях в конце XIX — начале XX в. ни у многих групп эвенков, ни у иных тунгусоязычных групп.

Причина отмеченных противоречий — в недостаточной историчности приводимых сведений, в их статичности. За рассматриваемый 200-летний период в жизни и хозяйстве эвенков (в частности, хозяйственных занятиях и орудиях производства) под влиянием различных исторических событий произошли большие перемены, что отмечается и самим автором многократно.

В главе «Оленеводство» большой интерес представляет материал о двух типах оленеводства у эвенков — эвенкийском и ороchonском. Эвенкийский тип оленеводства более древний, ороchonский — явление позднее⁴. Концепции автора несколько противоречат материалы в главе «Средства передвижения». Хотя в этой главе и говорится, что для эвенкийского типа оленеводства было характерно только выючное седло (стр. 98, 100), однако на рис. 11 (стр. 99) изображены верховые седла западных эвенков, у которых, по утверждению автора, были эвенкийский тип оленеводства. Данное противоречие автор нигде не разъясняет. Пытаясь доказать слабое развитие у западных эвенков оленеводства, Г. М. Василевич ссылается на отсутствие у них отражения оленеводства в календаре, однако, как уже отмечалось, период отела наличествует в календаре подкаменно-тунгусских, непских, сымских, токминских и других групп. При этом, четко разграничивающих оленеводство у эвенков на два типа, не дано.

В ряде глав автор пытается доказать, что у эвенков существовала и сохранилась в пережитках стадия пешей доолениводческой культуры. В принципе этот тезис не вызывает возражений, однако приведенные доказательства не убеждают. Проблема до оленеводческой стадии культуры у эвенков чрезвычайно важна и хочется надеяться, что в последующих работах автору удастся подкрепить свою позицию более вескими доводами.

Тем не менее автор не сказал главного: об изменениях за рассматриваемый им период в соотношении хозяйственных отраслей у разных групп эвенков. Так, в главе «Рыболовство» говорится, что енисейские и илимпийские эвенки относились к рыболовству с «презрением», «занимались им лишь по нужде» (стр. 80). Однако автор не учитывает, что во второй половине XIX в. в связи с оскудением охотничьих угодий эвенки во многих районах стали перестраивать свое хозяйство и были вынуждены переходить к рыболовству как раз в тех районах, где они раньше им не занимались, например, в бассейне Енисея. По данным конца XIX — начала XX в. эвенки, кочевавшие в этих районах, регулярно выходили к реке для добычи рыбы, и если в начале XIX в. они получали доходы главным образом от охотничьего промысла, то в конце века доходы от добычи рыбы составляли половину, а то и более половины их бюджета⁵.

Несмотря на отмеченные недостатки, глава «Хозяйство», написанная целиком на основе полевых материалов автора, насыщенная интересной терминологией, представляет собою большую познавательную ценность.

В главе, посвященной жилищам, хозяйственным постройкам, утвари, автор очень тщательно и детально описала разные типы жилищ эвенков. Однако, работая с материалом, не относящимся к эвенкам, Г. М. Василевич не всегда и не во всем бывает точна. Так, на стр. 113 она приписывает орокам корьевое, в плане четырехугольное жилище, которое характерно для других тунгусских групп Нижнего Амура. К тому же сравнение жилищ этого типа, широко распространенного на Дальнем Востоке, с сайским мало оправдано, так как последнее имело принципиально иную конструкцию (что признает и сам автор). Здесь напрашивается аналогия с жилищами обских укров, а не народов Саян.

В главе «Одежда» большой интерес представляет описание ритуального костюма, обуви, одежды, заимствованной у соседей. Это же касается собственно эвенкийской повседневной одежды, но автор ограничивается описанием лишь одежды западной

⁴ К сожалению, в этом случае, как и в ряде других, автор избегает ссылок на исследования советских этнографов по затронутым вопросам.

⁵ В. Л. Исаченко, Инородцы Туруханского края, «Материалы по обследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении», вып. IX, Красноярск, 1915; Г. Н. Тарасенков, Туруханский край, Красноярск, 1930, стр. 32, 34 и др.

группы эвенков, ссылаясь на другие свои публикации. На наш взгляд, следовало бы дать суммарное описание одежды разных групп эвенков с указанием основных различий.

Во втором разделе книги — «Социальные отношения» — автор рассматривает вопрос о социальных отношениях у эвенков в XVIII—начале XIX в. В первой главе приводятся интересные материалы, анализируются характер систем родства, пережитки существовавших в прошлом у эвенков брачных групп и материнского рода, имевшие место еще в начале XX в. и неправильно истолкованные некоторыми исследователями как обычаи многоженства и легкости нравов.

В главе «Семья» Г. М. Василевич дает весьма любопытные термины, означающие семью: «дю» («дом»), «дюган» («домашние»), «хур-хуру» («многодетная женщина»), «бидыбу» («многодетная женщина» и «медведица с медвежатами»), что, с одной стороны, сближает эвенков с другими народами Сибири (например, у манси термина «семья» тоже нет, есть термин «кол тагыл» — «домовый коллектив»), а с другой стороны, указывает на связь эвенкийского материнского рода с тотемизмом.

О большой тщательности полевых исследований автора свидетельствуют ее записи названий родов и родословных (см. стр. 153 и приложение). Очень интересно объяснение автором механизма образования территориальных общин из больших взаимобрачающихся семей разных родов.

Материалы, относящиеся к составу семьи, формам собственности и обычаям наследования у эвенков весьма интересны, но, к сожалению, изложены чрезвычайно кратко.

В главе «Формы брака и свадебные обряды» Г. М. Василевич рассказывает о форме брака у эвенков, дает картину развития приданого и калыма, показывает зависимость калыма от экономического состояния семьи. Характеризуя формы брака у эвенков, автор не всегда точен в терминологии; так, термином «обменный брак» названы две различные формы брака — обмен женщинами между двумя семьями и брак, при котором калым и приданое равноценны (стр. 157).

Детально, с указанием терминологии описан свадебный обряд у разных групп эвенков. Однако нам кажется не совсем правомерным сопоставлять обычай устраивать свадебное угощение (известный лишь некоторым группам эвенков и заимствованный ими у других народов, так же как и специальный обряд свадьбы — см. стр. 161) с древним обрядом поедания медвежьего мяса только на том основании, что в обоих обрядах участвовали представители двух родов. Поскольку в силу родовой экзогамии браки заключались между представителями двух родов, естественным было то, что на свадьбе присутствовали родственники и свойственники, т. е. представители двух родов. Объяснение обычая поедания медвежьего мяса родственниками и свойственниками можно найти, вероятно, в представлении тунгусо-маньчжурских народов о медведе как о зяте рода. Различия в деталях свадебного обряда у разных групп эвенков показывают сложность и многообразие их культуры.

Интересно написана глава «Женщина и дети», в которой автор говорит о равноправном положении женщины в семье и о ее большой роли в хозяйстве. Г. М. Василевич правильно вскрывает сущность ограничений и запретов, касающихся женщин, у народов, занимавшихся охотой, а также связанных с гигиеной и охраной здоровья женщины и нисколько не умаляющих значение женщины в семье. В этой связи представляют интерес и запреты в отношении мужчин. Большую ценность имеют материалы, касающиеся рождения и воспитания детей, детских игр и игрушек, наречения имени. Правда, автору можно было бы высказать пожелание дать больше расшифровок эвенкийских имен (стр. 172, 191) и проанализировать значение некоторых игр. Например, интересно происхождение игры «кунэли» или «дэгэйкэчивкэ», где деревья назывались «мать мужчин» и «мать женщин» (стр. 178).

В последней главе этого раздела «Социальное расслоение к началу XX в.» автор коротко, но убедительно показывает значение и степень социального расслоения в среде разных групп эвенков.

Третий раздел посвящен духовной культуре эвенков. В главе «Народные знания» содержатся очень интересные сведения о географических, топографических, медицинских, ветеринарных знаниях эвенков, о знании ими примет погоды, развитии пиктографического письма и т. д.

Последние три главы этого раздела («Представления эвенков об окружающем мире», «Обряды и камлания», «Шаманы и их облачение») тесно связаны друг с другом материалом, который не всегда удачно распределен. Во всех главах автор четко различает дошаманские и шаманские представления и обряды у эвенков, вскрывает характер участия шамана в нешаманских обрядах (стр. 164, 234—240). Большое знание (в том числе и методологическое) имеет выделение автором в числе дошаманских охотничьих обрядов и представлений культа медведя. Однако автор отступает от своего принципа разделения шаманских и дошаманских представлений, когда говорит, что представления о духах-хозяевах были созданы шаманами (стр. 230). И изложенный самим автором материал (стр. 232) и аналогичные ему у других сибирских народов свидетельствуют о дошаманском происхождении этих представлений, хотя шаманы, без сомнения, «наследовали их и развили, добавив свое» (стр. 234).

Большой интерес представляет описание погребального обряда у эвенков, хотя способы погребения описаны недостаточно четко (стр. 241—242). Вероятно, традиции в спо-

собах захоронения зависели от определенных представлений, а не наоборот, как пишет автор (стр. 227).

Следует отметить, что некоторые материалы оказались композиционно разобщены: так, сведения о календаре помещены на стр. 42, 185, 193, разбросан и материал о сказаниях, легендах, именах богатырей.

Г. М. Василевич является большим специалистом в области эвенкийского фольклора. Отличное владение эвенкийским языком безусловно помогло автору детально изучить все жанры фольклора, которые обстоятельно освещены в данной работе.

К главе «Искусство», в целом содержащей самобытный материал, следует сделать два замечания. Прежде всего, вызывает сомнение утверждение автора о сходстве орнаментального оформления берестяных изделий западных эвенков с орнаментикой на бересте хантов и манси (стр. 206, 208). Можно видеть лишь некоторые черты сходства в техническом оформлении берестяных изделий западных эвенков с селькупскими и отчасти — с восточнохантыйскими, поскольку генезис ваховской группы хантов связывается с селькупами.

Второе замечание относится к вопросу о происхождении варгана. Поскольку этот вид музыкального инструмента крайне широко распространен у народов Сибири и даже Средней Азии, чего нельзя сказать о женском шаманстве, то вряд ли правомерно связывать его происхождение именно с женским шаманством (стр. 209). По всей вероятности, это просто древнейший вид женского музыкального инструмента.

В «Заключении» автор подчеркивает, с одной стороны, длительность и сложность пути развития эвенкийской культуры в ходе расселения эвенков по Сибири и их контактов с другими народами, и с другой — самобытность эвенкийской культуры и языка. Г. М. Василевич делает вывод о совпадении локальных вариантов культуры и диалектов, т. е. этнографических и диалектальных групп.

Большой интерес представляют этногенетические выводы автора, правда, в некоторых случаях гипотетичные, но вполне правомерные для такого рода исследования, а также анализ происхождения отдельных элементов культуры в зависимости от этапов становления и распространения тунгусской культуры.

Чрезвычайно большой интерес представляют «Приложения», в которых даются «Родовые названия и их распространение в XVII—XX вв.» и приводится около 450 этнонимов и их вариантов. По существу это самостоятельная работа не только справочного характера: здесь приводится краткая история расселения и передвижения родов во многих случаях с XVII в. (а кое-где и раньше) до начала XX в., а подчас и до наших дней (1960 г.). Иногда автору удается проследить распространение не только рода, но и аналогичных топонимов (Вакувагир, Дукин, Эджен и др.), а также широко отметить вхождение того или иного эвенкийского рода в состав других этнических групп и народов с тунгусским языком, что создает широкую картину истории эвенкийских родов. Большой интерес представляет проведенное автором сопоставление эвенкийских этнонимов с тюркскими, монгольскими и др., что позволяет намногу раздвинуть границы данных материалов; в этом заслуга автора как лингвиста. Недостаточно полно указаны места расселения эвенкийских родов: так, не отмечено, что в начале XX в. и в настоящее время по Нижнему Амуру и по Тумнину отдельными компактными группами жили и живут роды Бута, Бэтум, Лалигир, Хэгинкэгир (Эгинкэгир), Эдян.

В заключение надо отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки, вполне естественные в таких больших и сложных работах, рецензируемый труд представляет большую ценность. Благодаря отличному знанию этнографии, языка эвенков, сравнительно-историческому анализу материалов, рассмотренных в свете этнографических и диалектальных групп эвенков, Г. М. Василевич написала монографию, которая составит целую эпоху в области тунгусоведения и будет полезна многим сибироведам. Работу можно назвать своеобразной «энциклопедией» по этнографии эвенков.

А. В. Смоляк, З. П. Соколова

* * *

Рецензируемая монография является первой сводной обобщающей работой по эвенкам, самому многочисленному из группы так называемых малых народов Севера. Автор ее, Г. М. Василевич, посвятившая много лет своей жизни исследованию эвенкийского языка и культуры, поставила перед собой задачу охарактеризовать хозяйство, материальную и духовную культуру, а также социальные отношения эвенков. Достоинство книги — вводимый в науку значительный фактический материал. Особенно интересны в этом отношении главы: «Представления эвенков об окружающем мире», «Обряды и камлания», «Шаманы и их облачения».

Мы не останавливаемся на структуре работы и отдельных ее достоинствах, т. к. это сделано в рецензии А. В. Смоляк и З. П. Соколовой. Учитывая значимость темы, нам представляется целесообразным осветить некоторые методологические аспекты работы и поднятые в ней вопросы.

Как известно, эвенки подразделяются на ряд локальных, весьма обособленных групп, отличающихся языковыми и культурными особенностями. Например, социальный строй и домашний быт эвенков-оленьеводов бассейна Подкаменной Тунгуски и тунгусов-

скотоводов Забайкалья, а также алданских тунгусов-животноводов, сблизившихся с якутами, резко различались. В связи с этим для выяснения вопроса о существовании общих элементов эвенкийской культуры необходим детальный сравнительный анализ культуры отдельных эвенкийских групп. К сожалению, этого не сделано в работе Г. М. Василевич. Хотя автор и указывает на локальные особенности тех или иных элементов материальной культуры эвенков, читатель не получает представления о фактическом различии отдельных групп; напротив, создается иллюзорное представление о единстве культуры эвенков на всей громадной территории, осваиваемой ими. Так, в разделе «Пища, напитки» (стр. 122—130) дается описание пищи как скотоводов, так и оленеводов, в результате чего у читателя складывается ложное впечатление о чрезвычайном разнообразии пищи у эвенков и отсутствии какой бы то ни было специфики в этом отношении у различных этнографических групп.

Стремление к общему описанию отдельных видов хозяйства, социальных отношений и верований не позволило автору отделить архаические элементы от нововведений. Несомненно, что хозяйство и культура эвенков в начале XX в. не были такими, какими они были в XVII—XVIII вв., однако этот момент не нашел отражения в работе.

Отдельные положения автора, выраженные в категорической форме и без ссылок на источники, вызывают у читателя недоумение. «Необходимо отметить,— замечает, в частности, Г. М. Василевич,— что всякий вид новой работы, входивший в быт эвенков от соседей, был вначале мужским делом, потом уже становился женским» (стр. 90). Всегда ли так было и во всех ли нововведениях? Чем это подтверждается?

На стр. 122 мы читаем: «Питание производилось регулярно 4 раза в день через точные промежутки времени». Это сказано о людях, которые вели кочевой образ жизни и целиком зависели от удачи на промысле...

Освещая отдельные элементы культуры, Г. М. Василевич зачастую не указывает, для какой группы эвенков они характерны. Так, на стр. 90, 91 приводится описание кузнечного производства, но не сообщается, о каких группах идет речь и на основании каких материалов сделано описание. То же следует сказать и о разделе, посвященном детским играм (стр. 174—178).

Можно привести и другие примеры. «Сны и наблюдения над обморочным состоянием привели к представлению о том, что «оми» (душа.— Б. Д., И. Г., В. Т.) может покидать человеческое тело и возвращаться в него» (стр. 225). «Развивая мысль о способности души покидать тело человека, шаманы создали новое представление о возможности сохранять души живых людей и оленей до выздоровления больных» (стр. 226). Думается, что генезис анимистических воззрений значительно более сложен, чем он представляется автору, а сами эти воззрения скорее всего сложились задолго до того, как сформировались современные эвенки и эвены.

Если верить автору, эвенкийская семья обладала атрибутами рода. «Отдельная семья,— пишет Г. М. Василевич,— ... имела признаки рода: родовое название и экзогамию» (стр. 151). Вряд ли подобные утверждения даже нуждаются в опровержении.

В книге немало общеизвестных истин, о которых вряд ли стоило бы говорить. Имя «должен был иметь каждый человек. Имя было индивидуальным. Без него человек не мог существовать» (стр. 171).

В книге много неточностей. Одни и те же родовые этнонимы приводятся на одной и той же странице в разном написании, отчего воспринимаются как названия разных родов: «Ингола+хир» и «Инголос», «Санягир» и «Шанягир» (стр. 153). Неточно названы некоторые административные районы «Витимо-Олекминский» вместо Тунгиро-Олекминский, «Бухта» (в Маньчжурии) вместо Бутха» (стр. 6, 29) и т. д.

Лингвистический анализ, применяемый автором для иллюстрации тех или иных положений, не всегда убеждает читателя. Так, в слове «тунгус» Г. М. Василевич, например, отсекает суффикс (?) «гус» и сообщает, что данный суффикс не встречается в тюрко-болгарских этнонимах и делает вывод: «Следовательно, сам этноним *тун* ... появился значительно раньше и из известных нам языков переводиться не может» (стр. 10). Еще пример: «Корень *дав-дан-дал* обозначает «передать просьбу», «сватать», «свойственник», «сват», «обмен невестами», а словом *даха*, *мата* называли друг друга семьи, находившиеся во взаимнообратных отношениях. Поэтому буквальный смысл слова *галды* — «сватать», «брать друг у друга» (*гагат* — «брать взаимно»). Последнее говорит о том, что слово *дан* появилось одновременно с появлением экзогамии (запретов браков внутри рода)» (стр. 147). Подчеркнутые нами слова «поэтому» и «последнее» указывают на то, что автор пытается логически обосновать мысль, претендующую на важные обобщения, однако мотивировка сделанного обобщения не доходит до читателя.

Во введении и заключении автором сделаны значительные и далеко идущие выводы, касающиеся этногенеза эвенков, однако эти выводы крайне трудно обсуждать ввиду того, что они почти не связаны с материалом, изложенным в книге. Сущность взглядов Г. М. Василевич сводится к следующему: «...древнейшие тунгусы были пешими охотниками...», для которых рыболовство «... еще не имело значения» (стр. 39, 40). В конце «серовского» времени эти «пешие охотники», по утверждению автора, расселились на правых притоках Амура и «...стали основным ядром в образовании чжурчженей — предков маньчжуров» (стр. 40). Оставшиеся у Байкала «прототунгусы» выработали в языке «...элементы, сближающие все языки группы (тунгусо-маньчжурской.— Б. Д., И. Г., В. Т.), кроме маньчжурского...», а в культуре... тот тунгусский комплекс, который всегда

отличал тунгусоязычные народы Сибири от всех остальных народов» (стр. 40). В следующем периоде,— пишет Г. М. Василевич,— тунгусы (предки эвенков и эвенов) стали расселяться «...на запад и восток от Байкала», что, по ее мысли, могло быть обусловлено выходом «тюркоязычного населения к Байкалу» (стр. 40). С названными периодами автор связывает некоторые до сих пор бытующие этнонимы: *мангы, саман, канга* — «алтайский пласт»; *эвэн* — «прототунгусский», *Курка* (-гир), *Килен, Долган, Донгон* — *Донгой. Кима, Солон* — «тунгусский» (стр. 40, 41). К сожалению, все эти ответственные утверждения лишены аргументации.

Основу древней культуры «пеших охотников» составляли, по утверждению Г. М. Василевич, «широкие гнутые лыжи, лодка-берестянка, составленный из пяти частей костюм с кафтаном, не сходящимся на груди, с нагрудником, шитая деревянная колыбель» (стр. 257). Даже соглашаясь с возможностью существования подобного «комплекса», трудно понять, почему он должен был возобладать над культурой аборигенов, которых тунгусы ассимилировали по мере своего расселения по тайге; вряд ли эта культура была более отсталой и менее приспособленной к местным природным условиям, чем пришедшая, тунгусская.

В качестве доказательства того, что при своем первоначальном расселении по тайге эвенки были пешими охотниками, автор ссылается на традиционный тунгусский календарь, утверждая, что в нем нет названий месяцев, связанных с занятиями оленеводством и рыболовством (что мешало пешим охотникам заниматься рыболовством — остается непонятным). Насколько мы знаем, это утверждение не соответствует действительности: такие названия месяцев у эвенков есть. Но не в этом дело. Хозяйственный календарь — явление, подверженное сравнительно быстрым изменениям во времени, и современные термины этого календаря вряд ли могут служить для иллюстрации хозяйственной жизни всех групп эвенков с их разными районами расселения и разными типами хозяйственной деятельности в отдаленном прошлом. Такого универсального календаря у эвенков никогда не было и не могло быть. В действительности древнейшим и, вероятно, общим календарем тунгусов был не хозяйственный, а аналитический календарь с отсчетом 13 лунных месяцев по голове и суставам рук.

Не могут служить доказательствами существования «пешей культуры» и ссылки на «сведения», дошедшие до «первых путешественников XVIII в.» о наличии на Алдане «собачьих тунгусов», а также на «пеших тунгусов» Охотского побережья. Оседлыми тунгусами на Алдане могли быть эвенки, потерявшие оленей и ассимилированные якутами и русскими. Группы таких ассимилированных тунгусов-животноводов там известны с конца XVIII в. Что касается «пеших тунгусов» Охотского побережья, то они отнюдь не реликт «доолeneводческой» стадии развития тунгусов, а продукт их смешения с местным рыболовецким населением (главным образом с коряками), на что в свое время было указано М. Г. Левиным и Б. О. Долгих.

Не подтверждает положения автора о первоначальном расселении «пеших тунгусов» и попытка подразделить тунгусское оленеводство на два типа — «эвенкийский» и «корочонский». Первый тип, по мнению автора, характеризуется особенностями, позволяющими утверждать, «... что оленеводство появилось у большинства пеших эвенков уже после расселения их по тайге...» (стр. 78). Признаки, характеризующие оба типа, крайне расплывчаты и неубедительны. Г. М. Василевич пишет, что для «эвенкийского» типа было характерно наличие мелких стад и осенний забой оленей на мясо. Однако «небольшое» стадо было типичным для всех эвенков-олeneводоов, что отличало их, например, от коряков и чукчей. С большим стадом кочевать по тайге, а тем более заниматься охотой (основным делом эвенков) было трудно. Что касается «осеннего забоя на мясо», то такой производился малоолeneвыми охотниками лишь в исключительных случаях, когда альтернативой была голодная смерть.

Одним из основных положений автора по данному вопросу является утверждение, что оленеводство возникло в бассейне некоего притока Амура — Оро (стр. 12). Насколько нам известно, топоним Оро единственный раз упомянут русским натуралистом Р. Мааком в его труде «Путешествие по Амуру» (СПб., 1859) применительно к району бывшего Албазинского острога и безотносительно к происхождению оленеводства. Это полупустынный район с жарким летом, где нет и не могло быть ни домашних, ни диких оленей ввиду невозможности их существования в данных географических условиях.

Г. М. Василевич связывает с топонимом Оро название «корочон» и указывает, что оно «обозначало жителя местности Оро» (стр. 12). Такое толкование идет вразрез с практикой и смыслом употребления самими эвенками слова *орочён*, буквальный перевод которого будет «олeneвод» (от *орён* — «домашний олень»). Что же касается обозначения «жителя местности Оро», то согласно нормам эвенкийского языка, таким словом скорее должно было стать слово *ороган*, где *ган* — суффикс принадлежности к определенной местности.

В свете вышесказанного изложенные в книге этногенетические концепции следует, очевидно, рассматривать только как личное мнение Г. М. Василевича.

В заключение отметим, что ценность значительных и интересных материалов, приведенных в работе, к сожалению, снижается из-за неисторического подхода автора к описываемым явлениям, вольного обращения с фактами и отсутствием в целом ряде случаев ссылок на источники.

И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, В. А. Туголуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

F. B. Florescu, P. Petrescu, P. H. Stahl. *Arta populară de pe valea Bistriței*. București. 1969, 250 p.

Румынские ученые на протяжении многих лет систематически изучают народное искусство в искусствоведческом и этнографическом аспектах. В период до Второй мировой войны имел место преимущественно искусствоведческий подход к изучению материальной культуры. В послевоенные годы наметился переход к историзму. Проблемы методологии искусствоведческих работ, четкого научного определения предмета исследований находятся в центре внимания румынских ученых. Свидетельством этого является статья известного этнографа П. Петреску¹, который подчеркнул необходимость глубокого исторического подхода к исследованиям народного искусства, рассмотрения последнего в связи с другими явлениями народной культуры и с окружающей социальной средой, привлечения данных археологии, истории, социологии и других общественных наук. Такое изучение, являющееся по сути дела историко-этнографическим, приводит, по мнению румынских специалистов, к созданию «истории народного искусства».

В этом плане румынские этнографы и искусствоведы предполагают подготовить ряд монографий об отдельных этнографических зонах, а также работы по архитектуре жилища, керамике, одежде. Намеченный план реализуется. Вышли монографии, посвященные народному искусству населения долины р. Жиул, области Арджеш-Мусчел². Рецензируемая монография — третья по счету — посвящена народному искусству крестьян долины р. Бистрицы.

Эта область румынской Молдовы привлекла внимание ученых в связи со строительством гидроузла на Биказе, причем часть сел в долине Бистрицы в связи с созданием водохранилища попала в зону затопления и подлежала сносу. Коллектив исследователей поставил перед собой благородную задачу передать во всех деталях облик крестьянской культуры исчезающих сел. Строительным работам предшествовали исследования этнографов, археологов и искусствоведов, которыми на протяжении ряда лет было обследовано 25 сел.

В предисловии отмечено, что рецензируемый труд — первый в серии публикаций, посвященных культуре сел изучаемой зоны. Наибольшее внимание уделено художественным особенностям материальной культуры, рассмотренным в тесной связи с народным бытом. Авторы прибегают к историческим экскурсам и в ряде глав прослеживают эволюцию того или иного явления на всем протяжении его существования.

Первая глава книги посвящена народной архитектуре. Авторы подробно описывают строительные материалы, орудия и технику строительства, фундамент, стены, пол, потолок, печь, крышу. Много внимания уделено украшению интерьера. Раздел завершается рассмотрением типов жилища исследуемой зоны, выявлением этнической специфики жилых сооружений, их сходства, общности и различия с жилищем других областей Румынии, в частности Мунтении и Олтении. Для написания главы обследовано около тысячи домов, что составляет 25% жилищ изучаемой зоны.

Как видно из представленных материалов, наиболее распространенным типом жилища в долине р. Бистрица был трехкамерный дом с завалинкой и балюстрадой. В XIX в. появился дом с пристроенным крыльцом, крыша которого поддерживается столбами («каса ку чердак») — один из наиболее распространенных типов жилища в Румынии. В разных зонах страны крыльцо носит локальные черты и местные наименования: в Молдове называется «чердак» и «придвор», в Марамуреше — «шатра», в Мунтении — «фоншор», «полимар»³.

Исследователи этого малохарактерного для балканских стран типа жилища считают, что он мог быть занесен в Румынию с востока⁴. На наш взгляд, существование аналогичных дома с крыльцом у русских и дома с ганок у западных украинцев дает возможность сделать вывод о широком ареале распространения жилища этого типа, который, вероятно, заимствован румынами у восточных славян.

Ткачество — одно из наиболее развитых домашних производств Румынии. В прошлом женщины занимались ткачеством в каждом крестьянском доме. В изучаемой области ткачество широко распространено и в наши дни. В разделе о тканях читатель может найти самые разнообразные сведения обо всем процессе ткачества, начиная от обработ-

¹ P. Petrescu, Probleme de orientare și metodologie a cercetării științifice în domeniul istoriei artei populare, «Studii și cercetări de istoria artei. (Seria arta plastica)», 1969, t. 16, № 1.

² «Arta populara din valea Jiului», București. 1963; F. B. Florescu, P. Stahl, P. Petrescu, *Arta populară din zonele Argeș și Muscel*, București, 1967.

³ P. Petrescu, Casa cu foișor țărănească la români, «Studii și cercetări de istoria artei», 1958, № 1, p. 28—29.

⁴ Там же, стр. 50.

ки исходных материалов до изготовления различных типов полотен и ковровых изделий. В Молдове, как показали авторы, ткнут декоративные полотенца «просоп» с геометрическим орнаментом в виде полосок или растительным, изображающим розы. Полотенцами украшают стены, обрамляют окна, зеркала, портреты. Декоративные полотенца широко используются участниками обрядовых действий.

Особенно интересно написан раздел о классификации и эволюции ковровых изделий: ковров, дорожек, покрывал. Авторы отмечают богатство орнаментальных мотивов и разнообразие их терминологии, а также подчеркивают этническую специфику коврового орнамента, обоснованно связывая некоторые наиболее древние орнаментальные формы («алесэтуре ку борте») с искусством Ближнего Востока. Одним из древних сюжетов коврового орнамента рассматриваемой области Румынии был широко известный мотив «древа жизни»: дерево, вазон с цветами или фрагменты растений (листья, цветы, ветки), вытканые по всему полю ковра. Этот некогда широко распространенный орнамент в современных коврах постепенно исчезает, уступая место композициям из роз.

В книге детально рассмотрен национальный костюм зоны Бистрицы, характерный для румынской Молдовы. Типичный комплекс женской одежды состоит из белой рубахи, темной шерстяной юбки и орнаментированной меховой безрукавки. Авторы отмечают бытование в долине Бистрицы молдавского и трансильванского типов рубах с цельнокроенным рукавом, получивших в румынской этнографии наименование «кэмаша ынкредитэ ла гыт» («рубаха со сборками на груди»). Авторы выделяют трансильванский тип рубахи, для которого характерен рукав с широкой веерообразной манжетой («фодор ла мынекэ»), и молдавский тип — с узкой манжетой («брэцарэ ла мынекэ»). Трансильванский тип рубахи, бытовавший в долине Бистрицы в прошлом, был постепенно вытеснен собственно молдавским типом.

Характерная женская поясная одежда — «катринцэ» — несшитая юбка из цельного куска шерстяной ткани, вытканная на горизонтальном станке техникой, аналогичной той, которой ткнут ковровые изделия. Катринцэ — одежда, дошедшая до наших дней из глубины веков без изменений. Один из авторов раздела об одежде — Ф. Б. Флореску — в ряде статей рассмотрел исторические параллели румынской катринцэ у различных народов мира и пришел к выводу о широком бытовании в древности этого вида одежды у народов средиземноморского бассейна и Ближнего Востока — фракийцев, иллирийцев, египтян, финикийцев, ассирийцев⁵. Можно добавить, что ареал распространения катринцэ к востоку от Румынии охватывает Молдавскую ССР и районы Западной Украины, прилегающие к Карпатам. У западных украинцев катринцэ, широко распространенная в прошлом, носила название «дерга», «горботка», «опинка».

Авторами выделен и специфический для данной зоны тип традиционной мужской рубахи с юбкой («кэмашэ ку фустэ»). Одежда состоит из двух частей: короткой рубахи у пояса и юбки, собранной на резинке.

Приведенные в главе материалы свидетельствуют о сохранении в современной традиционной праздничной мужской и женской одежде ряда древних деталей.

Книга завершается разделами о керамике и художественных изделиях из металла, кости, камня. Эти отрасли народного творчества получили в изучаемых селах меньшее распространение, чем в деревнях других районов Румынии.

Коллективу авторов удалось показать общность народной культуры изученной этнографической зоны с культурой всей страны, а также выявить черты, специфические только для Северной Молдовы. Выявилась генетическая связь многих форм народной культуры населения долины Бистрицы с культурой жителей соседних районов Трансильвании.

Подводя итоги исследования, авторы пришли к выводу, что в народной культуре изучаемой зоны сохранились древние фракийские и иллирийские традиции. Если наличие элементов фракийской культуры в традиционной румынской народной культуре обосновано довольно убедительно, то менее веско звучит положение о связях с иллирийской культурой. Этнографические материалы, на которых строятся доказательства существования этих связей, — мужская рубаха «фустанела», некоторые типы кожаной обуви — «опинчэ» и т. д. — не являются достаточным аргументом, так как эта одежда могла быть заимствованной румынами в сравнительно поздний период. Обойдены молчаем элементы славянской культуры в изученной зоне, которые отчетливо видны в планировке жилища, покроях и терминологии одежды.

В заключение отметим, что книга хорошо издана, она богато иллюстрирована фотографиями, рисунками, чертежами, которые существенно дополняют текст. Главные достоинства книги — в систематичности и полноте изложения материала, в постановке и решении ряда теоретических проблем. Рецензируемая работа является значительным вкладом в развитие этнографии и искусствоведения Румынии и представляет специалистам других стран обширный сравнительный материал.

В. С. Зеленчук

⁵ F. B. Florescu, Paralele istorice, «Arges», 1967, № 3.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

H. Byron Earhart. Japanese religion: unity and diversity. Belmont, California, 1969, 127 p.; его же, The new religions of Japan. A Bibliography of Western language materials. Tokyo, 1970, 227 p.; его же, A religious study of the Mount Haguro, sect of Shugendo, Tokyo, 1970, 230 p.

В процессе изучения религии японцев как в самой этой стране, так и за ее пределами накоплен громадный фактический материал. Сотни исследований посвящены этой тематике не только в японской, но и зарубежной литературе. Однако в большинстве этих работ, особенно в работах, принадлежащих западным авторам, отдельные элементы религии Японии: народные верования, синтоизм, буддизм, конфуцианство, даосизм — рассматриваются изолированно друг от друга. Этот недостаток, характерный для исследований по японской религии, отчасти можно объяснить исключительной сложностью и многообразием картины религиозной жизни Японии, которую с полным основанием называют «живым музеем религий».

Относительно недавно японские и зарубежные ученые, в том числе такие виднейшие авторитеты в области японского религиоведения, как японец Итиро Хори и американец японского происхождения Джозеф Китагава¹, предприняли попытки унифицировать подход к изучению японской религии, рассмотреть ее в органическом единстве взаимодействующих в ней элементов. Однако более четкое выражение новый подход получил в трудах молодого американского ученого Байрона Эрхарта, который подчеркивает необходимость исторического подхода к изучению религии Японии. Он считает, что тот или иной религиозный феномен можно объяснить только в тесной связи с общей обстановкой². Именно с этих позиций написаны все работы исследователя, в том числе и рецензируемые книги: «Японская религия: единство и разнообразие», «Новые религии Японии», «Изучение верования секты сюгэндо горы Хагуро». Первая из этих работ — «Японская религия»³ является введением в изучение предмета. Автор указывает, что она должна «дать унифицированное толкование японской религиозной истории». Эрхарт считает, что «единственный способ, позволяющий понять разнообразие и сложность японской религии, состоит в том, чтобы изучить ее многочисленные элементы в их исторической связи» (стр. 9).

В книге проводится мысль о том, что ни один из составных элементов религии Японии не сохранился в чистом виде. Эти элементы невозможно разделить на взаимоисключающие понятия местной и иностранной традиций, их можно рассматривать лишь во взаимодействии друг с другом. Так, синтоизм нельзя считать чисто местным явлением, поскольку в процессе своего становления он не только инкорпировал местные верования, но и заимствовала многое как от буддизма, так и от конфуцианства и даосизма. Синтоизм, поэтому, есть результат смешения местных и иностранных религиозных элементов в одну большую национальную традицию. С исторической точки зрения — это канал, по которому многие из ранних местных верований дошли до наших дней» (стр. 14). Автор подвергает критике тех западных ученых, которые противопоставляют синтоизм всем прочим религиозным традициям Японии, как чисто национальный элемент иностранному. Такой ошибочный подход частично объясняется тем, что многие исследователи все еще придерживаются концепции Холтома⁴ и других авторов, которые занимались изучением синтоизма накануне Второй мировой войны и во время войны. В этот период политическая задача разоблачения шовинизма правящих кругов Японии, использовавших в своих интересах синтоизм, затрудняла объективный подход к этому явлению.

С другой стороны, ни буддизм, ни конфуцианство, ни даосизм в Японии нельзя рассматривать как чисто иностранные традиции. Многие буддийские и даосские элементы настолько укоренились в народных верованиях, что деревенский житель, например, рассматривает каждый аспект того или иного культа как исключительно местное по своему происхождению явление.

¹ См. рецензии на работы Хори и Китагава: С. А. Арутюнов, *Joseph Kitagawa, Religion in Japanese history* (New York, 1966), «Сов. этнография», 1967, № 6; Г. Е. Комаровский, *Ichiro Hori, Folk religion in Japan* (Tokyo, 1968), «Сов. этнография», 1969, № 5.

² H. Byron Earhart, *Toward an understanding of Japanese folk religion, religions in Japan of present, part III*, Tokyo, 1964, p. 68.

³ Эрхарт использует термин «японская религия», чтобы показать единство религиозного процесса в Японии в историческом плане. В то же время он признает, что не существует единой японской религии, по крайней мере в том смысле, в котором говорят о религии христианской.

⁴ Наиболее характерной в этом смысле является работа: D. C. Holtom, *The national faith of Japan*, New York, 1938.

Историю религии в Японии Эрхарт подразделяет на три периода. Первый (доисторическая эпоха — VIII век н. э.) характеризуется формированием основных черт японской религии, второй (IX—XVI вв.) — развитием и усложнением религии (усиление взаимодействия различных традиций и сложение более четких организационных форм), третий (с XVII в. до наших дней) — идеологическим застоєм, связанным с общим застоєм позднефеодального общества, и последующим обновлением религии. Подобная схема, по мнению Эрхарта, применима к истории любой религиозной традиции в любой стране.

В соответствии с указанной периодизацией книга «Японская религия» разделена на три части. Процесс взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния различных элементов в истории религии Японии показан весьма убедительно на протяжении всего повествования, что позволяет представить общую картину религиозной жизни в Японии на различных ее этапах. Эрхарт признает значение экономических и политических факторов для истории религии, но в книге «Японская религия» эти факторы освещены весьма слабо. В этом смысле рецензируемое исследование явно уступает уже упомянутому труду Китагава.

Заслуживает внимания концепция автора о единстве и множественности, различии религий в Японии. Для религиозной жизни Японии характерно, что человек принадлежит исключительно к одной религиозной традиции, а «сознательно связан и бессознательно участвует в нескольких из них». Объясняется это тем, что указанные традиции «скорее взаимно дополняют, нежели взаимно исключают друг друга» (стр. 2—3). Вместе с тем, в Японии, как, впрочем, и в любой другой стране, находит свое выражение несколько уровней религиозности — от самых примитивных верований до сложной религиозной философии. Так, малообразованный человек для удовлетворения своих религиозных потребностей может прибегнуть и к синтоизму, и к буддизму, и к народным верованиям, не испытывая при этом чувства противоречия: ведь сплошь рядом синтоистские и буддийские храмы снабжают верующих одними и теми же амулетами, «покровительствуют» и «защищают» их в одних и тех же ситуациях. С другой стороны, образованные люди нуждаются в более сложных теоретических построениях буддизма, конфуцианства и даосизма. Таким образом, «на данном уровне единства религиозного подхода может распространиться сразу на несколько отдельных традиций» (стр. 3).

Автор считает, что говоря о начальном этапе формирования религиозных представлений японского народа, нельзя не учитывать географического положения страны, которое делало Японию объектом культурного влияния со стороны азиатского континента, в частности Китая. Однако в древнейший период это влияние носило периодический характер: в те времена сношения между Японией и континентом не могли быть регулярными. Поэтому любой иностранный элемент, проникавший в Японию в течение длительного времени, преобразовывался в изолированной островной обстановке на японский лад (стр. 10). Это замечание важно для понимания как процесса формирования религии, так и культуры японского народа в целом.

В качестве одного из доказательств единства религии Японии Эрхарт приводит наличие «постоянных тем» или общих черт, характерных для всех этапов истории религии в этой стране. Такими чертами он считает тесную связь между человеком, богом и природой (имеются в виду как «камни» синтоизма, так и будды и бодисатвы буддизма.— Г. К.); решающую роль семейной системы, включая культ предков; важность обрядности, в частности ритуала очищения, а также амулетов; наличие индивидуальных культов, местных праздников, которые проводятся без посредства священнослужителя; глубокое проникновение религии в повседневную жизнь и быт (посещение человеком храмов в определенные моменты его жизни, ориентация отдельных храмов на людей определенной профессии: рыбаков, крестьян и т. п.); связь между религией и японской нацией (имеется в виду прежде всего роль религиозных институтов в поддержке государственной власти и их участие в «мирских» делах) (стр. 7—8).

Некоторые из этих положений Б. Эрхарта не могут не вызвать возражения. Так, например, тесная связь религиозных институтов и государственной власти значительно ярче проявлялась в европейских средневековых государствах. В целом же эта часть труда Эрхарта много выиграла бы, если бы характерным для всех этапов истории религии Японии чертам было дано объяснение с точки зрения материальных факторов жизни японского народа и его социальной истории. Этого, к сожалению, в работе нет.

Если книга «Японская религия» содержит изложение основных концепций Эрхарта, то в двух других рецензируемых работах исследователь старается применить эти концепции к отдельным конкретным случаям.

«Изучение вероучения секты сюэндо горы Хагуро» — одно из немногих исследований о религиозном движении, в основе которого лежит практика горного аскетизма с целью овладения магико-религиозной властью. Эрхарт не случайно избрал эту тему для своей работы. Секта сюэндо оформилась в результате сложнейшего переплетения и взаимодействия самых разнообразных элементов, включая местный «культ гор» (сангаку синко), буддизм, даосизм и, в какой-то мере, даже конфуцианство. На протяжении ряда столетий, особенно в период позднего средневековья и нового времени вплоть до буржуазной революции 1868 г., сюэндо играла важную роль в общественной жизни страны, в особенности в японской деревне. Высказанные выше соображения показывают, что сюэндо является отличным объектом для изучения характера религии Японии в целом.

Книга Эрхарта выгодно отличается тем, что она базируется не только на письменных материалах, но и на личных наблюдениях: в течение трех лет исследователь на месте изучал религиозную практику одной из групп секты сюэндо с центром на горе Хагуро (префектура Ямагата). Автор дает общий очерк истории сюэндо в целом и группы Хагуро в частности. Особое внимание он уделяет организационной структуре, доктрине и религиозной практике секты. Детально изучив обрядовые, атрибуты, используемые священнослужителями секты, Эрхарт прослеживает связь движения сюэндо с другими религиозными традициями. Вместе с тем, анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что сюэндо представляет собой самостоятельное религиозное движение, «уникальный продукт истории религии в Японии». Попытки некоторых западных ученых рассматривать сюэндо как ответвление эзотерического буддизма не обоснованы⁵.

В целом книга «Изучение вероучения секты сюэндо горы Хагуро» служит яркой иллюстрацией методологии Эрхарта: ученый демонстрирует единство данного религиозного феномена путем анализа его исторического развития и религиозной практики. Книга снабжена богатейшим справочным материалом (гlossарий, библиографии на японском и западноевропейских языках, индексы), который занимает свыше четверти ее объема.

Третья книга Б. Эрхарта, «Новые религии Японии», представляет собою библиографию материалов по проблемам религиозных движений, занимающих господствующее место в религиозной жизни Японии после второй мировой войны. Эрхарт впервые собрал и систематизировал материалы о «новых религиях» преимущественно на английском, а также немецком, французском и некоторых других западноевропейских языках (имеется также несколько названий на русском языке). Охвачен широкий круг изданий: книги, многочисленные журнальные статьи, публикации самих религиозных организаций, в том числе их периодические издания. Всего перечислено 810 названий. В разделе «Общая библиография» приведенные издания снабжены краткими аннотациями. В книгу включены списки рекомендуемой литературы по религии Японии на западноевропейских языках, а также по «новым религиям» Японии на японском языке. Все это делает ее ценнейшим пособием для изучения современной религиозной жизни Японии.

Во вводной статье дан анализ «новых религий» и показано их место в истории религии Японии⁶.

Укоренившемуся в литературе термину «новые религии» автор противопоставляет термин «новые социально-религиозные движения», который, на наш взгляд, правильное отражает сущность этого социального явления. По мнению автора, его следует интерпретировать как обновление старых религиозных традиций в видоизмененной форме. По его выражению, «у новых религий современный рисунок, но этот рисунок отпечатан на ткани японской религии» (стр. 1). В целом, в отличие от ряда других исследователей вопроса, Эрхарт акцентирует внимание на том, что связывает новые социально-религиозные движения со старыми традициями.

Среди ученых до сих пор нет единства по вопросу о том, какие из многочисленных религиозных групп современной Японии можно считать участниками новых социально-религиозных движений. На наш взгляд, Эрхарт предлагает правильные критерии, считая необходимым понимать под этим термином движения, которые а) возникли в канун революции 1868 г. и существуют вплоть до наших дней, б) представляли собой силы обновления в религиозной жизни Японии и в) привели к созданию постоянных социально-религиозных организаций (стр. 6). Эти критерии позволили Эрхарту расширить понятие «новые социально-религиозные движения», включив в него широкий круг организаций, а также так называемые «морально-этические движения», которые официальной японской статистикой даже не признаются религиозными, и исключить из него многочисленные группки, отколовшиеся от старых сект после Второй мировой войны.

Но если критерии Эрхарта в определении новых социально-религиозных движений не вызывают возражений, то его классификация этих движений явно неполна. Эрхарт кладет в основу этой классификации принцип происхождения и подразделяет новые социально-религиозные движения на синтоистские, буддийские, христианские (последние представлены одной малочисленной группкой), прочие и так называемые утопические. При этом в группу «прочие» (термин сам по себе ничего не объясняющий) включены как некоторые движения с синтоистской окраской, так и некоторые морально-этические движения; в то же время другие морально-этические движения попали в раздел «утопических».

Нельзя не согласиться с автором в том, что проблема классификации новых социально-религиозных движений требует дальнейшей разработки. Однако, на наш взгляд, более приемлемой представляется классификация, предложенная советскими исследова-

⁵ См. G. Renondeau, Le Shugendo, «Cahiers de la Société Asiatique», XVIII, Paris, 1965.

⁶ В этом плане большой интерес представляет также статья: B. Earhart, The interpretation of the «new religions» of Japan as historical phenomena, «Journal of the American Academy of religion», 1969, № 3, pp. 237—248.

телями⁷: новые социально-религиозные движения подразделяются на неосинтоистские (наиболее многочисленная категория, куда входит несколько подразделений), метабуддийские движения и организации межрелигиозного согласия, куда включаются все мистико-религиозно-этические движения и для которых характерен наибольший эклектизм в доктринах, обрядности и т. п.

В целом, не будет преувеличением сказать, что исследования Эрхарта вносят важный вклад в изучение религии Японии. Они открывают возможности для действия не унифицированного подхода к этому явлению, позволяя создать более целостное представление о характере религиозной жизни японского народа в прошлом и настоящем.

Г. Е. Комаровский

⁷ См. С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов, Старые и новые боги Японии, М., 1964, стр. 111—114.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Erna Siebert, Werner Forman. Indianerkunst der Amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967.

Ленинградский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого обладает самым крупным в мире собранием предметов быта и культуры индейцев северо-запада Северной Америки. Это собрание выделяется не только своими размерами, но и чрезвычайным разнообразием материалов. Основную его часть составляют вещи, собранные в конце XVIII и в первой половине XIX в., т. е. в то время, когда индейская культура сохраняла еще в значительной мере свои древние самобытные черты.

Публикации сокровищ МАЭ до самого последнего времени были явлением не частым, а их техническое выполнение оставляло желать лучшего. Популярных изданий северо-американских коллекций, предназначенных для зарубежного читателя, вообще не существовало. Альбом «Индийское искусство северо-западного побережья Америки», составленный в 1967 году Э. Зиберт и В. Форманом, является первой такой работой.

Выбор авторами сравнительно узкой темы не является случайностью. Искусство северо-западных индейцев, достигшее высокой ступени художественного развития, производит сильное впечатление удивительным своеобразием стиля, в котором богатая фантазия художника сочетается с прекрасным знанием натуры, а стилизация и даже условность изображения — с предельной его выразительностью. В альбом вошли лишь изделия тлинкитов. Это вполне объяснимо: тлинкитские вещи составляют основу коллекции МАЭ по северо-западным индейцам и имеют наибольшую научную ценность.

Альбом состоит из введения и девяти разделов, содержащих 107 цветных и 35 черно-белых прекрасно выполненных иллюстраций. Во введении изложены общие сведения об истории изучения северо-западных индейцев, об их хозяйственной деятельности, общественных отношениях, верованиях и обычаях, а также об основных особенностях изобразительного искусства. В девяти разделах альбома публикуются: 1) маски (28 илл.); 2) ритуальные головные уборы (7 илл.); 3) военное облачение (17 илл.); 4) погремушки (8 илл.); 5) сосуды (11 илл.); 6) резные деревянные изделия (10 илл.); 7) шаманские атрибуты (5 илл.); 8) домашняя утварь (2 илл.); 9) одежда (9 илл.). В каждом разделе кратко сообщается о назначении, способах изготовления и некоторых особенностях публикуемых предметов. Но, к сожалению, аннотации к отдельным предметам несколько лаконичны.

Рецензируемая работа дает возможность зарубежному читателю познакомиться с великолепными произведениями индейского искусства, хранящимися в Ленинграде. Она, несомненно, привлечет внимание любителей и, конечно, очень интересна для художников, скульпторов и для тех, кто изучает историю изобразительных искусств. Альбом содержит, кроме того, весьма ценный материал для широкого круга специалистов, исследующих первобытные верования и обряды, а также индейскую мифологию.

Р. С. Разумовская

НАРОДЫ АФРИКИ

Wilfred Whiteley. Swahili. The rise of a national language. London, 1969, 159 p.

В последние годы язык суахили привлекает внимание исследователей не только как объект лингвистического изучения, но и как один из немногих африканских языков, способных развиваться в национальный язык некоторых восточноафриканских стран. Книга профессора Уайтли посвящена роли суахили в языковой политике Танзании, Кении и Уганды.

Автор не дает прямого ответа на поставленный им вопрос: «Станет ли суахили, государственный язык Танзании, общепринятым средством общения в восточноафриканских странах или область его распространения ограничится узкой полосой побережья Восточной Африки?» Он пишет, что ответить на него могут «только время и те, кто говорит на суахили».

Уайтли подробно описывает сложную и противоречивую историю развития этого языка. Широко использовала суахили колониальная администрация, так как он давал возможность управлять множеством разноразличных племен и народов, понимавших этот язык Восточной Африки. Однако церковь оказывала противодействие распространению суахили и поощряла использование племенных языков, считая, что «слово божье» может дойти до сознания африканца только на его родном языке. Суахили же для подавляющего большинства жителей Восточной Африки — второй или даже третий язык. Кроме того, отношение к суахили в разных странах Восточной Африки было неодинаковым. В Танзании, где существует более 100 мелких племенных языков, ни один из которых не может претендовать на роль общенационального языка, общественное мнение было за распространение суахили. В Кении и Уганде, где имеются довольно развитые языки крупных народностей, предложение о введении суахили в качестве общенационального языка не встретило единодушной поддержки. Этим проблемам, не утратившим своей актуальности и теперь, Уайтли отводит значительное место в своей работе.

В качестве национального языка суахили употребляется пока лишь в Танзании, поэтому автор пишет более подробно о перспективах его развития именно в этой стране. Несмотря на статус государственного языка, суахили в Танзании используется далеко не во всех областях общественной жизни. В значительной степени это объясняется недостаточной развитостью языка и, прежде всего, отсутствием лексики для выражения многих понятий современной науки, техники, медицины и т. д. Даже в тех сферах, где суахили используется максимально (например, в политике), терминология разработана пока недостаточно. В качестве примера Уайтли приводит слово «ischumi», которое в разных контекстах имеет разные значения; хотя существует тенденция употреблять это слово прежде всего в значении «экономика», его используют и для передачи таких понятий, как «доход», «прибыль», «капиталовложение». Многозначность слов часто сильно затрудняет их правильное понимание. Процесс переосмысления слов, становящихся терминами, длится довольно долго, старое и новое значения в этот период сосуществуют. В Танзании созданы специальные комитеты, которые разрабатывают терминологию для различных областей науки, экономики, политики и т. д. Подобные организации существовали в Восточной Африке и раньше, в колониальный период (имеется в виду, в частности, Восточноафриканский Суахилийский Комитет), но на современном этапе резко возросло участие в их работе африканцев — носителей языка. Работа эта уже принесла некоторые плоды. Например, недавно издан «Словарь юридических терминов», составленный Комитетом по выработке юридической терминологии. Разумеется, лишь время может показать, насколько этот словарь отвечает требованиям юридической практики, но уже сам факт создания такого словаря имеет большое значение.

Уайтли освещает также деятельность по обогащению лексики суахили, а также созданию словарей, учебных пособий и художественных произведений на суахили. К сожалению, Уайтли лишь вскользь упоминает об опыте Занзибара по внедрению суахили в качестве государственного языка в послереволюционный период. Практически переход на суахили, осуществленный на Занзибаре, вызвал бурное развитие этого языка. О конечных результатах этого сложного процесса говорить еще рано, но обобщение занзибарских материалов за последние годы, вероятно, дало бы много полезного.

В целом книга Уайтли, анализирующая развитие языка суахили за многие годы, по-новому ставит вопрос о месте суахили в жизни восточноафриканских стран. Статус государственного языка, завоеванный суахили, выдвигает новые проблемы перед руководителями, определяющими языковую политику в странах Восточной Африки. Книга Уайтли чрезвычайно своевременна, так как показ путей развития суахили может во многом помочь решению языковых проблем в странах Восточной Африки, особенно в Танзании.

В. И. Кирьянов

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НЕКОТОРЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

В № 5 Вашего журнала за 1969 г. в статье Л. В. Хомич «О содержании понятия „этнические процессы“» на стр. 79—80 появилось упоминание моей мысли о природе этноса, высказанной мною в печати («О термине „этнос“» и «Этнос как явление», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967), что весьма лестно. Однако, вырвав из текста одну цитату, автор искажил мою простую и ясную мысль. Он предположил, что, считая этнос явлением, имеющим биохимическую природу, я, тем самым, игнорирую его развитие, т. е. этногенез. Это противоречит всему, что написано в двух моих цитируемых Л. В. Хомич статьях. Но помимо этого, со времен Ч. Дарвина известно, что все организмы на Земле подвержены эволюции, а физические явления (температура, свет, электромагнетизм) — формы движения материи. Следовательно, для предположения Л. В. Хомич, будто я рассматриваю этносы как статические величины, нет оснований. Кроме того, в моей статье ясно сказано, что «этногенез — локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием исторического и хронометрического (ландшафтного) факторов» (стр. 7). Более того, в конце исследования помещена первичная классификация состояний этноса: «творческое, т. е. динамическое, инертное или историческое, и стабильное или персистентное, при котором этнос входит в биоценоз» (стр. 106). Меня очень огорчило, что мне приписаны взгляды, которых я не высказывал и не разделяю.

Однако это не значит, что различие во взгляде на этногенез у меня и Л. В. Хомич отсутствует. В отличие от Л. В. Хомич, считающей этногенез модуляцией социального развития (общественной формы движения материи), я склонен видеть в нем проявление биохимической энергии живого вещества, открытой академиком В. И. Вернадским. Моя мысль заключается в том, что различие между социальными и этническими явлениями происходит за счет проявления в последних дополнительного импульса; в противном случае социальная история и этнография как науки полностью совпадали бы. Видимое многообразие явлений объясняется тем, что этногенез лежит на грани двух форм движения материи: социосферы и биосферы. Этот тезис был мною сформулирован в статье «Этнос и ландшафт» («Известия Всесоюзного Географического общества», 1968, № 3, стр. 193—202) со ссылками на литературу, что исключает сомнение в неосведомленности о наличии других взглядов. Как любая новая точка зрения, мое мнение не может быть воспринято без критики и спора: иначе оно было бы банально. Однако наши разногласия находятся в пределах материалистического метода и могут быть поводом не для полемики, а для конструктивной дискуссии, творческого обмена мнениями. Поэтому отклик «Советской этнографии» на «Доклады Географического общества» — явление отпадное, ибо ошибочная и неполная цитация — дело исправимое.

Л. Н. Гумилев

ОТВЕТ НА ПИСЬМО Л. Н. ГУМИЛЕВА

За последнее время Л. Н. Гумилев написал ряд работ, посвященных проблемам связи человека с географической средой¹. Многие выдвинутые им положения вызвали критические замечания на страницах журналов.

В статье «О содержании понятия „этнические процессы“» («Советская этнография», 1969, № 5) я касаюсь понимания Л. Н. Гумилевым этноса как явления, имеющего биохимическую природу, и привожу некоторые его замечания по этому поводу.

Л. Н. Гумилев обнаружил в моей статье утверждение, будто он рассматривает этносы как статические величины. Между тем, если внимательно прочитать соответствующий абзац моей работы на стр. 79—80, станет очевидно, что этой мысли я не высказывала. Кратко напомним суть дела. В одной из своих статей Л. Н. Гумилев выдвигает

¹ Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3; его же, Этнос как явление, Там же; его же, Этнос и ландшафт, «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, № 3; его же, Этногенез и этносфера, «Природа», 1970, № 2 и др. Дальнейшие ссылки на эти работы даются в тексте.

положение, что этнос явление не социальное, в частности, потому, что оно характерно для всех формаций («О термине „этнос"», стр. 7). Отстаивая тезис, что этнос—явление социальное (а не биологическое), я пишу: «Тот факт, что этнос характерен для всех формаций, ничуть не противоречит этому положению: этнос не есть нечто застывшее, неизменное; он изменяется вместе с развитием общества». Далее следуют примеры. Очевидно, что здесь просто имеет место констатация факта. Таким образом, можно было бы считать, что письмо Л. Н. Гумилева в редакцию основано на недоразумении². Однако я хочу воспользоваться случаем, чтобы сделать несколько замечаний в связи с трактовкой Л. Н. Гумилевым проблемы этногенеза.

Говоря о развитии этноса, Л. Н. Гумилев имеет в виду эволюционное развитие всех организмов на Земле, проявление биохимической энергии живого вещества, что полностью соответствует его концепции о природе этноса. В то же время он считает, что «этногенез лежит на грани двух форм движения материи: социосферы и биосферы» («Этнос и ландшафт», стр. 193; см. также письмо Л. Н. Гумилева), что является известной уступкой оппонентам.

Вопросам этногенеза Л. Н. Гумилев посвятил специальную работу «Этногенез и этносфера». В ней он различает три основных фазы развития этноса: историческое становление, историческое существование и упадок. Что же является движущей силой развития этноса? Л. Н. Гумилев отвечает: пассионарность (стр. 50), т. е. повышенная возбудимость, активность отдельных особей или целых этносов. Пассионарность, которая находится в подсознании людей (стр. 46), «имеет энергетическую природу, преломляющуюся через психические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака, создающего и разрушающего ландшафты, народы, культуры». (стр. 50). Всех людей Л. Н. Гумилев делит на пассионариев, субпассионариев (сюда относятся, главным образом, солдаты-наемники) и тех, у кого пассионарность близка к нулю (последние составляют большинство человечества). Войны Александра Македонского, Наполеона I, борьбу Яна Гуса, Жанны Д'Арк,— все это Л. Н. Гумилев равно объясняет «кипением пассионарности». Нет необходимости опровергать подобную концепцию, ибо хорошо известно, что указанные исторические события обуславливались социальными факторами.

Что касается этногенеза, к которому эти события имеют весьма отдаленное отношение, то этот процесс не может рассматриваться как проявление биохимической энергии живого вещества, как результат повышенной возбудимости отдельных особей или целых этносов уже хотя бы потому, что развитие этносов, их появление и исчезновение связано с взаимоотношениями групп людей, которые составляют социальные, а не биохимические объединения. Динамика этнических общностей связана с развитием производительных сил, освоением пространств в поисках новых пастбищ, охотничьих угодий, полезных ископаемых, культурной ассимиляцией аборигенного населения и т. д., что выходит, на наш взгляд, за пределы закономерностей существования животного мира.

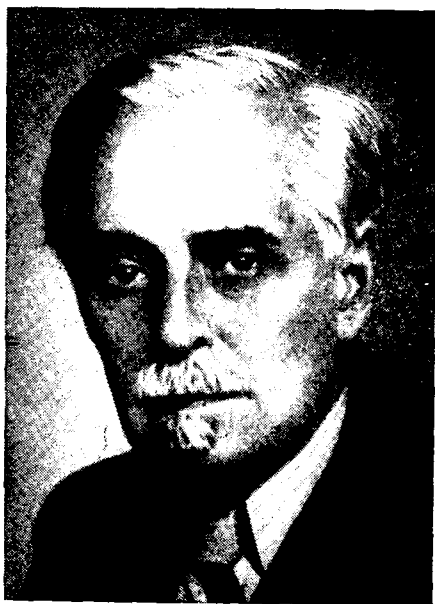
Замечу попутно, что излагать взгляды Л. Н. Гумилева, да и отвечать на его возражения очень сложно, так как в упомянутых его работах встречается ряд противоречий. Так, например, Л. Н. Гумилев под термином «этнос» понимает «все коллективы определенного сорта, данного нам непосредственно в ощущении, как свет, тепло, боль и т. д.» («Этнос и ландшафт», стр. 194). С другой стороны, он полагает, что «группа этносов образует систему, называемую в исторической науке „культура"», каждая из которых «является своеобразной целостностью исторического бытия» («Этнос и ландшафт», стр. 195). Нам представляется, что эти положения трудно сопоставимы.

И еще. Внутриэтническое дробление на роды, племена, консорции и другие группы, по мнению Л. Н. Гумилева, есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость («О термине „этнос"» стр. 13). Едва ли есть необходимость доказывать то, что все перечисленные институты носят социальный, а не биологический характер. Но несколько ниже Л. Н. Гумилев снова подчеркивает, что этнос можно охарактеризовать как биологическую единицу (стр. 14).

Биологизация этноса — характерная черта концепции Л. Н. Гумилева. С такой концепцией невозможно согласиться.

Л. В. Хомич

² Отметим, что Л. Н. Гумилев дает основание упрекать его в признании вечности и неизменяемости сущности этноса. См.: И. Я. Златкин, Не синтез, а эклектика, «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 85.

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ПРОПП

22 августа 1970 г. в Ленинграде на 76-м году жизни скончался доктор филологических наук профессор Владимир Яковлевич Пропп, один из крупнейших фольклористов нашего времени, ученый с мировым именем, автор трудов, снискавших широкую известность и определивших собою целое направление в современной науке о народном творчестве.

В. Я. Пропп окончил в 1918 г. Петроградский университет по разряду славяно-русской филологии. После окончания университета он работал учителем в средней школе, а с 1926 г. начал преподавать немецкий язык в вузах Ленинграда, одновременно сотрудничая в ряде научно-исследовательских учреждений (Русское географическое общество, Институт истории искусств и др.). С 1932 г. В. Я. Пропп — преподаватель Ленинградского университета; вначале он работал на кафедре романо-германской филологии, затем — на кафедре фольклора, а позднее и вплоть до 1969 г. — на кафедре русской литературы. В 1938 г. Владимир Яковлевич получил должность профессора, а в 1939 г. защитил докторскую диссертацию.

Своими трудами В. Я. Пропп внес существенный вклад в разработку проблем генезиса, истории и сущности основных жанров русского фольклора — сказок, были, исторических песен, календарного обрядового фольклора, свадебных песен, народной лирической поэзии, легенд и др.

В своей совокупности многочисленные книги и статьи В. Я. Проппа содержат глубокую, пронизанную идеями историзма и народности характеристику русского классического фольклора, как существенного и специфического раздела русской народной культуры.

Вместе с тем работы В. Я. Проппа имеют очень большое для современной науки значение в общетеоретическом и методологическом плане. В них нашли последовательное и глубокое выражение неустанные поиски ученого, направленные на обнаружение основных закономерностей фольклорного творчества, на исследование эстетической и гносеологической природы фольклора, на уяснение специфического отношения фольклора к действительности.

Мировую известность получила книга «Морфология сказки» (1928 г.), в которой В. Я. Пропп открыл неизвестные дотоле науке структурные закономерности волшебной сказки и тем самым положил начало современным исследованиям в области структуры фольклорных жанров. В следующей своей книге «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп не только объяснил типовую структуру волшебных сказок, но и предложил свою оригинальную теорию происхождения жанра волшебной сказки путем ее закономерного выделения из системы обряда инициаций. Книга эта, как и ряд примыкающих к ней статей, замечательна прежде всего своей методологической направленностью. В. Я. Пропп понимает фольклорное творчество как творчество по своей природе коллективное, основанное на закономерностях, которые обусловлены исторической типологией народной жизни, народного быта и сознания. Одна из важнейших особенностей фольклора заключается, по мнению В. Я. Проппа, в его органической и глубокой этнографичности. Согласно его убеждениям, к различным этнографическим субст-

ратам восходят не только отдельные элементы, мотивы, подробности фольклорных произведений, но и жанровые системы в целом. Фольклорная эстетика и специфика генетически и исторически обусловлены сложными связями с различными явлениями народного быта и с миром народной жизни. Изучению механизмов этих связей, обнаружению этнографических основ фольклорных жанров и сюжетов В. Я. Пропп посвятил значительную часть своих трудов; им разработаны принципы методики этнографизма, составляющей теперь важнейшую часть научной методологии фольклористики. Превосходные образцы эффективного применения этой методики содержатся в работах В. Я. Проппа о сказках, о героическом эпосе, об аграрных праздниках.

В тесной связи с общими взглядами В. Я. Проппа на фольклор находятся его работы, посвященные проблемам историзма народного эпоса. В. Я. Пропп существенно углубил самое понятие эпического историзма, связав его со всей художественной структурой эпоса. Он убедительно показал, что историзм эпического творчества непрерывно развивался и что в развитии этом было несколько важнейших этапов. Эволюцию подвергался и самый характер отношений эпоса с исторической действительностью. В трудах В. Я. Проппа показано, что историческая конкретность, отражение определенных фактов и лиц истории составляют позднейшее завоевание эпической эстетики, итог развития эпического историзма. Эпос же в его классических формах (былины, например) заключает не отклик на события летописной истории, а художественное обобщение (в рамках поэтического вымысла, трансформирующего предшествующую эпическую традицию) наиболее существенных коллизий народной истории и выражение вековых исторических идеалов народа.

В. Я. Пропп показал эволюцию историзма русских былин и, основываясь на выработанной им методике, заново проанализировал весь сюжетный состав русского эпоса. Его монография «Русский героический эпос» (1955) содержит законченную концепцию генезиса и истории былин как жанра и конкретную интерпретацию отдельных сюжетов и циклов. В. Я. Проппу удалось объяснить множество загадок и неясностей в содержании былин и, что особенно важно, выявить свойственную русскому эпосу художественную логику повествования, характерные для него принципы понимания и отображения мира. В сущности говоря, работы В. Я. Проппа заново открывают нам эпос как целостную и неповторимую художественную систему.

В. Я. Пропп был убежденным сторонником сравнительно-исторического метода изучения фольклора. Чуткий и внимательный к национальной специфике фольклора, стремившийся к выявлению конкретно-национальных особенностей в художественном содержании фольклорных памятников, он вместе с тем считал, что фольклорное творчество обусловлено рядом общих закономерностей, которые приводят к возникновению у разных народов сходных явлений, и что самый историко-фольклорный процесс, протекающий всегда в конкретных этнических границах, обнаруживает повторяющиеся, сходные и аналогичные межэтнические черты. Выявление этих общих черт становится, с точки зрения В. Я. Проппа, одним из эффективнейших путей создания подлинно научной истории жанров фольклора. Так, опираясь на сравнительные материалы эпоса народов Сибири, В. Я. Пропп предложил свою реконструкцию древнейшего этапа истории русского эпоса и дал картину его возникновения. Сравнительные данные В. Я. Пропп постоянно привлекал и при изучении генезиса волшебной сказки, и при исследовании проблем обрядового фольклора и т. п.

Не отрицая известной роли в истории фольклора межэтнических контактов, миграций, творческого заимствования, В. Я. Пропп решающее значение все же придавал историко-типологической общности, т. е. общности, основанной в конечном счете на единстве закономерностей развития этносов. В разработку современной историко-типологической теории, в совершенствование методики историко-типологического сравнения В. Я. Пропп внес чрезвычайно много ценного, а его труды дают блестящий пример плодотворного применения этой теории к исследованию сложнейших вопросов фольклористики.

В. Я. Пропп был ученым оригинального научного мышления и своеобразной исследовательской манеры. Эти качества наглядно отразились в самом стиле его работ. Владимир Яковлевич любил вовлекать читателя непосредственно в ход исследования, делал его как бы соучастником аналитической работы, стремился естественно подвести его к выводам. Написанные в строго индуктивной манере, неизменно насыщенные фактами, пронизанные живой ищущей мыслью, труды В. Я. Проппа отличаются особенной увлекательностью, филологической отточенностью и изяществом изложения.

В течение сорока пяти лет В. Я. Пропп был активным и неутомимым участником научной жизни страны. Велика его роль в воспитании нескольких поколений ученых-фольклористов, в подготовке филологических кадров, в популяризации фольклора. Ученый пользовался исключительным авторитетом и заслуженным уважением в широких кругах научной общественности. Его друзья, товарищи, ученики, последователи будут всегда помнить о нем, а научное наследие В. Я. Проппа будет всегда составлять нераздельную часть живого, действующего фонда современной науки о народном творчестве.

Б. Н. Путилов

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. Я. ПРОППА *

- Морфология сказки, Л., 1928; изд. 2, М., 1969; то же на англ. яз.: Блумингтон, 1958; Остин — Лондон, 1968; на итал.яз.: Турин, 1966; на польском яз.: Вроцлав — Краков — Варшава, 1968; на франц. яз.: Париж, 1970; на румынск. яз.: Бухарест, 1970.
- Трансформации волшебных сказок. «Поэтика, Сборник статей», т. IV, Л., 1928.
- К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле). «Сов. этнография», 1934, № 1—2.
- Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 46, «Серия филологических наук», вып. 3.
- Мужской дом в русской сказке, «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 20, «Серия филологических наук», вып. 1.
- Мотив чудесного рождения. «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 81, «Серия филологических наук», вып. 12.
- Эдип в свете фольклора. «Ученые записки ЛГУ», 1944, № 72, «Серия филологических наук», вып. 9.
- Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Специфика фольклора. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук», Л., 1946.
- Русский героический эпос. Л., 1955; изд. 2, М.— Л., 1958.
- Текстологическое редактирование записей фольклора. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.— Л., 1956.
- А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, в трех томах. Подготовка текста, статья, примечания, указатель сюжетов В. Я. Проппа, М., 1957.
- Основные этапы развития русского героического эпоса. Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958.
- Песня о гневе Грозного на сына. «Вестник ЛГУ», 1958, № 14, «Серия истории, языка и литературы», вып. 3.
- Былины, в двух томах. Подготовка текста, вступит. статья и комментарии. М., 1958 (совместно с Б. Н. Путиловым).
- Народные лирические песни. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Я. Проппа, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1961.
- Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп, М.— Л., 1961.
- Об историзме русского эпоса (Ответ академику Б. А. Рыбакову). «Русская литература», 1962, № 2.
- Фольклор и действительность. «Русская литература», 1963, № 3.
- Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.
- Принципы классификации фольклорных жанров. «Сов. этнография», 1964, № 4.
- Жанровый состав русского фольклора. «Русская литература», 1964, № 4.
- Struttura e storia nello studio della favola. В кн.: VI. Ja. Propp. Morfologia della fiaba. Torino, 1966.

* Полный список печатных работ В. Я. Проппа (по 1964 г. включительно) см. в работе «Русский фольклор», т. X, М.— Л., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Савоскул (Москва). Социально-этнические аспекты духовной культуры сельского населения Татарской АССР	3
В. В. Карлов (Москва). Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII—XVIII веках	14
Г. Ф. Дебеш, Ю. А. Дурново (Москва). Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении	26
И. М. Золотарева (Москва). О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеша)	36
А. А. Жуков (Ленинград). К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили)	46
В. Хартвиг (Лейпциг). Некоторые вопросы общественной структуры нага конца XIX — начала XX столетия	54

Дискуссии и обсуждения

В. Ф. Горленко (Киев). К вопросу унификации номенклатуры пахотных орудий (украинский плуг и соха)	67
З. И. Ямпольский (Баку). О безрелигиозности первобытной магии	72

Сообщения

Р. Я. Рассудова (Ленинград). К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX века	78
И. Мухиддинов (Душанбе). Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан)	90
Дж. Х. Кармышева (Алма-Ата). Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбангали Халиди	100
А. В. Блюм (Ленинград). Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.»)	111
А. Ф. Некрылова, Е. Г. Арапова (Ленинград). Первая комплексная экспедиция Ленинградского семинара молодых фольклористов	115

Поиски, факты, гипотезы

В. Н. Басилов, В. П. Кобычев (Москва). Галгай — страна башен	120
--	-----

Научная жизнь

И. М. Золотарева, А. А. Зубов (Москва). Советско-финская генетико-антропологическая экспедиция в Марийскую АССР в 1970 году	136
Н. Л. Жуковская (Москва). Второй Международный конгресс монголоведов	138

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ю. В. Маретин (Ленинград). Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая за 1900—1962 гг. и дальнейшие задачи библиографической работы по этнографии и антропологии	141
Р. В. Каменецкая (Ленинград). Критико-библиографический отдел в журнале «Советская этнография»	149

Общая этнография

- Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография 154

Народы СССР

- И. С. Гурвич (Москва). И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа 157
 А. П. Окладников (Новосибирск), Ч. М. Таксами (Ленинград).
 К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят 160
 В. И. Мошинская (Москва). С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX века 161
 И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, В. А. Туголуков, А. В. Смоляк, З. П. Соколова (Москва). Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) 163

Народы зарубежной Европы

- В. С. Зеленчук (Кишинев). F. B. Florescu, P. P. Petrescu, P. H. Stahl. Arta populară de pe valea Bistritei 169

Народы зарубежной Азии

- Г. Е. Комаровский (Москва). Н. Byron Earhart. Japanese religion; unity and diversity. The new religions of Japan. A Bibliography of Western language materials. A religious study of the Mount Haguro, sect of Shugendo. 171

Народы Америки

- Р. С. Разумовская (Ленинград). Erna Siebert, Werner Forman. Indianerkunst der Amerikanischen Nordwestküste 174

Народы Африки

- В. И. Кирьянов (Ленинград). Wilfred Whiteley. Swahili. The rise of a national language. 175

Письма в редакцию

- Л. Н. Гумилев (Ленинград). Некоторые разъяснения 176
 Л. В. Хомич (Ленинград). Ответ на письмо Л. Н. Гумилева 176
Владимир Яковлевич Пропп 178

На первой странице обложки: селение Эрзи в Джерахском ущелье (Ингушетия, 1969 г.). Рис. Н. И. Абдульманова (См. статью В. Н. Басилова и В. П. Кобычева)

SOMMAIRE

- S. S. Savoskoul (Moscou). Aspects socio-ethniques de la culture des populations rurales de la R.S.S.A. de Tatarie 3
 V. V. Karlov (Moscou). Structure sociale et ethnique des Evenk de la région de Yénisseï aux XVII—XVIII siècles 14
G. F. Débetz, Yu. A. Dournovo (Moscou). Evolution physique des hommes de l'époque énéolithique en Turkménie du Sud 26
 I. M. Zolotariova (Moscou). Sur quelques problèmes de l'anthropologie ethnique de l'Asie du Nord (en rapport avec les oeuvres de G. F. Débetz) 36
 A. A. Joukov (Léninegrad). De l'étude de la situation ethnolinguistique en Afrique Orientale (sur le rôle du swahili) 46
 W. Hartwig (Leipzig). Quelques questions de la structure sociale des Naga à la fin du XIX-e et au début du XX-e ss. 54

Discussions et deliberations

- V. F. Gorliencko (Kiev). Du problème de l'unification de la nomenclature des outils de labourage (charrue et araire ukrainiens) 67
 Z. I. Yampolski (Bakou). Sur le caractère non-religieux de la magie primitive 72

Communications

R. Ya. Rassoudova (Léningrad). De l'histoire de la communauté rurale en Asie Centrale dans la 2e moitié du XIXe et au début du XXe siècles . . . 78

I. Moukhiddinov (Douchanbé). Outils agricoles du district d'Ichkachim, Région Autonome de Monts—Badakhchan . . . 90

Dj. Karmysheva (Alma-Ata). Kourbangali Khalidi, ethnographe et historien régional de Kazakhstan . . . 100

A. V. Blum (Léningrad). Matériaux folkloriques et ethnographiques du journal «Goubiernskiye Vedomosti» jugés par la censure tsariste (d'après les documents du Comité dit du 2 avril 1848) . . . 111

A. F. Niekrylova, Ye. G. Arapova (Léningrad). Première expedition complète du séminarie des jeunes folkloristes de Léningrad . . . 115

Recherches, faits, hypotheses

V. N. Bassilov, V. P. Kobytchev (Moscou). Galgaï, pays des tours . . . 120

Vie scientifique

I. M. Zolotariova, A. A. Zoubov (Moscou). Expedition génético-anthropologique soviéto-finnoise de 1970 en R. S. S. A. des Mariis . . . 136

N. L. Joukovskaya (Moscou). II-e Congrès International des études mongoles . . . 138

Critique et bibliographie

Articles de critique et revues

Yu. V. Marietine (Léningrad). La Bibliographie des oeuvres de l'Institut d'Ethnographie N. N. Mikloukho-Maklaï et études ultérieures dans les domaines de l'ethnographie et de l'anthropologie . . . 141

R. V. Kamienetskaya (Léningrad). La rubrique de critique et de bibliographie de la revue «Sovietskaya Ethnografiya» . . . 149

Ethnographie générale.

N. I. Gaguén-Torn (Léningrad). *Rapports des Sections et des Commissions de la Société géographique de l'U. R. S. S. Ethnographie* . . . 154

Peuples de l'U. R. S. S.

I. S. Gourvitch (Moscou). *I. A. Khoudiakov*. Description sommaire de l'arrondissement de Vierkhoyansk . . . 157

A. P. Okladnikov (Novossibirsk), Tch. M. Taksami (Léningrad). *K. V. Vjatkina*. Essais sur la culture et le mode de vie des Bouriat . . . 160

V. I. Mochinskaya (Moscou). *S. V. Ivanov*. Sculptures des peuples du Nord de la Sibérie au XIXe et dans la première moitié du XXe siècles . . . 161

I. S. Gourvitch, B. O. Dolguikh, V. A. Tougouloukov, A. V. Smoliak, Z. P. Sokolova (Moscou). *G. M. Vassilievitch*. Les Evenk. Essais historico-ethnographiques (XVIIIe—début du XXe ss.) . . . 163

Peuples de l'Europe étrangère.

V. S. Zielenchouk (Kichinev). *F. B. Florescu, P. Petrescu, P. H. Stahl*. Arta populară de pe valea Bistritei . . . 169

Peuples de l'Asie étrangère.

G. E. Komarovski (Moscou). *H. Byron Earhart*. 1) Japanese religion: unity and diversity; 2) The new religions of Japan. A bibliography of western language materials; 3) A religious study of the mount Haguro, sect of Shugendo . . . 171

Peuples de l'Amérique.

R. S. Razoumovskaya (Leningrad). *Erna Siebert, Werner Forman*. Indianerkunst der amerikanischen Nordwestküste . . . 174

Peuples de l'Afrique.

V. I. Kiryanov (Léningrad). W. Whiteley. Swahili. The rise of a national language 8

Lettres aux éditeurs

L. N. Goumiliov (Léningrad) Certains explications 11

L. V. Khomitch (Léningrad). Réponse à L. N. Goumiliov 11

Vladimir Yakovlievitch Propp 11

*Sur la couverture: Le village d'Erzi dans la gorge de Djerakh (Ingouchetie, 1969).
Dessin de N. Abdulmanov (V. l'article de V. H. Bassilov et V. P. Kobytchev)*

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/XI-1970 г. Т-01369 Подписано к печати 26/I-1971 г. Тираж 2350 экз.
Зак. 4383 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 16.1. Бум. л. 5³/₄. Уч.-изд. л. 1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Объем статей не должен превышать 24 стр., рецензий — 8—10 стр. К статьям должно быть приложено краткое резюме ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ стр.).

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

4. Порядок ссылок на монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место и год издания, страница.

5. Порядок ссылок на статьи в журналах и сборниках: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), название журнала или сборника (в кавычках), год издания, том, выпуск или номер, страница. Все названия журналов и сборников давать без сокращений.

6. Помещенные в одной сноске ссылки на различные работы разделяются точкой с запятой.

7. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

8. Если в статье имеется несколько ссылок на одну и ту же работу, то во всех случаях, кроме первого, после фамилии автора надо писать: Указ. раб. Если в статье имеются ссылки на несколько работ одного автора, то во всех повторных ссылках надо после фамилии автора давать полное название работы без выходных данных.

9. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.